

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

На правах рукописи

Жигмытов Цогто Валерьевич

СОЦИАЛЬНАЯ КОГНИТИВИСТИКА: УПРАВЛЕНИЕ
СЛОЖНОСТЬЮ

Специальность 09.00.11 Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Сандакова Людмила Гармаевна

Улан-Удэ

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические подходы к проблеме управления сложностью	15
1.1. Дисциплинарные предпосылки и социально-философские основания управления сложностью	16
1.2. Теоретическая модель управления и ключевые понятия социальной когнитивистики: выбор, габитус и когнатура	42
1.3. Парадигма и задачи социальной когнитивистики в развитии общества	63
ГЛАВА 2. Мировоззренческие основания управления сложностью: от производства к управлению социальными процессами	81
2.1. Производство сложностной картины мира и проблемной карты мира как результат образования	82
2.2. Интеллектуально-деятельностные сети (хирамы) как сложные субъекты социального развития	105
2.3. Стратегия управления сложными социальными процессами	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
ЛИТЕРАТУРА	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена растущей сложностью современного мира, проявляющейся в сужении горизонтов прогноза в силу неопределенности социальной реальности, утраты контроля над тенденциями падения качества решений на всех уровнях социального бытия от индивидуального до глобального. Социальная философия, по мнению диссертанта, является той областью знания, в которой сходятся ключевые проблемы современности, включающие в себя необходимость взаимодействия со сложностью, управления ею.

В неживой и живой природе процессы протекают согласно законам, которые существенным образом детерминируются причинно-следственными связями. На социальном уровне самоорганизации материи наряду с ними следует учитывать вероятностные, стохастические процессы, приводящие к усложнению. В социальном измерении сложность производится деятельностью людей («сложность производит сложность»), причём часто как побочный, незапланированный эффект: в процессе переделки мира, делая его более простым, понятным, удобным, мы парадоксальным образом делаем его более сложным, непостижимым, непредсказуемым. Иными словами, упрощая, мы усложняем этот мир. Мы обнаруживаем себя в начале третьего тысячелетия в сложном мире, осваиваемом, порождённом, порождаемом человеком и при этом лежащем «за пределом наглядности». Именно в нём нам предстоит действовать безошибочно, чтобы выживать и процветать. И, поскольку западная культура, по мнению многих исследователей, нуждается в нахождении духовных оснований иного типа развития, ведь её разрушительный энтузиазм способен полностью уничтожить человечество, то социально-философский поиск фундаментальных оснований для правильных действий становится всё более актуальным. Картезианский редукционизм перестает срабатывать в начале нового тысячелетия, и требуется изучение сложных процессов без упрощения, настоящим образом, во всей полноте.

Данное диссертационное исследование, ставящее задачу выяснения природы сложности и сложностности¹ связей между социальным и когнитивным, способно, как мы полагаем, помочь наметившемуся «концептивному», «зачинающему» повороту в гуманитарных науках, возвращению, как писал М.Н. Эпштейн, «от текстологии к человековедению»². Проблемное поле исследования также включает в себя задачу определения целостной методологии, ориентированной на проверяемое, созидательное и эффективное понимание того, каким образом происходит развитие современного общества и какова роль феноменов сознания в этом процессе.

Степень разработанности проблемы. В исследованиях проблемы взаимосвязей между развитием общества и человеческим сознанием, а также его образующих, можно выделить несколько исторически сложившихся, взаимосвязанных и пересекающихся традиций, линий или парадигм: трудовую (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др.)³, социоцентрическую (Р. Коллинз, Т. Парсонс, П. Сорокин, и др.)⁴, экзистенциалистскую (С. Кьеркегор, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и др.)⁵, культурно-коммуникативную (Э. Гуссерль, И.И. Осинский, В.Ф. Петренко, О. Шпенглер и др.)⁶, эволюционно-натуралистическую (У. Куайн, К. Лоренц, Г. Фоллмер и др.)⁷, постиндустриалистскую (Д. Белл, Т. Веблен, М. Кастельс, Дж. Кейнс, Ё. Масуда, Э. Тоффлер и др.)⁸, кибернетическую (С. Бир и др.)¹,

¹ Подробный разбор термина «сложностность» см. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В.И. Аршинов, В.Я. Свирский // Философия науки и техники. — 2015. — Т.20. — №2. — С.70-84.

² Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. — Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — (Серия «Humanitas»). — С.9,18.

³ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н.Л. Полякова. — Москва : «Логос», 2004. — 378 с. — С.11.

⁴ Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии / Джонатан Тернер, пер. с англ. // Личность. Культура. Общество. — 2001. — №2(8). — С.11-39.

⁵ Лифинцева Т.П. «Экзистенциализм» или «экзистенциальная философия»? Нюансы важны / Т.П. Лифинцева // Эдип. — 2008. — №4. — С.38-43.

⁶ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»). — С.362.

⁷ Кезин А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. Аналитический обзор / А.В.Кезин. — Москва : ИНИОН РАН, 2006. — 100 с. — (Серия «Проблемы философии»).

⁸ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). — Москва : Academia, 1999. — 640 с.

синергетическую (С.П. Курдюмов, А.П. Назаретян, И. Пригожин, Г. Хакен и др.)². Следует заметить, что классики социальной философии (М. Вебер, Л. Витгенштейн, Э. Дюркгейм, К. Маркс) являются основоположниками или участниками не одной, а двух и более парадигм мышления и научно-философского исследования.

Отметим некоторые направления, представляющиеся нам особенно влиятельными. Это, в первую очередь, направление социально-философской мысли, связанное с концепцией «менталитета» («ментальности»), не случайно родившееся именно в исторических науках в 30-х годах прошлого века в кругу французских ученых школы «Анналов» — М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Р. Мандру, Л. Февра³; через созданную ими методологию они отыскивали возможность выявить важнейшую категорию современной исторической антропологии — социально-культурную мотивацию поведения людей, в основе которой лежит анализ явлений коллективной психологии, направленной на раскрытие глубинных процессов человеческой психики, определяющих развитие истории. П. Сорокин в ряде работ писал о ментальности и ментальном уровне в системе культуры, отмечая, что внутренняя сторона культуры управляет внешней⁴. Динамическая концепция менталитета Н.С. Розова, а также данная им типология российских габитусов представляет собой современный социально-философский инструмент описания и анализа проблемы взаимодействия сознания и общества⁵. Основой исследовательской стратегии данного направления является назначение и рассмотрение коллективного сознания (менталитета, ментальности) в качестве

¹ Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с.

² Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г. Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).

³ Каплан А.Б. Французская школа «Анналов» об истории культуры // Идеи в культурологии XX века. Сборник обзоров. — Москва : ИНИОН, 2000. — С.51-73.

⁴ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. — Москва : Астрель, 2006. — 1176 с. — С.56.

⁵ Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

ключевого, критического, управляющего фактора в социальных и исторических процессах.

Направление, на практическом уровне связанное с дисциплиной «политическая психология», восходящее к работам З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга, где «индивидуальное» начало, противостоя и взаимодействуя с «социальным», формирует политическую (в первую очередь), социальную, экономическую и культурную реальность. Одним из крупнейших современных исследователей в этой области является В.Ф. Петренко: экспериментальная психосемантика его школы, исследующая в том числе динамику общественного сознания, опирается на работы Дж. Келли, Дж. Миллера, Ч. Осгуда¹. Это направление, с определенной точки зрения, можно считать частью более широкого цивилизационного подхода, связываемого с именами А. Тойнби, О.Шпенглера и др. авторов, создавших типологии культуры, где специфика структур мышления решающим образом сказывается в процессе становления и развития социума, государства, коллектива. Действием ментальной составляющей во многом объясняется возникновение и становление цивилизаций; стратегической фокус исследовательского внимания этого направления смещён, по сравнению с предыдущим, в сторону взаимодействия индивидуального и группового, с одной стороны, и социального и политического, с другой, без выраженного акцента на какой-либо из них.

Исследования общества сквозь призму мыслительно-поведенческих конструктов, названных «фантомами», провёл Ж.Т. Тощенко; фантомы — это «явления, олицетворяющие специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие непредвиденное воздействие на политические, экономические и социальные

¹ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с.

процессы»¹. В центре внимания социологии жизни, разработанной Ж.Т. Тощенко, находится человек как субъект социального действия; причём его «жизнь как «жизненный мир» не может быть «схвачена» только рассудком, т.е. мышлением с помощью понятий, для ее постижения необходимы также эмоциональный интеллект и концептуальное мышление»²; такова стратегия целостности данного направления исследований.

Кибернетика, начало которой положили работы Н. Винера, также занималась связями сознания и общества, конкретно с точки зрения управления обществом или его структурами. Влиятельный британский кибернетик «второй волны» С. Бир в работах «Мозг фирмы» и «Сердце предприятия» раскрыл и обосновал системный подход к управлению как экономическими предприятиями, так и в целом к управлению социальными объектами³. Сложностный, экологический подход разрабатывался под руководством академика Н.Н. Моисеева⁴; наука о сложности (complexity science), принадлежащая к синергетической парадигме, подчеркивает роль самоорганизации, динамического хаоса, режимов с обострением в процессе развития систем, что отражено в работах И.Р. Пригожина, С.П. Курдюмова и др.⁵ М. Кастельс, причисляемый к постиндустриализму и постмарксизму, указывает в своей теории на принципиально сетевой характер грядущего общества, являющийся в первую очередь результатом развития сетей коммуникации⁶. Опираясь на концепт политических сетей и методы их анализа, Л.В. Сморгун (СПбГУ) подчёркивает роль и значение фактора

¹ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т.Тощенко. — Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.

² Лубский А.В. Рецензия на книгу Ж.Т.Тощенко «Фантомы российского общества» / А.В. Лубский // Вопросы философии. — 2015. — №7. — С.204-207.

³ Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с.

⁴ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Издательство «Аграф», 1998. — 480 с.

⁵ Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г.Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).

⁶ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). — Москва, 1999. — С.492-506.

знания в развитии публичного управления в сторону когнитивной модели управления.¹

А.С. Панарин, критикуя постмодернистский деконструктивизм, указывает, что «исконной интенцией философии является установка объяснять общественные события и сдвиги, принявшие зримое материальное воплощение, более скрытыми и первичными духовными сдвигами»²; таким образом, по его мысли, философия вся строится вокруг отражения и взаимовлияния духовного и социального. В целом, несмотря на холистические тенденции в современном познании³, социальная философия и исследователи социального, по мнению Д.Г. Подвойского, по-прежнему склонны к дисциплинарной и эпистемологической сегрегации⁴. Так, принято считать, что проблема развития общества является сложностью, подлежащей изучению со стороны социальных наук, а проблема сознания представляет собой сложность наук когнитивных: нейронауки, психологии, лингвистики. При этом очевидно имеющаяся связь между этими сложностями — это ещё одна сложность, ни в чём им не уступающая; хотя к ней ищут подходы социальная психология, культурология, антропология, теоретическая и мега-история, и, конечно, социальная философия, но проблема исследования связей между сознанием человека и развитием общества в первую очередь заключается в нередукционистском исследовании сложности как таковой, и её реализацией, представлением не только на социальном и когнитивном уровнях отдельно, но и в их взаимодействии, взаимоактуализации. В

¹ Сморгун Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. — 2016. — №2. — С.181-197.

² Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А.С. Панарин. — Москва : ИФ РАН, 2005. — 188 с. — С.17.

³ Сандакова Л.Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности / Л.Г. Сандакова // Целостное мировоззрение: Опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения В.А. Балханова. Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.46-49.

⁴ Момджян К.Х. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х.Момджян, Д.Г.Подвойский, В.С.Кржевов, А.Ю.Антоновский, Р.Э.Бараш // Вопросы философии. — 2016. — №1. — С.17-42.

социальных науках и в социальной философии, таким образом, требуется своя версия «парадигмы сложности», уже выявленной в науках о природе.

Объект исследования: процесс управления сложностью взаимосвязи феноменов сознания (индивидуального и общественного) и жизнедеятельности современного общества.

Предмет исследования: социально-когнитивный аспект процесса управления социальной сложностью.

Цель исследования: выяснить природу и характер преобразования и влияния структур, феноменов и паттернов сознания, с одной стороны, и социальных структур, процессов, феноменов и регулярностей, с другой.

Исходя из цели, сформулированы следующие **основные задачи:**

- выявить социально-философские и конкретно-научные подходы к определению сложности и социальной сложности;
- определить теоретические и концептуальные подходы к управлению сложностью и социальной сложностью;
- раскрыть содержание понятий и концептов, необходимых для исследования сложных феноменов, присущих процессу развития общества;
- выявить роль образования в производстве сложностной и проблемной карты мира;
- обосновать эффективность концепта «интеллектуально-деятельностные сети (хирамы)» в процессе исследования субъектов социального развития в постиндустриальном обществе;
- определить основания для разработки стратегии управления социальной сложностью и сложными социальными процессами.

Методологической основой исследования является диалектический подход, междисциплинарная синергетическая парадигма (Г. Хакен, И. Пригожин, П. Бак, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий), дополненная положениями глобального эволюционизма (Е. Кунин, К. Лоренц, Т. де Шарден и др.) и конструктивизма (У. Матурана); всесекторно-

всеуровневая методология К. Уилбера, многоуровневая методология Э.Ч. Дарибазарона и Л.Г. Сандаковой, феноменологический и причинно-следственный анализ, синтез различных подходов; также исследование опирается на методологические принципы проверяемости, системности, историзма.

Теоретическую основу исследования составили положения макросоциологии (Р. Коллинз), мегаистории (А.П. Назаретян), глобального стратегического прогнозирования (З. Бжезинский, А.А. Зиновьев, А.С. Панарин), социальной и эволюционной эпистемологии (И.Т. Касавин, Ж. Пиаже, К. Поппер), экоантропоцентризма (Т.М. Дридзе), когнитивной науки (К.В. Анохин, Б.М. Величковский, А.В. Кравченко), аналитической философии сознания (Д. Дэннетт), культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский), психосемантики (В.Ф. Петренко), конструктивной гуманистики (М.Н. Эпштейн), теоретической социологии (Э. Гидденс, П. Бурдьё), социальной философии (К.Х. Момджян), философии науки (Т. Кун, В.С. Степин), методологии гуманитарных наук (М.М. Бахтин), концептуального анализа и синтеза (С.П. Никаноров), кибернетики (Р.Ф. Абдеев, С. Бир), экономики (Э. Шумахер и др.); а также другие положения гуманитарных и общественных наук, касающиеся факторов развития и сложности: гипотеза П. Бака о самоорганизованно-критической природе сложных процессов, сложностно-сетевая парадигма В.И. Аршинова, В.Г. Буданова и А.В. Олескина, презумпция многоуровневой ограниченности ресурсов И.И. Шмальгаузена, гипотеза об оптимизационном характере сложных процессов Н.Н. Моисеева, концепция габитуса П. Бурдьё и другие.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. В результате исследования обоснована необходимость существенно более глубокого исследования связей между сознанием человека, общественным сознанием и развитием общества; артикулирован принципиально меж- и трансдисциплинарный характер этих связей; указаны

теоретико-методологические основания нового направления научных исследований — социальной когнитивистики;

2. Предложен вариант концептуализации совокупности когнитивных связей, учитывающий достижения современной науки и постнеклассической философии; построена базовая теоретическая модель и введены в социально-философский контекст дефиниции ключевых понятий социальной когнитивистики: выбор, габитус и когнатура.

3. Определены парадигма и задачи социальной когнитивистики; установлено сущностное соответствие между совокупностью связей индивидуального и общественного сознания с развитием общества и проблемами управления сложными социальными процессами; выявлено содержание понятий, необходимых для исследования сложности как феномена социального уровня самоорганизации материи.

4. Сформулированы мировоззренческие основания, принципы и подходы к разработке образовательных, познавательных, исследовательских, управленческих, социально-проективных и других стратегий управления сложностью через производство сложностной и проблемной картин мира.

5. Разработан концепт «интеллектуально-деятельностных сетей (хирам)» как сложных субъектов социального развития, объектов социально-философского и научного осмысления, инструментов управления сложностью и социальной сложностью.

6. Определены требования к стратегии управления сложностью: диалогичность, оптимизационность, дизайн знания, аутопоэзис, и др., призванные повысить эффективность и результативность управленческой деятельности, с особым фокусом на организации процессов теоретического познания и формирования пространства диалога между субъектами развития.

По итогам исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Фрактальный, сетевой, самоорганизованно-критический характер процессов взаимовлияния, взаимопреобразования и взаимодействия когнитивного и социального является основанием для более глубокого и точного понимания социальной сложности и социального развития, а также для управления ими.

2. Соответствие (динамическое, структурное, и т.д.) сложности социального уровня самоорганизации материи и сложности сознаний людей, его составляющих, подлежащее раскрытию с помощью соответствующих концептуальных инструментов социальной когнитивистики (выбор, габитус, когнатура и др.), задаёт темпы, ключевые черты и направление развития общества, а также существенным образом определяет вероятности и характер кризисных, стагнационных и деградационных сценариев.

3. Сущностное соответствие между совокупностью связей индивидуального и общественного сознания с обществом и проблемами управления развивающимися и усложняющимися социальными процессами в свете необходимости управления социальной сложностью приводит к двум ключевым задачам социальной когнитивистики (влияние общества на человека и обратно, человека на общество), и, в итоге, к задаче управления историей.

4. Мировоззренческие основания управления сложностью опираются на понятия выбора, лавинных (самоорганизованно-критических) явлений, адекватности, энергоресурсной ограниченности, производства сложности. Разработка образовательных, познавательных, исследовательских, управленческих, социально-проективных и других стратегий управления сложностью базируется на следующих принципах: оптимизационный характер управления сложностью; примат управления социальной сложностью над управлением другими видами сложности; аутопоэзный характер управления сложностью; принцип производства доверия; принцип

учёта интересов сверх- (над)субъекта-человечества; принцип диалогичности, взаимодействия.

5. Основной стратегией управления сложностью является формирование интеллектуально-деятельностных сетей (хирам), представляющих собой социальные имплементации структур сознания определённого вида. Параметры указанных сетей и структур определяются в процессе их последовательной взаимоактуализации. На этот процесс влияют некоторые ограничения как биологического (ограничения памяти, восприятия, мышления, тонуса, работоспособности), так и культурного характера (запреты, табу, обычаи, традиции, искажения).

6. Темпы и характер развития общества в решающей степени определяются темпами, характером и адекватностью процесса постоянной конкурентной «пересборки» теоретического ядра познания и процессом производства знания. В свою очередь, контроль над этим процессом подразумевает уже следующий уровень (мета-уровень) управления сложностью, также подпадающий под рамочные требования к стратегии по управлению сложностью: диалогичность, аутопоэзис, дизайн знания и др.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости, формулировке принципов и определении подходов к философскому и методологическому переосмыслению положений современных социально-гуманитарных наук, постнеклассической философии и феноменов познания. Авторские предложения по преодолению глобального кризиса позволят найти подходы к решению части проблем, с которыми столкнулось человечество. Материалы, итоги и положения исследования могут быть использованы для формирования гуманитарных, общественных и естественнонаучных учебных курсов, в философских, научных и методологических исследованиях, а также в социально-гуманитарном проектировании.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены: на ежегодной научно-практической конференции преподавателей и сотрудников Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, 2015-2018); на международной научной конференции, посвящённой 20-летию БГУ (Улан-Удэ, 2015); на региональной научной конференции, посвящённой 70-летию В.А. Балханова (2015 г.); на 21-й международной научно-практической конференции «Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты» (Екатеринбург, 2016 г.); на XI международной конференции «Интеллигенция, её гражданские позиции в современном мире (Улан-Удэ, 2016 г.); на всероссийской с международным участием научной конференции «Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции» (Улан-Удэ, 2017); на всероссийской с международным участием научной конференции «Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы» (Иркутск, 2017); на всероссийской научной конференции «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий» (Вологда, 2017).

Основные результаты диссертации опубликованы в 11 научных работах, включая 3 в журналах, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов на соискание учёных степеней.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения и списка литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к проблеме управления сложностью

В первой главе нами будут рассмотрены некоторые факты, явления и тенденции, каким-либо образом зафиксированные действующими научными дисциплинами, но по разным причинам не имеющие сложившихся традиций социально-философского осмысления. Также будут изложены соображения, обосновывающие необходимость нового подхода к указанным тенденциям, а также предложения по поводу того, какими могут быть эти новые подходы. Одной из ключевых задач социальной философии как «впередсмотрящего» общественных наук является, по нашему мнению, не просто констатация сложности связей между картинами мира и развитием общества, подлежащих изучению и постижению, но выдвижение гипотез, предварительных концептов, разработка основ методологии и познавательных стратегий, выяснение путей размышления как «способов думать о»; всё это призвано послужить возможным начальным импульсом, зародышем, фундаментом новых междисциплинарных направлений научно-философской мысли, одно из которых рассматривается в данной работе под предварительным названием «социальная когнитивистика». Поскольку, по предложению У. Куайна, «наши высказывания о внешнем мире сталкиваются с трибуналом чувственного опыта не поодиночке, но исключительно в виде связного целого»¹, то ещё одна попытка социально-философской «сборки» дисциплинарных достижений в одну концептуальную конструкцию может иметь и некоторый смысл, и определённую перспективу.

¹ Куайн У. Слово и объект / У. Куайн. — Москва : Логос, Праксис, 2000. — 386 с. — С.362.

1.1. Дисциплинарные предпосылки и социально-философские основания управления сложностью

Жизнь в зоне турбулентности, полифуркации требует философского осмысления, результатом которого должны стать очерчивание и разметка проблемного поля, постоянно совершенствуемая «карта местности». И в первую очередь она требует осмысления в обществоведческом ключе, способного сформулировать обоснованные требования к тем (возможно, пока не существующим) социальным субъектам, которым будет по силам принять вызов сложности и ответить на него. При этом вопрос происхождения собственно сложности наукой пока не решён, и само толкование термина «сложность» указывает на затруднения, многообразие, запутанность, то, что ещё не понято и не познано. Это вполне объясняется тем, что классический и даже неклассический типы научной рациональности предполагали использование принципа редукционизма Р. Декарта для проникновения в сущность вещей, для определения главных сущностных черт. И.Р. Пригожин писал: «С самого зарождения западной, или европейской, науки мы свято верили в «простоту» всего микроскопического: молекул, атомов, элементарных частиц. Необратимость и эволюции входили в нашу картину мира как иллюзии, связанные со сложностью коллективного поведения внутренне простых объектов»¹. В современный период, благодаря в том числе и работам И.Р. Пригожина, наука развилась до изучения сложных процессов, структур и феноменов, и поэтому всё более склонна исследовать природный мир без упрощения, без принудительного и искажающего сведения сложного к совокупности простых элементов. Социальный мир, надстраиваемый человеком над природным, требует, по всей видимости, точно такого же, сложностного, подхода. Основное противоречие заключается в том, что в силу биологических (в первую очередь) ограничений редукционизм имманентно

¹ Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложностью в физических науках / И. Пригожин. — Москва : Наука, 1985. — 328 с. — С.11.

присущ человеческому мышлению и, следовательно, речь идёт не об освоении сложности мира во всей его полноте, что, по всей видимости, невозможно, а перестройке наших представлений о нём в «новоредукционистском» ключе, имеющем эвристическую силу по причине наглядности, и, главное, разработке методологии для последующих «перестроек» и «пересборок» нашего знания.

Сложность представляет собой центральное понятие (мета-предметное понятие) современной науки: «прогресс в науке реализуется как фазовые переходы на дереве бифуркаций со всё возрастающей сложностью».¹ Следуя Н. Луману, зафиксируем, что растущие по мере прогресса горизонты сложности, т.е. «бóльшая селективность переживания и действия»², заведомо превосходящие по масштабу все возможные пределы их потенциальной актуализации, представляют собой главный вызов науке, философии и научному познанию в целом. Пожалуй, на этом основании можно утверждать, что если какая-либо наука в наши дни не изучает сложность в той или иной форме, то это и не наука вовсе; далее, что если философия не указывает науке на сложность (сложности), подлежащую научному изучению, то это и не философия; и, наконец, что познание, не «вынимающее сложность» из воспринимаемой реальности каким-либо образом, не является познанием в полном, подлинном смысле, актуальным познанием. В.И. Аршинов и Я.И. Свирский пишут о новой парадигме сложности и сопряжённых с ней концептах «сложность» и «наблюдатель сложности», подчеркивая, что «важную роль в этом процессе призвано сыграть квантово-механическое мышление»³. И если в науках о природе сложность более или менее поддаётся определению (например, через колмогоровскую сложность и др. концепты),

¹ Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48-61.

² Луман Н. Мировое время и история систем / Никлас Луман; пер. с нем. В. Бакусева // Логос. — 2004. — №5. — С.131-168.

³ Аршинов В.Я., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В.Я. Аршинов, Я.И. Свирский // Философия науки и техники. — 2015. — Т.20. — №2. — С.70-84.

то социальная сложность имеет свою специфику, подлежащую раскрытию и изучению через социальный конструктивизм, экологию социального действия; Е.Н. Князева пишет: «конструирование социальной реальности есть управление сложностью социальных процессов», при этом «человек конструирует общество, но отнюдь не волюнтаристически, не произвольно по своему желанию, а в сотрудничестве и в коэволюции со становящимся социальным целым, открывая внутренние тенденции развития сложных социальных систем»¹. Более того, можно усилить это высказывание: поскольку социальная реальность находится в неоспоримых, пусть и крайне сложных соотношениях взаимовлияния с нашими представлениями о физическом мире², то есть с собственно доступной нашему познанию физической реальностью, то управление сложностью социальных процессов является как минимум одним из факторов сложности всего физического мира, через конструирование социальной сложности.

Далее, замечено, что человек парадоксальным образом производит сложность, именно упрощая. Парадокс этот, разумеется, мнимый: ведь мир мы упрощаем под себя и для себя, т.е. для человека, а человек сложен. Биосемиотика Я. фон Иксюля утверждает, что «свойства внутреннего мира живого существа определяют, каким предстает для него внешний мир»³; отсюда прямо следует необходимость не столько исследования, сколько конструирования внутреннего мира деятеля, с тем, чтобы представления о внешнем мире были адекватны, иначе наши действия в нём не будут иметь нужного деятелю результата. Иными словами, мы обречены на конструирование сложного себя, чтобы познать сложный мир. «Познай себя», говорили в античности, и, возможно, они именно это и имели в виду: познавая

¹ Князева Е.Н. Социальная сложность: Самоорганизация, тренды, инновации / Е.Н. Князева // Общество: Философия, история, культура. — 2013. — №1. — С.20-28.

² Наиболее яркие и зачастую трагические примеры такой социальной обусловленности развития научного знания можно обнаружить в истории науки: атомарная теория, гелиоцентрическая система, генетика, неевклидова геометрия, и др. — их судьба находилась под сильнейшим влиянием социального окружения.

³ Князева Е.Н. Социальная сложность: Самоорганизация, тренды, инновации / Е.Н. Князева // Общество: Философия, история, культура. — 2013. — №1. — С.20-28

себя, мы познаём и производимую нами реальность; отказ же от самопознания приводит к тому, что сложность, нами производимая и по каким-либо причинам игнорируемая, рано или поздно заставляет с собой считаться, причём зачастую самым неожиданным, непредсказуемым, фатальным образом. Н. Талебу принадлежит знаменитая метафора «черного лебедя» для таких событий: аномальных, труднопредсказуемых и со значительными последствиями¹.

И, поскольку «расставание с простотой — это уже навсегда»², мы не можем и не должны надеяться на «конец истории»³, который законсервирует нынешний уровень сложности и продлит его в будущее на неограниченный срок. В сложном мире мы не можем действовать просто; с чего же следует начинать наши непростые действия? Нам представляется, что «проблемный треугольник» связей между природой, сознанием и обществом является тем самым «участком опоры», который следует концептуально расчистить⁴ в первую очередь; именно с этого участка, освещённого гипотезами и укреплённого их проверкой и операционализацией, может начаться новый виток роста научного и социального познания. Важны именно связи, отношения: «не сама по себе природа, всеобщие закономерности её развития служат объектом философского рассмотрения, а лишь природа в её отношении к субъекту — обществу, человеку»⁵. В целом, и уже за рамками данной работы, речь идёт о трансдисциплинарном «переоткрытии собственных начал», о своего рода унификации, упорядочивании, «пересборке» наших представлений в фундаментальных областях, что в силу закона иерархических компенсаций является необходимым условием для развития знания на более высоких уровнях; мы снова должны «усложнить

¹ Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Талеб. — Москва : КоЛибри, 2010. — 528 с.

² Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Издательство «Аграф», 1998. — 480 с. — С.42.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — №3. — С.84-118.

⁴ Никаноров С.П. Концептуальные методы / С.П.Никаноров. — Москва : «Концепт», 2002. — 32 с. — С.3.

⁵ Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания / А.М. Коршунов, В.В. Мантатов. — Москва : Политиздат, 1988. — 383 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы). — С.12.

упрощая», включить классические модели в «некоторое превышающее их состояние»¹, зряче, осознанно, понимая цель и исходя из неё. Можно говорить о конкретно-футуроцентрической парадигме познания, понимая её как телеологическую оппозицию и дополнение к абстрактно-антропоцентрической: исходя из целей, расположенных в будущем, мы совершаем конкретные действия; что является альтернативой нынешнего способа — абстрактный антропоцентризм или гуманизм в конкретных ситуациях всегда вырождается в страто-, группо- или даже эгоцентризм, искажая реальную ситуацию и порождая труднопредсказуемые последствия.

Далее в параграфе рассмотрены основные научные и философские традиции, или, шире, парадигмы в области изучения взаимосвязей сознания и процесса развития общества, а также проблемные основания науки об управлении сложностью (предварительно названной «социальной когнитивистикой»). Ключевыми проблемами, по нашему мнению, являются: всё более явная связь между содержанием сознания и процессами изменения обществ; рост субъективности распоряжения всё большими объёмами природных и создаваемых ресурсов, прямо обусловленный растущей совокупной материальной и энергетической мощью человечества; наконец, принципиальная ограниченность ресурсов планеты. Всё это повышает риски для индивидов, сообществ, обществ, человечества с точки зрения биологического выживания, и представляет собой интегральное проблемное поле сложных социальных и природных процессов, идущих на Земле. Направление, в котором, на наш взгляд, следует осуществлять поиск решения, представляет собой «пересборку», методологический синтез заимствованных из различных научных теорий гипотез, предложений и представлений о «человеке познающем» и «человеке общественном» в синергетическом, холистическом и гуманитарном ключе. При этом выбор рассматривается нами

¹ Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев. — Москва : ИФРАН, 2009. — 205 с. — С.200.

как «квант» когнитивно-социальной динамики; отмечается ведущая роль творчества, понимаемого как вид производства сложности (см. §1.2). Научными дисциплинами, поставляющими материал для моделей и метафор, являются теория самоорганизованной критичности, постсинтетическая теория эволюции, когнитивистика, эволюционная эпистемология и другие. Дисциплинами, в рамках которых модели и гипотезы могут быть проверены и применены, являются макросоциология, макроистория, большая история (мега-история), стратегическое прогнозирование и планирование, а также некоторые другие (1.3).

В контексте интегральной психологии и философии К.Уилбера направление настоящего исследования пролегает из Верхнего-Левого сектора (субъективно-личное, обзор от первого лица, «я») в Правый-Нижний (объективно-общее, обзор от третьего лица, «оно»). (См. рис. 1).

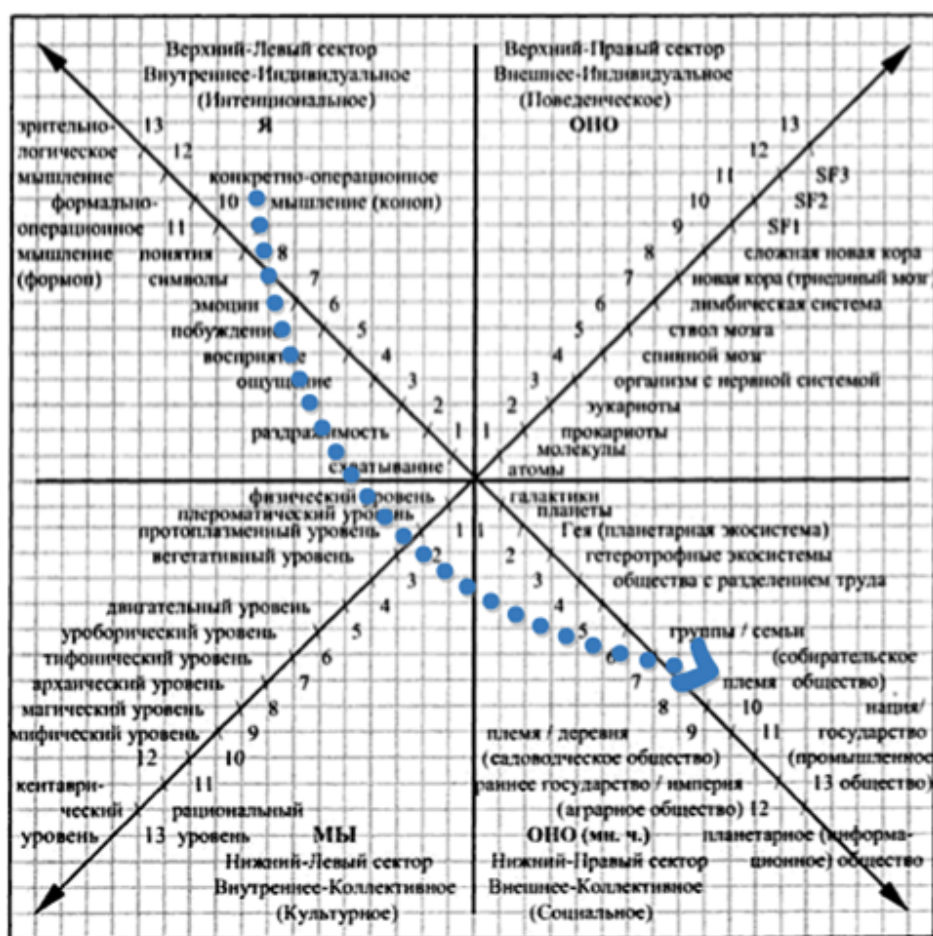

Рис.1 «Четыре сектора» К. Уилбера.

Развитие и изменение общества вызывали интерес мыслителей, начиная с глубокой древности. Французский философ, один из основоположников критической философии истории Раймон Арон считает, что размышления об обществе в период с античности до XVIII в. носили «предсоциологический» или «предпарадигмальный» характер, обретя предварительную социологическую доктринальность лишь в трудах Шарля Монтескьё и затем, уже окончательно, в работах Огюста Конта¹. Тем не менее, Демокрит, Платон и Аристотель, Лукреций и Августин Аврелий, Джамбатиста Вико, Томас Мор и Сен-Симон (которому Р. Арон «предпочёл» Монтескье по причине «принадлежности настоящему», через посредство Токвиля) — все они и многие другие внесли свою лепту не только в то, что О. Конт назвал «социологией», наукой об обществе, но и сформировали более широкий дискурс, «большой разговор» как о проблеме общества, так и о причинах и движущих силах его изменения. Несущими опорами, основными течениями этого мега-дискурса являются парадигмы, сконцентрированные вокруг наиболее известных и плодотворных социально-гуманитарных теорий, в рамках которых изучалось и изучается взаимовлияние двух сложностей: сознания и общества.

Наиболее проработанная «трудовая парадигма» объединяет «социологические теории промышленно-капиталистического общества: теории капиталистического общества К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля, теории промышленного общества Э. Дюркгейма, Г. Спенсера и др.»². В этой парадигме сознание человека отражает и отражается в развитии общества, главным образом, через его отношение к труду (класс, этика, профессия), деятельности и разнообусловленным способам его организации; и даже с учётом взглядов нео- и фрейдомарксистов (Д.Лукач, А.Грамши, Г.Маркузе,

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. — 608 с. — С.33.

² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н.Л. Полякова. — Москва : «Логос», 2004. — 378 с. — С.11.

Т.Адорно, Э.Фромм и др.¹⁾ происходит синтез материального и идеального в трудоцентрических конструктах, подобных «одухотворенной деятельности» К. Маркса. Считалось, что сознание участвует в развитии общества подчинённым образом по отношению к капиталу, изобретшему в XX веке новые способы эксплуатации (гегемонии, по А.Грамши), насаждавшему «пассивное подчинение эксплуатируемых классов с помощью идеологий, сотканных из исторического прошлого и распространяемых группами интеллигенции, выражавшими интересы господствующего класса»²⁾. Экономический принцип («экономический детерминизм») в исследованиях общества сохраняет своё влияние и в наши дни и как «фигура умолчания», подразумеваемая и принимаемая без доказательств (*cui prodest*), и через связанные с ним парадигмы, такие как бихевиоризм (стимул-реакция) и теория социального обмена, одним из ключевых понятий которой является понятие вознаграждения как итога интеракции³⁾. Пожалуй, имеет смысл говорить об ослаблении (и, соответственно, расширении области применения) экономического объяснительного принципа до «потребностно-профитического», трактующего личностно-социальные взаимодействия через призму материальных потребностей и получаемых в результате этих взаимодействий экономических выгод. Именно на её основе, по нашей оценке, достигнуты практические деструктивные результаты в виде «цветных революций» и других, более ранних социально-когнитивных катастроф. Как отмечает А.С. Панарин: «Приходится признать, что опаснейшим манихеем, помещающим мировые культуры и регионы в особое пространство неуживчивости, является не только идеологический человек, но и

¹⁾ Михайловский В.С. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра / В.С. Михайловский // Социология. — 2015. — №4. — С.37-43; Гнедько А.В. Экзистенциальный психоанализ и неомарксизм в концепции Э.Фромма / А.В.Гнедько // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2016. — №1. — С.169-177; Руткевич А.М. Философия времён Веймарской республики / А.М.Руткевич // Философские науки. — 2013. — №7. — С.49-64.

²⁾ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / П. Андерсон, пер. с англ. — Москва : Интер-Версо, 1991. — 272 с. — С.91.

³⁾ Култыгин В.П. Концепции социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. — 1997. — №5. — С.85-90.

потребительский человек. Перед его лицом проиграть экономическое соревнование — значит лишиться всякого доверия, лишиться лояльного отношения вообще. Разве это не он, потребительский человек, не простил Советскому Союзу проигранного экономического соревнования и не перечеркнул все — историю собственной страны, ее государственное величие, ее культуру и мораль, ее веками вынашиваемые ценности?»¹. Конструктивным же ответвлением и, в определенном смысле, расширением трудовой парадигмы, смыкающим её с социоцентрической и синергетической линиями (см. далее), является, например, мир-системный анализ Ф. Броделя², И. Валлерстайна³ и их последователей, в том числе и в России. Важным результатом трудовой парадигмы является деятельностный подход в гуманитарных науках, рассматривающий отношения человека и общество через призму не столько труда (экономически обусловленных действий), сколько деятельности вообще; понимая под деятельностью связную совокупность выборов и решений, мы приходим к раскрытию роли образования, творчества и знания в процессе социального конструирования.

Следующая, «социоцентрическая» парадигма, рассматривающая социальное и индивидуальное бытие не через призму индустриальности и экономической обусловленности, а с позиций, зачастую априорно предполагаемых, интересов общества и общественного равновесия, включает в себя, в первую очередь, течение структурного функционализма, представленное именами Т.Парсонса⁴ и Р.Мёртона⁵, и своей «клеточкой» имеющее уже не материальный товар, как у Маркса, а социальное действие. К

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века / А.С.Панарин. — Москва : Эксмо, Алгоритм, 2004. — 640 с. — С.18.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Ф.Бродель. — Москва: Весь мир, 2006.

³ Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. — Новосибирск, 1998. — Выпуск 1. — С. 105-123.

⁴ Мацкевич И.В. Толкотт Парсонс и развитие теории организации / И.В. Мацкевич // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — №6. — С.42-46.

⁵ Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии / Джонатан Тернер, пер. с англ. // Личность. Культура. Общество. — 2001. — №2(8). — С.11-39.

нему близка теория социальной стратификации и социальной мобильности П. Сорокина¹. Представители цивилизационного подхода к истории общества, начиная с Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, заканчивая современными западными учёными (Э. Гидденс и Р. Коллинз за рубежом)², и отечественными философами (Н.С. Розов)³, считают точкой отсчета, с которой совершается обзор и оценка, желаемое или, напротив, нежелаемое состояние общества: цивилизацию либо её отрицание. Соответственно, сознание человека рассматривается, среди немалого числа прочих факторов, в основном в аспекте влияния, угрозы или приближения к состоянию цивилизованности, причем в составе разнообразных надындивидуальных целостностей, от идеальных типов М. Вебера до социокультурных суперсистем П. Сорокина. Индивид и его сознание понимаются главным образом как инструмент, ресурс, один из «аргументов функции» сохранения и развития общества до желаемого состояния: «Эффективная трансформация индивида предшествует остальным <культурной и социальной трансформации>»⁴. С другой стороны, Н.С. Розов, рассуждая о Сцилле платонизма и Харибде социологизма, пишет: «Социальная природа нормативности истин не является несовместимой с наличием особой автономной логики получения этих истин. Автономия идеального надстраивается над социальными и психическими процессами. Важно, что степень этой автономии является переменной»⁵. Остаётся вопрос, насколько свободен человек в выборе этой степени, выборе сочетания подчинённости социальному или психическому и стремления к идеальному — которое, как

¹ Зафировский М. Парсонс и Сорокин. Сравнение вклада в создание социологической теории (в двух частях) / М. Зафировский // Социологические исследования. — 2011. — №№3,4. — С.117-126, С.120-130.

² Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации / Э.Гидденс, пер. с англ. — Москва : Академический проект, 2015. — 528 с.; Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Р.Коллинз, пер. с англ. Н.С.Розова. — Москва : URSS, 2015. — 504 с.

³ Розов Н.С. Колея и перевал. макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 734 с.

⁴ Бадмаева М.В. П.Сорокин об истоках и преодолении социального кризиса / М.В. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №6. — С.72-76.

⁵ Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования / Н.С.Розов. — Новосибирск: Манускрипт, 2016. — 344 с.

отмечается там же, тоже способно строить свой социум, «коалицию в разуме»¹, и, ключевое, — как он может реализовать эту свободу. Другой представитель социоцентризма, социологическая теория Г. Спенсера строится вокруг двух главных принципов: понимания общества как организма и идеи социальной эволюции². Первый принцип заявляет об осмыслении единства социального целого и взаимодействия его частей. Согласно второму принципу, существует только одна эволюция, совершающаяся одинаковым образом повсюду; любой процесс развития включает, по Спенсеру, две стороны — интеграцию и дифференциацию. Он начинается с простого количественного роста, увеличения объема или числа составляющих элементов. Количественный рост и усложнение структуры социальных агрегатов неизбежно влечет за собой процесс функциональной и структурной дифференциации целого, а значит, и усложнение социальных феноменов, что согласуется с нашими предположениями, и накладывает требования уже на сознание агентов, деятелей, индивидов — оно не может оставаться таким же «простым», вынуждено осваивать эту сложность.

Со стороны индивида, свой ответ спенсеровскому органицизму³, а также экономико- и социоцентризму дал экзистенциализм, влиятельное философское течение, к которому причисляют С.Кьеркегора, Ф.Достоевского, М.Хайдеггера, К.Ясперса, Ж-П.Сартра, А.Камю, Н.Бердяева, Х.Ортегу-и-Гассета и многих других⁴. Он родился «как протест против философских и

¹ Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Р.Коллинз, пер. с англ. Н.С.Розова. — Москва : URSS, 2015. — 504 с. — С.54.

² Спенсер, Герберт. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f_048a5aa0b7a52b1bfd (Дата обращения : 2017.12.01).

³ Канарш Г.Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества / Г.Ю.Канарш // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — №2. — С.50-60.

⁴ Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма / Д.О. Квятковский // Вестник Омского университета. — 2016. — №1(79). — С.63-67. Молчанов А.В. Проблема одиночества в традициях экзистенциализма и персонализма / А.В.Молчанов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — №2. — С.101-105. Науанова К.М. Ф.М.Достоевский: проблема человека и его свободы в свете экзистенциализма / К.М. Науанова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2014. — №6. — Т.3. — С.20-27. Гриценко В.С. Марксизм vs экзистенциализм? / В.С.Гриценко // Новые идеи в философии. — 2013. — Т.1. — №21. — С.83-93. Приходько С.В. Феномен свободы в философии экзистенциализма / С.В.

научных систем, считающих всё индивидуальное, в том числе и человека, лишь экземпляром рода или реализацией всеобщего закона»¹ и ключевой его озадаченностью, пожалуй, можно считать тему «личность (индивид) и система». Разрушение системы как единственный способ понять индивида (С.Кьеркегор), интенциональность переживания, понимаемая как направленность его за границы собственно переживания, трансцендирование, т.е. выход за собственные пределы — таков ответ экзистенциалиста на свою «заброшенность в мир» (К.Ясперс), таким презумпциям должно соответствовать сознание личности в этих координатах. Оно (сознание), в итоге, дано человеку, чтобы укрощать, противостоять и, в пределе, бежать любых надындивидуальных структур и сущностей, реализуя тем самым свободу выбора, являющуюся краеугольным камнем самоосуществления². При этом, по оценке социолога В. Вахштайна, остаётся неясным, «почему экзистенц-философия, перепахавшая всю психологическую теорию середины XX века, почти не коснулась социологии? Почему социологи, столь чувствительные к философским интервенциям — от ранних неокантианских до поздних витгенштейновских — практически не заметили экзистенц-революции?»³. Возвращение индивиду его центральной роли в построении социальной реальности и реальности вообще, на наш взгляд, является главной заслугой экзистенциализма. В настоящем исследовании влияние экзистенциализма выражено в презумпции субъектности деятеля, как одном из рамочных требований к стратегии управления сложностью.

Приходько // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — №25. — С.276-279.

¹ Лифинцева Т.П. «Экзистенциализм» или «экзистенциальная философия»? Нюансы важны / Т.П. Лифинцева // Эдип. — 2008. — №4. — С.38-43.

² Нетрудно видеть, что эта довольно характерная для в целом несхожих между собой мыслителей-экзистенциалистов нигилистическая и пессимистическая презумптивность и есть то, что возвращает индивида в клетку бытия: их мысль по-прежнему социо-, экономико-, структуро- и так-далее-центрична, поскольку точка отсчёта та же, поменялся лишь знак отношения.

³ Прямая речь: Виктор Вахштайн. — Режим доступа : <https://postnauka.ru/talks/7761> — (Дата обращения : 20.02.2017).

Следующая крупная традиция гуманитарной мысли стремится «к обоснованию особого эпистемологического статуса наук о культуре», существенно отличающегося от статуса «твёрдых наук», и идёт, по мнению И.Т. Касавина, «от Ф.Шлейермахера через В.Дильтея и Ф.Ницше к неокантианцам Баденской школы, О. Шпенглеру, позднему Э. Кассиреру, позднему Э. Гуссерлю, позднему Л. Витгенштейну, неофрейдизму»¹. Она вводит в научно-философский оборот понятие коммуникации, диалога² и здесь жизненные траектории индивида уже не ограничены подчинённым соучастием и отрицающим бегством: он как носитель сознания становится полноценным и легитимным участником созидающей социальную реальность диалога, и являясь со-творцом и со-хранителем культуры, и испытывая (интериоризируя) влияние общества, опосредованное её артефактами, т.е. орудиями и знаками (Л.С. Выготский). «Только целостная, имеющая гармоничную внутреннюю структуру, высокоразвитая культура жизнестойка и способна успешно участвовать в общемировых процессах»³. Одна из ярких нитей непростого осмысления этой роли в нашей стране в XX веке ведёт отсчёт с публикаций сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918)⁴, и, будучи сконцентрирована главным образом вокруг размышлений о судьбах русской интеллигенции, продолжается до сих пор⁵: существует уральская школа интеллигентоведения, основанная М.Е. Главацким, в г.

¹ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»). Он также причисляет к этой линии Г.Г.Шпета, М.М.Бахтина, Л.С.Выготского, Ю.М.Лотмана, М.К.Петрова и др; добавим туда Г.-Г. Гадамера, М.К.Мамардашвили, А.С.Панарина, см.: Болдонова И.С. О диалогости герменевтики Г.-Г. Гадамера // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №6. — С.21-25. Мамардашвили М.К. Стрела познания / М.К.Мамардашвили. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А.С.Панарин. — Москва : ИФ РАН, 2005. — 188 с. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / Дэвид Уэст; пер. с англ. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 448 с.

² Бояк Т.Н. Роль культуры в формировании личности: некоторые концепции социализации / Т.Н. Бояк // Евразийский союз учёных. — 2015. — №5-7(14). — С.89-91.

³ Серебрякова Ю.А. Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры / Ю.А.Серебрякова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №6. — С.217-222.

⁴ Бердяев Н.А. и др. Вехи. Из глубины / Н.А.Бердяев и др. — Москва : Правда, 1991. — 608 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

⁵ Осинский И.И., Добрынина М.И. Идентификация интеллигенции / И.И.Осинский, М.И.Добрынина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №14. — С.179-184.

Иваново действует Научно-исследовательский институт интеллигентоведения, а Бурятский государственный университет известен научной школой д.филос.н. И.И. Осинского, чьи труды, посвящённые методологическим вопросам интеллигентоведения, социально-философскому анализу понятия «интеллигенция», изучению ее места и роли в истории страны, были признаны новаторскими для своего времени¹. Существенный интерес, на наш взгляд, представляет и психосемантический подход, сочетающий культурно-историческую и когнитивно-аналитическую парадигмы; он ведёт своё начало из теории личностных конструкторов Дж.Келли, семантического дифференциала Ч.Осгуда; в нашей стране психосемантические исследования ведутся в научной школе д.псих.н., членкора РАН В.Ф. Петренко². Мышление, культурно и исторические обусловленное, транслирует себя вовне, формируя реальность и социальную реальность — так в данных координатах выглядит одна из сторон исследуемого нами процесса взаимовлияния сознания и общества.

Наиболее влиятельным из современных англоязычных направлений, пожалуй, можно считать аналитическую философию (сознания)³, выросшую из неопозитивизма и представленную работами Д. Армстронга, раннего Л. Витгенштейна, Д. Дэннетта, Дж. Остина, Б. Рассела, Дж. Серла, Д. Чалмерса⁴. Язык в ней понимается как форма социальной игры, а сознание представляет собой особую форму (само)объяснения человеческого поведения при помощи языка⁵. Особо отметим теорию Д. Дэннетта, изложенную им в «Объяснённом сознании» (1991), известную как Модель множественных набросков, за её

¹ Будник Г.А. Пространство творчества. К 20-летию Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, её место и роль в истории отечества» / Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. — 2014. — №1. — С.46-51.

² Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с.

³ Джохадзе И. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности / И. Джохадзе // Философско-литературный журнал «Логос». — 2016. — №5(114). — Т.26. — С.1-18.

⁴ Костикова А.А. Современная философия: новый подход к исследованию, преподаванию, развитию (обзор опыта исследований аналитической философии сознания) / А.А.Костикова // Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. — 2016. — №1. — С.77-84.

⁵ См., например, главы 9 и 15-18 в обзоре Джона Пассмора: Пассмор Дж. Сто лет философии / Пер. с англ. — Москва : «Прогресс-Традиция», 1998. — 496 с.

«твёрдую материалистическую позицию»¹. Однако, объяснив (или думая, что объяснив) сознание, аналитические философы умудрились нечувствительно «потерять общество», которое, судя по всему, теперь состоит из зомби, управляемых «борьбой за славу» мимолётных набросков реальности в мозгу: «Возможны ли зомби? Они не только возможны, они существуют. Мы все зомби»². Критически относясь к конкретным результатам аналитической философии сознания, следует, однако, не упустить их методологическую ориентированность на как можно более «твёрдые» знания и опору на данные естественных наук, что, на данный момент, нехарактерно для гуманитарных наук как в России, так и за рубежом.

Главными бриллиантами в короне «континентальной» социальной и гуманитарной науки является структурализм и постструктурализм, выросшие из лингвистики Ф. де Соссюра. Его основными представителями принято считать антрополога К. Леви-Стросса³, культуролога Ю.М. Лотмана⁴, исследователя науки М. Фуко⁵, психоаналитика Ж. Лакана. Взаимодействие индивидуального и социального в их трудах описывается в терминах структур, объединяющих поведение, взаимодействие, речь и определяющих мышление. Деятель, таким образом, «распадается на структуры», и становится частью безличных механизмов функционирования культуры, под строгим «антропологическим оком» кантианского трансцендентального наблюдателя⁶; данный подход частично созвучен и социоцентрической, и коммуникативно-культурологической парадигмам, и акторно-сетевой теории Б. Латура⁷. Здесь

¹ Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д.Деннетт и его теория сознания / Д.Б.Волков. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2012. — 320 с. — С.38.

² Dennett D. C. Consciousness explained / D.C. Dennett. — New-York : Back bay books, 1991. — 511 p. — P.408.

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс, пер. с фр. — Москва : Эксмо-Пресс, 2001. — 512 с. (Серия «Психология без границ»).

⁴ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М.Лотман. — Москва : Азбука-Аттикус, 2015. — 704 с.

⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М.Фуко, пер. с фр.. — Санкт-Петербург : А-сад, 1994 г. — 408 с.

⁶ В 1.2 приводятся некоторые соображения по поводу габитуса, «упорядочивающей структуры» антропологии П.Бурдьё, одного из виднейших представителей постструктурализма.

⁷ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию /Б. Латур, пер. с англ. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.

можно говорить о двойственности деятеля, одновременно являющего собой и целостность, холярхию (К. Уилбер), и точку сборки или пересечения неких структур, лежащих за границами телесного, когнитивного и социального.

Эволюционно-натуралистическая парадигма в социальных и гуманитарных науках, пройдя через повороты социал-дарвинизма, евгеники, биологизаторства (обвинения в них ещё продолжаются), с середины прошлого века переживает ренессанс, ведущий свой отсчёт с фундаментальной статьи К. Лоренца «Кантовская доктрина априори в свете современной биологии» (1941), и, далее, работ У. Куайна, К. Поппера, Г. Фоллмера. Поскольку, с точки зрения эволюционных эпистемологов, «жизнь с конститутивной стороны её сущности представляет собой познавательный процесс»¹, то язык (а значит, и сознание) человека как наилучшим образом способный к познанию «аспект биологического приспособления мозга» (С. Пинкер) играет критическую, ключевую роль и в социальном её измерении. Иными словами, от того, как мы познаём, зависит то, в какой реальности мы живём: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком», пишет иркутский лингвист А.В. Кравченко², ссылаясь на У.Л. Уорфа и его принцип лингвистической относительности: как отмечал ещё Л. Витгенштейн, «границы моего языка определяют границы моего мира»³. С другой стороны, экологическая этика А. Швейцера, О. Леопольда, учение о ноосфере В.И. Вернадского, аутопозэсис У. Матураны и Ф. Варелы, научный гуманизм И.Т. Фролова, биоцентризм Р. Ланцы, и даже «объяснения, меняющие мир» Д. Дойча⁴ подводят, по мысли глобальных эволюционистов, к тому, что и

¹ Кезин А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. Аналитический обзор / А.В.Кезин. — Москва : ИНИОН РАН, 2006. — 100 с. — (Серия «Проблемы философии»). — С.16.

² Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А.В. Кравченко. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с. — С.285.

³ Витгенштейн, Л. и др. Языки как образ мира / Л. Витгенштейн и др. — Москва : Изд-во АСТ, 2003. — 576 с. — С.5.

⁴ Швейцер А. Культура и этика (Под ред. В. А. Карпушина) / А. Швейцер, пер. с нем. — Москва : Прогресс, 1973. — 343 с. Леопольд А. Календарь песчаного графства / А.Леопольд. — Москва : Мир, 1983. — 248 с. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. — Москва : Наука, 1991. — 271 с. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания / У.Р.Матурана, Ф.Х.Варела. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с. Иван Тимофеевич Фролов / И.Т.Фролов; под ред. В.А.Лекторского. —

природа является полноценным субъектом эволюции, точнее, коэволюции: «отчуждение человека от природы есть искажение самой идеи человека как такового»¹.

К эволюционистам тесно примыкает постиндустриальная парадигма, восходящая к работам Т. Веблена, Дж. Кейнса² и объединяющая под своим крылом Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Д. Медоуз, Э. Шумахера, в нашей стране — Р.Ф. Абдеева, В.И. Иноземцева, А.И. Ракитова; эти авторы фокусируются на различных аспектах развитого индустриального или информационного общества (информация, сетевая структура, экология, техника, виртуальная реальность, скорость изменений, политические структуры), видя в них зачатки новых форм его будущего, или, напротив, угрозы ему; главными темами этих авторов является устойчивое развитие³, а также критика глобализации, осуществляемой Западом во имя так называемых «глобальных человеческих ценностей»: «в действительности, понимается, речь идет не о глобальных человеческих ценностях, а о глобальных аппетитах транснациональных корпораций»⁴. Роль взаимоотношений «сознание — общество» оценивается ими в целом как критически высокая: «все по-настоящему важные инновации и перемены, как

Москва : РОССПЭН, 2010. — 567 с. Ланца Р., Берман Б. Биоцентризм. Как жизнь создаёт Вселенную / Р.Ланца, Б.Берман, пер. с англ. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 224 с. Дойч Д. Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч, пер. с англ. — Москва : Альпина-нонфикшн, 2014. — 581 с.

¹ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Экологическая этика как философский проект жизни / В.В.Мантатов, Л.В.Мантатова // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. — 2016. — №1. — С.36-40.

² Веблен Т. Теория праздного класса / Т.Б.Веблен. — Москва : Либроком, 2017. — 368 с. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М.Кейнс. — Москва : Гелиос АРВ, 2015. — 352 с. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — Москва : Академия, 2004. — 790 с. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2008. — 560 с. Птицына С.С. Теория сетевого общества М.Кастельса: теоретико-социологический анализ / С.С.Птицына // Всероссийский журнал научных публикаций. — 2011. — №3(4). — С.55-56. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Денис Медоуз, пер. с англ. — Москва : «Академкнига», 2007. — 342 с. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Эрнст Шумахер, пер. с англ. — Москва : ИД ВШЭ, 2012. — 352 с. — (Социальная теория). Лаврик Н.В. Теоретические концепции информационного общества как предпосылки к зарождению электронной демократии / Н.В. Лаврик // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014. — №11. — С.56-65.

³ Мантатов В.В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной / В.В.Мантатов // Вестник ВСГУТУ. — 2013. — №4(13). — С.132-136.

⁴ Лепехов С.Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации / С.Ю.Лепехов // Интеллигенция, её гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча». — Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. — С.195-205.

правило, начинаются с крошечных меньшинств людей, которые всё-таки используют свою творческую свободу».¹

Завершает этот краткий и неполный обзор синергетическая парадигма, несущая определённые издержки в силу принципиальной междисциплинарности и известной затертости термина «синергетика» в научной литературе и СМИ, но, тем не менее, представляющая собой методологический «зонтик», который объединяет исследователей из самых разных дисциплин и работает на уровнях от теоретического до прикладного, в том числе и в полевых исследованиях². Её основателями, как известно, являются Г. Хакен и И.Р. Пригожин; в нашей стране работает школа С.П. Курдюмова, а благодаря усилиям Г.Г. Малинецкого вот уже пятнадцать лет издаются серии «Синергетика: от прошлого к будущему» и «Синергетика в гуманитарных науках»³. В России синергетическое течение приобрело особую популярность, благодаря высокому уровню достижений в математике и физике, что, пожалуй, достойно быть предметом отдельного историко-философского исследования. Сознание и общество, в этой парадигме, представляют собой несомненные синергетические феномены и должны изучаться именно так: «социум предстаёт как сложная открытая система, имеющая в неравновесном состоянии потенциальное множество путей эволюции»⁴; при этом подчёркивается их взаимозависимость (особенно в окрестностях критических точек): «растущий технологический потенциал

¹ Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Эрнст Шумахер, пер. с англ. — Москва : ИД ВШЭ, 2012. — 352 с. — С.277.

² Чукреев П.А., Тогошиева А.В. Синергетический метод в исследовании процесса социализации учащейся молодежи (Республика Бурятия) / П.А.Чукреев, А.В.Тогошиева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №14. — С.185-189. Бартунаев Л.Р., Желаева С.Э. Фактор времени как источник неравновесия в процессе самоорганизации экономических систем / Л.Р. Бартунаев, С.Э. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — №2. — С.11-16. Солодова Е.А. Новые модели в системе образования: Синергетический подход: Учебное пособие. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. — 344 с. Буданов В.Г., Пунда Д.И. Проблемы познания сложности, как основные вызовы современности // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. — Уфа, 6-10 октября 2015 г.

³ Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г.Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).

⁴ Цырендоржиева Д.Ш. Развитие общества с позиций синергетики / Д.Ш. Цырендоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №6. — С.26-29.

делает социальную систему менее зависимой от состояний и колебаний внешней среды, но вместе с тем более чувствительной к состояниям массового и индивидуального сознания»¹. В этом же направлении развивается эокантропоцентрическая парадигма Т.М. Дридзе, подчеркивающая, что «социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией, информацией) между человеком и средой его обитания, соответственно, работающий в этой парадигме исследователь акцентирует свое внимание не столько на человеке и/или среде в их обособленности, сколько на тех обменных (метаболических) процессах, которые происходят между ними»². Также стоит отметить, что в 2015 году вышла книга Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества»³, представившая оригинальную, цельную и укоренённую в русской культуре методологию рассмотрения проблем власти, капитала и общественного сознания; обсуждение идей этой работы в научной среде продолжается, а её настоящее влияние нам ещё предстоит оценить.

Итак, мега-дискурс о развитии общества, разговор о его будущем и о влиянии на него наших представлений, феноменов сознания, не утрачивает актуальности и по сей день; как, зачем и почему люди объединяются в группы, складывающиеся затем в сообщества, общество и государства (или не складывающиеся — почему?); каковы свойства, составные части, атрибуты и цели этих и подобных им образований; каковы их жизненные циклы, обусловленности, причинности и смыслы. Ученые и философы признают и важность, и сложность этих вопросов, успешно сопротивляющихся любым попыткам их «закрытия».

¹ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А.П. Назаретян. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. — 437 с. — С.106.

² Дридзе Т.М. Эокантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии. // Социологические исследования. — 2000. — №2. — С.20-28.

³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. — Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.

Рассмотрим подробнее проблемные основания необходимости управления сложностью. Сложность вопросов, изложенных выше, по всей вероятности, не в последнюю очередь связана с тем, что каждый шаг к ответам порождает новые вопросы: чем больше мы постигаем эти явления, тем как будто бы непостижимее они становятся. О. Конт наблюдал конец военно-теологического общества, приветствуя научно-индустриальное; с последним мы прощаемся сейчас, а ответы практически не изменились: «Основным условием общественной реформы служит реформа интеллектуальная»¹ — ответ, под которым бы подписалась значительная часть и нынешних учёных, философов, мыслителей, пусть и имея в виду каждый что-то своё. В нашем понимании «интеллектуальная реформа» — универсальный и единственно возможный ответ человека на возросшую производимую нами же сложность окружающего его мира: аграрная, промышленная и другие революции в истории представляют собой в первую очередь такие интеллектуальные реформы, или смены парадигм мышления, «революции в умах». О. Конту спустя почти два века вторит один из авторов неоднозначной серии книг «Проект Россия»: «Для силовой операции (требующейся для социальных изменений) в первую очередь нужен не отряд воинов, а команда крупных интеллектуалов, организаторов и личностей в одном лице»². И, конечно, как не вспомнить знаменитое «Нет ничего практичнее хорошей теории»; авторство этого афоризма приписывается многим учёным и философам, вплоть до И. Канта. Это не означает, что объективные материальные, в первую очередь экономические факторы, исключаются из рассмотрения, скорее они становятся частью этой картины:

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. — 608 с. с.88.

² Публицистическая заострённость книг этой серии не объясняет их общего весьма поверхностного, редуционистского, рецептурного характера. Мысли и предложения в них имеют скорее терапевтическую функцию литературного плацебо, приятную для «постороннего» (А.Камю) читателя, но для читателя вовлечённого (а тем более управленца и мыслителя) чреватую впадением в нормативную иллюзию. См.: Шалыганов Ю. Проект Россия. Книга 4. Большая идея / Ю.Шалыганов. — Москва : Эксмо, 2010. — 320 с. — С.66.

что есть марксовское развитие производительных сил, как не результат смены парадигмы (революции, по Т. Куну) в организационно-технологическом мышлении, новое видение материальных и энергетических процессов, имеющее результатом их подчинение и использование; и разве не подразумевает смена производственных отношений новую картину «потребного будущего» (Н.А. Бернштейн), созданную (и постоянно создаваемую) в целях пересмотра этих отношений? Цивилизационный подход, оперирующий понятиями Вызова и Ответа (А.Тойнби), также необходимым образом включает в себя наличие моментов осмысления вызова и необходимости формирования ответа, — и всё это так или иначе процессы, связанные с сознанием. Итак, *социальные изменения всегда подразумевают изменения в мышлении*; очевидность этого тезиса не должна умалять его важности. Какова структура этого подразумевания, какова природа и сущность связей между феноменами сознания и изменениями общества — вопросы, не утрачивающие актуальности ни на секунду, несмотря на периодическое их «выпадение» из фокуса внимания исследователей, учёных и философов.

Другая глобальная проблемная тенденция связана с ростом энергооснащённости человека. Этнограф и культуролог Л. Уайт писал: «прогресс культуры происходит по мере возрастания количества энергии, затрачиваемой на душу населения»¹. Количество энергии, которым мог распоряжаться отдельный человек в каменном веке, ниже энергооснащённости человека из античности и Средневековья, а те, в свою очередь, были энергетически слабее, чем человек Нового и тем более Новейшего времени. Наш городской современник ежедневно распоряжается киловаттными мощностями, что поставляются ему по электрическим, газовым и другим сетям снабжения — роскошь, невыносимая для неолитического человека с его костром и орудиями, использующими мускульную силу. При

¹ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Л.Уайт. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 640 с. — С.525.

этом даже в гипотетическом случае арифметически абсолютно равномерного распределения всей энергии среди людей оно всё равно показало бы, что могущество отдельной человеческой особи монотонно растёт (разница в населении составляет три-пять порядков¹, а разница между каменным топором и ядерной боеголовкой достигает 12-13 порядков величины²), а с учётом того, что на деле энергия распределяется среди людей крайне неравномерным образом, становится окончательно ясно, что «энергетическая мощность» решений отдельных людей возрастает, иными словами, всё бóльшие количества энергии управляются субъективным образом. Так, американский исследователь Д. Роткопф в книге с говорящим названием «Суперкласс: Глобальная властная элита и мир, который они создают»³ указывает, что количество могущественной прослойки всего человечества, тех, кто правят миром, находится в пределах всего от шести до нескольких десятков тысяч — это около одного человека на миллион. Международное объединение организаций Oxfam, занимающееся проблемами бедности⁴, также указывает на неравномерность распределения богатств: восемь человек владеют таким же объёмом средств, что и 3,6 млрд. жителей планеты, составляющих беднейшую половину человечества; ясно, что поток средств, финансовой энергии, в первом случае значительно более субъективен, чем во втором. А.П. Назаретян пишет: «...удельный вес ментального фактора в комплексе причинных зависимостей исторически неуклонно возрастал, <...>. Следуя привычной методологии, глобалисты сосредотачиваются на экономических, демографических, экологических, энергетических расчётах, обычно недооценивая того, что ресурсная база кардинально зависит от

¹ Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества / С.П. Капица. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2010. — 192 с. — С.65.

² Дружинин В.В., Конторов Д.С. Основы военной системотехники / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов. — Москва : МО СССР, 1983.

³ Русскоязычное издание: Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Дэвид Роткопф; пер. с англ. — Москва : Астрель Полиграфиздат, 2010. — 475 с.

⁴ Hardoon, D. An economy for the 99% / Deborah Hardoon. — Режим доступа : <http://oxf.am/ZLRC> (Дата обращения: 17.01.2017)

развития творческого разума. Ключевой же детерминантой жизнеспособности планеты становятся процессы в сфере субъективной реальности»¹. Эту тенденцию можно выразить в духе античных апорий: *история объективно становится всё более субъективной*².

Этому процессу противостоит другой, который можно назвать «социальной объективацией индивида», выражающийся в рождении, распространении и взаимодействии ритуалов, мифов, религий, бюрократии, морали, законов, этики — иначе говоря, паттернов, правил, традиций и институтов, одна из главных задач которых состоит в ограничении произвола отдельных особей с целью выживания сообщества. И это всё та же проблема контроля и управления: бесконтрольная энергия опасна. Человеческие общества, равно как и природные системы и сущности, не выработавшие и не вырабатывающие такие ограничения, накладываемые на часть в интересах целого, очевидно, несут повышенные риски деградации и распада. Здесь уместна метафора иммунитета, защищающего целый организм от его части, например, бактерий, а то и популярное в массовой культуре сравнение с раковой опухолью.

Таким образом, в силу и растущего энергетического, информационного могущества человека, и неравномерности распределения этого могущества среди людей, осуществление адекватного контроля общества как над «атлантами, расправившими плечи», так и над другими рисками и, в целом, над сложностью самого себя, становится всё более актуальной задачей, стремительно оборачивающейся задачей повышения выживаемости общества и человечества как вида, или, что то же самое, снижения рисков не-

¹ Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: ещё раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. — 2016. — №7. — С.115-129.

² Ср. с замечанием Г.Г.Малинецкого в предисловии к книге П.Бака: «Отечественная наука стала субъективной: есть человек, занимающийся определённой проблемой — есть проблема, нет человека — нет и проблемы». Бак П. Как работает природа: Теория самоорганизованной критичности / П. Бак, пер. с англ. — Москва : Изд-во УРСС, 2014. — 276 с. — С.14.

выживания¹. Такое ограничение может осуществляться двумя путями: первый путь — это разработка и навязывание ограничений «снаружи внутрь», от общества к индивиду, это законы, мораль, право, этика и связанные с ними институты производства доверия; нельзя не отметить и технический путь, выражающийся в усилении прямого контроля над человеком со стороны государства посредством информационно-коммуникационных и других технологий. Второй — это путь «изнутри наружу», от индивида к обществу, через воспитание, образование, просвещение и поведение. Ясно, что в действительности это если не один и тот же, то, как минимум, две тесно связанные стороны одного пути — ограничения придумывают и воплощают конкретные люди, т.е. они изначально несут печать субъективности, а образование и просвещение не могут осуществляться без общества и его институтов.

Выводы. Подводя итоги обсуждения в данном параграфе, следует отметить: у управления сложностью и социальной сложностью существуют как интегральные дисциплинарные границы, так и историко-проблемные основания. Дисциплинарные границы порождены сложившимися традициями исследования общества, эпистемологическими и редукционистскими тенденциями отграничения его от мира в целом и от человека как биологического существа; этот подход был плодотворным на определённом этапе развития знания, но в условиях современности, по мнению ведущих исследователей социального, он ведёт к непредсказуемым и зачастую катастрофическим последствиям — нам, по всей видимости, придётся если не отказаться от «простых» объяснений (трудовых, цивилизационных, социо- и культуроцентрических, эволюционных, эпистемологических и других) социальных процессов, то включить их в новый сложностный процесс

¹ Так, Стаффорд Бир, британский кибернетик «второй волны», фундаментальной проблемой управления считал именно «проблему сложности: как её измерить, как с нею справиться» [Бир, 2009:9]. В кибернетической оптике её когнитивная, сознательная, духовная причинностная составляющая практически невидима, но проблема, тем не менее, была выявлена и оценена им более чем адекватно. Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с. — С.9.

познания реальности, без предварительного деления её на социальную, физическую, биологическую и какую-либо ещё. Это означает преодоление «междисциплинарных заборов» в первую очередь между социальной философией и философией науки, далее — социальной эпистемологией, теоретической социологией, когнитивной наукой и другими направлениями; также данный подход требует философского и, шире, гуманитарного освоения методологии наук о природе, в первую очередь концепций квантово-механической парадигмы как самого передового их представителя. Это отмечает и М.А. Розов: «Как это ни парадоксально, но гуманитарные науки, включая семиотику, философию науки и эпистемологию, по характеру своих проблем и по своим методологическим установкам ближе всего к современной физике»¹.

Что касается историко-проблемных оснований необходимости управления социальной сложностью, часть из которых рассмотрена в данном параграфе, то здесь из связи социального и индивидуального, роста субъективности истории и ограниченности ресурсов планеты, в контексте выживания каждого человека и человечества в целом, можно выделить две ключевые задачи. Первая: укрощение «атлантов», овладевших и распоряжающихся несообразно огромными ресурсами; появление таких атлантов вызвано и гарантируется неравномерностями природных, социальных и социально-экономических процессов. С точки зрения общества эта задача означает контроль целого над своей частью, воздействие социума на индивида (группу индивидов) в целях сохранения, выживания и развития и целого, и части. Вторая ключевая задача — это распространение прогрессивных идей; этот процесс не должен пониматься как «просто» трансляция сложившихся в результате каких-то процессов норм, в духе идей Г.П. Щедровицкого, но в первую очередь как глубокая «внутренняя» работа

¹ Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) / М.А. Розов // Наука глазами гуманитария: сб. науч. ст. — Москва : Прогресс-Традиция, 2005. — С.23-58.

деятеля над улучшением гипотез и практик, описывающих внешний по отношению к нему мир. С точки зрения индивида (группы) решение этой задачи означает эффективное влияние индивида (группы) на социум, улучшение целого его частью, снова в целях сохранения, выживания и развития и части, и целого. Таковы два проблемных междисциплинарных основания социальной когнитивистики, совокупно представляющих собой задачу управления сложностью, выживанием, развитием общества, иными словами, задачу *управления историей*.

Итак, «новый редукционизм» в познании против сложности и социальной сложности и переосмысление отношений общество-индивид в диалогическом, взаимосозидающем и энергообусловленном ключе — вот основные предпосылки и проблемные основания управления сложностью.

1.2. Теоретическая модель управления и ключевые понятия социальной когнитивистики: выбор, габитус и когнатура

В этом параграфе приведена базовая теоретическая модель социальной когнитивистики, основанная на теории самоорганизованной критичности датско-американского физика П. Бака, и раскрыты такие ключевые понятия социальной когнитивистики, как выбор, габитус, когнатура и т.д. В свете соображений, изложенных выше, имеет смысл начать меж- и трансдисциплинарную «концептуальную расчистку» (С.П. Никаноров) проблемного участка «сознание-общество» с позиций сложности, целостности и технологичности. На наш взгляд, в этих условиях первым (но не единственным) подходящим кандидатом на «ресурсную» дисциплину с целью м-обмена (переноса смыслов в «целеполагающую дисциплину», в данном случае социальную философию; термины И.Т. Касавина) является теория самоорганизованной (самоорганизующейся) критичности, изложенная датским физиком Пером Баком в 1996 году в книге «Как работает природа: теория самоорганизованной критичности» (издана на русском языке в 2012 г.).

Её основная модель, эксперимент с кучей песка, описывается следующим образом¹:

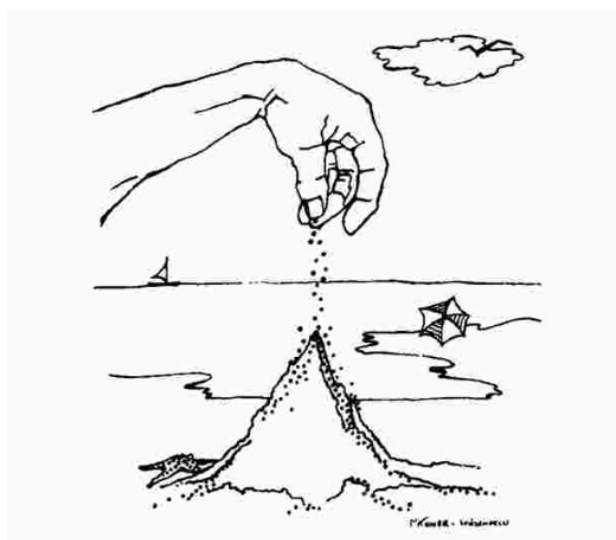

Рис. 2. Художник Элейн Визенфельд, из книги П.Бака (с.50).

¹ Бак П. Как работает природа: Теория самоорганизованной критичности / П. Бак, пер. с англ. — Москва : Изд-во УРСС, 2014. — 276 с. — С.96.

«Рассмотрим плоский стол, на который очень медленно — по одной песчинке — сыплется песок. Песчинки могут попадать в случайное место или в одно и то же — например, в центр стола. Рассыпанный ровным слоем песок соответствует равновесному состоянию; энергия здесь, очевидно, наименьшая, поскольку для того, чтобы придать песку любую другую форму, потребуется затратить энергию. <...>

Поначалу эти песчинки остаются более или менее в том месте, куда они упали. По мере того, как мы продолжаем насыпать песок, куча становится круче — и начинаются небольшие осыпания песка, или лавины. Песчинка может упасть на другие песчинки и скатиться вниз, что, в свою очередь, иногда заставляет двигаться её соседей. Добавление одной песчинки способно вызвать локальное возмущение, но с кучей в целом ничего существенного не случится. В частности, события в одном месте не затрагивают песчинок в других местах. На этой стадии всеобъемлющей связи между частями кучи нет, а есть только много отдельных песчинок.

С ростом крутизны склонов кучи становится более вероятным, что одна песчинка вызовет соскальзывание других. Со временем наклон поверхности достигает определенного значения и больше уже не сможет расти, так как количество добавляемого песка в среднем равно количеству песка, падающего через край. Такое состояние называется стационарным, поскольку среднее количество песка в куче и её средняя крутизна постоянны во времени. Ясно, что для поддержания такого баланса между песком, насыпаемым, скажем, в центр стола, и песком, осыпавшимся с краёв, части системы должны быть взаимосвязаны. И время от времени там будут возникать лавины, охватывающие всю кучу целиком. *Это и есть состояние самоорганизованной критичности.*

Добавление песчинок перевело систему из состояния, в котором отдельные песчинки следуют собственной локальной динамике, в критическое состояние, где динамика носит всеобъемлющий характер. В стационарном

состоянии самоорганизованной критичности есть единая сложная система — куча песка со своей эмерджентной динамикой. И эту эмерджентность невозможно предугадать, исходя из свойств отдельных песчинок».

Что же представляет собой «песчинка» в требуемых нам социально-философских координатах, что есть единица индивидуального, в перспективе откликающаяся масштабной лавиной на этажах социального? Физика утверждает, что фундаментальным свойством материи является её нахождение в определённом состоянии, конфигурации: «...если некоторое число атомных ядер, включая их свиту из электронов, находится близко друг к другу и образует «систему», то они уже по самому своему существу способны принимать далеко не все те произвольные конфигурации, какие мы можем себе представить. *«Самая их природа оставляет им для выбора, хотя и весьма многочисленную, но прерывистую цепь состояний»*¹ (курсив наш — Ц.Ж.).

Е.Н. Князева отмечает: «С точки зрения теории сложности, конструктивистская, творческая деятельность человека имеет естественные ограничения в виде собственных путей эволюции сложных систем, спектров их структур-аттракторов, которые определяются внутренними свойствами самих сложных систем, самого окружающего мира. Не все что угодно можно осуществить, сконструировать, построить, а только то, что согласовано с внутренними тенденциями. Связь субъект — объект такова, что субъект познания и действия с определенными установками и конструктами сознания конструирует окружающий природный и социальный мир отнюдь не наобум, а “ударяет по клавишам возможного”»². Иными словами, существуют как действия, не оказывающие никакого влияния на окружающий деятеля участок реальности (игра «мимо клавиш»), так и действия, которые имеют

¹ Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики (1945) / Э.Шредингер; пер. с англ. — Москва : РИМИС, 2009. — 176 с. С.91-92.

² Князева Е.Н. Социальная сложность: Самоорганизация, тренды, инновации / Е.Н. Князева // Общество: Философия, история, культура. — 2013. — №1. — С.20-28.

последствия. Ссылаясь на физические метафоры и аналогии, мы предлагаем рассматривать в качестве единицы, атома, кванта присутствия в нашем мире решение, *выбор* из доступных социальному субъекту (выбирателю) состояний, начиная с элементарных физических, т.е. перемещение и расположение в пространстве, и заканчивая сложными и сверхсложными, вроде этических дилемм.

Х. Ортега-и-Гассет говорил, что «жить — это постоянно решать, чем мы будем <...>, непрерывно, изначально что-то предпочитать и чем-то пренебрегать»¹. По С. Кьеркегору, весь человек, всё его существо представляет собой одно сплошное противоречие, освободиться от которого можно лишь посредством выбора: «выбор сам по себе имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: *делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет*»² (*курсив наш — Ц.Ж.*). Эту мысль развивает Н.А. Бердяев в своей философской автобиографии: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое *созидание добра и зла*. Самое состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда «*выбор сделан и когда я иду творческим путем*»³ (*курсив наш — Ц.Ж.*). Очевидно, созвучие и, в определённом смысле, принадлежность этой установки к более позднему конструктивистскому и радикально-конструктивистскому дискурсу, всё более пронизывающему современные научные теории, который, собственно, и стоит на том, что процесс «организации разумом самого себя»⁴ подразумевает постоянный выбор из некоторого числа возможных

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? (Сборник) / Х.Ортега-и-Гассет. — Москва : Институт философии РАН, 1991. — 408 с. — С.174.

² Кьеркегор С. Наслаждение и долг / С.Кьеркегор, пер. с датского. — Киев : AirLand, 1994. — 504 с. — С.334.

³ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А.Бердяев. — Москва : Книга, 1991. — 446 с. — С.61.

⁴ Цит. по Кезин А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века: Аналитический обзор / Москва : РАН, ИНИОН, 2006. — 100 с. — С.59.

собственных состояний на разных уровнях и в разных измерениях, или, что то же самое, отсечение невыбранных состояний.

Выбор должен пониматься нами в широком смысле: например, раскрытие зонта при дожде также содержит элемент выбора — ведь человек мог и не раскрывать зонт, такая конфигурация присутствовала в числе возможных. Выбором, следовательно, является и отказ от выбора, как отмечал ещё У. Джеймс (здесь мы не будем углубляться в формально-логические тонкости такой категоризации). Если коротко, выбором можно назвать любое *(без)действие, соотносимое со своими последствиями*. Как видим, это определение имеет много общего с дефиницией социального действия М. Вебера¹, различие заключается лишь в направлении: если у Вебера социальное действие — это действие, ориентированное индивидом на ожидания других людей, то в нашем случае сектор соотносимости шире и охватывает не только возможную социальную реакцию, но всю актуально обозримую на момент выбора совокупность последствий. И, поскольку «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», то это неустранимое наличие у выбора совокупности последствий, пусть и микроскопической, т.е. *будущего*, следует, на наш взгляд, включить в его определение. Таким образом, категориальная пара «выбор-последствия» является аксиоматической основой нашей модели, детали которой будут уточняться по мере продвижения далее. Строго говоря, в этих определениях буквально любое наше действие или бездействие является выбором; и это действительно так, в полном соответствии с мыслью Х. Ортеги-и-Гассета, приведённой выше². Окажется ли наш выбор «клавишей возможного» или же просто потратит энергию на рост энтропии — зависит только от нас.

Итак, квантом социальной динамики нами назначен выбор, определённый как действие, соотнесённое со своими последствиями.

¹ Давыдов Ю.Н. Действие социальное / Ю.Н.Давыдов // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.1. — Москва : «Мысль», 2010. — 744 с. — С.609

² У.Джеймс: «Когда необходимо сделать выбор, а вы его не делаете — это тоже выбор».

Взаимодействие картины мира и процесса осуществления выбора — ключевой момент для дальнейшей концептуализации связи между сознательным (когнитивным) и социальным, поэтому его стоит рассмотреть подробнее. Поскольку выбор энергетически, ресурсно ограничен (в примере с зонтом «выбиратель», возможно, и хотел бы остановить дождь, разогнав тучи, или накрыть весь свой путь навесом, но у него нет таких ресурсов — энергетических, материальных¹, временных), влияние картины мира может происходить только в этих границах. Или приведем пример притчи о земном шаре и обуви, придуманной людьми: легче обуть ноги кожей, чем устлать всю землю кожей; это гораздо эффективнее, малозатратнее с точки зрения ресурсов и энергии. Правильнее, на наш взгляд, говорить не столько о границах, сколько о более или менее осуществимых траекториях, часть из которых обладают большей «осуществимостью», «исполнимостью» с точки зрения выбирателя, образуют *аттракторы*; именно по ним устремляется энергия и другие ресурсы, направленные выбором. Чем ближе картина мира выбирателя к реальной физической (энергетической и материальной) ситуации, тем, вероятно, выше качеством будет его выбор. Ясно, что абсолютного соответствия не получится никогда (неустраняемая разница гарантируется принципом неопределённости, эффектом наблюдателя и другими законами квантовой физики), к тому же приближение картины мира к реальности — процесс, сам по себе требующий энергии², поэтому здесь можно говорить только об оптимизационных стратегиях.

Таким образом, картина мира представляет собой энергетическую реальность ситуации выбора, особым образом преобразованную в сознании выбирателя в приближённую, и выбор является результатом взаимодействия

¹ В силу формулы Эйнштейна $E=mc^2$ под «энергией» и «энергетическим» мы будем понимать и «материю», «материальное», за исключением тех случаев, когда различие имеет значение. То есть «ресурсы», «материал», «энергия» в контексте данного абзаца — синонимы.

² В качестве иллюстрации: мозг человека потребляет до 25% всей энергии тела, а наука как институт улучшения картины реальности в любой стране имеет склонность к удорожанию и усложнению исследований.

этой преобразованной реальности с интенцией, формой энергии избирателя. Можно сказать, что посредством выбора совокупная энергия ситуации выбора, чьё разнообразие порождено неравномерностью её распределения, находит свою временную форму, и картина мира через избирателя критическим образом участвует в этом процессе: *энергия ищет форму*.

Далее, ограниченность ресурсов представляет собой не только глобальную рамку всех сложных процессов, но присутствует и в локальной ситуации выбора, т.е. выбор всегда ограничен энергетически, и, следовательно, имеет во многом оптимизационный характер: «прогрессивные изменения — это выбор “меньшего из зол”»¹. Этот фактор, на наш взгляд, невозможно не учитывать и при попытке объяснения процессов, которые происходят при взаимодействии сознания и социальной реальности. Так, деятельность человеческого мозга связана с повышенными энергозатратами по сравнению с ближайшими родственными человеку видами². Кроме того, расход энергии мозга варьирует в зависимости от интенсивности его использования: «Большой мозг позволяет справляться со сложными задачами, которые не имеют готовых инстинктивных решений. Затратность реализации таких механизмов адаптивного поведения очень высока, поэтому как животные, так и человек стараются использовать мозг как можно реже»³. (Затраты могут достигать 25% всей энергии организма — там же). Поэтому с энергетической точки зрения неизбежно появление стратегий выборов, требующих как можно меньше усилий для их осуществления при сохранении их качества. Основной из таких стратегий является формирование связных

¹ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А.П. Назаретян. — Москва : МБА, 2013. — 440 с. — С.335.

² Повышенное энергопотребление позволило человеку «вырастить» большой мозг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2016/05/05/Human-paradox> — (Дата обращения: 12.02.2017). Pontzer H. et al. Metabolic acceleration and the evolution of human brain size and life history / Herman Pontzer et al. // Nature. — №533 (19.05). — 2016. — С.390–392. — (doi:10.1038/nature17654)

³ Савельев С.В. Происхождение мозга / С.В. Савельев. — Москва : Веди, 2005. — 368 с. См. также: Энергетический подход к эволюции мозга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430378/Energeticheskiy_podkhod_k_evolyutsii_mozga — (Дата обращения 12.02.2017).

«цепочек выборов»; биологи называют их фиксированными комплексами действия (fixed action pattern или ФКД), и «в подавляющем большинстве случаев ни человек, ни животные не разрабатывают программу действия, а используют ту, которая уже применялась ранее при схожей ситуации»¹.

«Перебор хранящихся в памяти ФКД и сбор информации об обстановке, в которой находится человек или животное, идут параллельно до тех пор, пока в окружающей среде не будет найдена некая совокупность признаков, соответствующая одному из имеющихся ФКД. Данный ФКД и реализуется как программа действия. Эта совокупность характеристик внешней среды называется ключевым, или сигнальным стимулом»². Таким образом, ФКД позволяет осуществлять множество выборов «по цене одного». ФКД, в метафорах из теории самоорганизованной критичности, является заранее подготовленной «лавиной» по отношению к «песчинкам»-выборам: выбор, совершённый в результате сигнального стимула, можно сопоставить с той песчинкой, которая запускает лавину-ФКД, захватывающую другие песчинки, каким-либо образом с ней связанные. Даже делая некоторую поправку на общий физикалистско-биологизаторский тон приведённых выше цитат, всё же нельзя не согласиться с тем, что, действительно, наша жизнь как последовательность разнообразных выборов (как мы её условились понимать) во многом состоит из чего-то поразительно напоминающего описанные комплексы, причём как на уровне повседневном (например, завтрак), так и на уровнях более высоких (поведение на работе, общение с родными и друзьями). Так, Н.С.Розов, опираясь на работы Э. Дюркгейма, Р.Коллинза и др., пишет об интерактивных ритуалах, «всех эмоционально внушительных взаимодействиях между индивидами в ситуациях «здесь и сейчас», в результате которых как раз меняются или подкрепляются элементы габитусов

¹ Жуков, Д.А. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т.1 / Дмитрий Жуков. – 2-е изд. – Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. – 428 с. — С.157.

² Жуков, Д.А. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т.1 / Дмитрий Жуков. – 2-е изд. – Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. – 428 с. — С.157.

участников — их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы»¹.

Далее, различные ФКД или квази-ФКД составляют практики², которые порождаются и запускаются *габитусами*, определенными выдающимся французским исследователем Пьером Бурдьё³ так: «габитусы — это системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как упорядочивающие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению». Иными словами, габитус управляет системами более низкого уровня, т.е. практиками и ФКД, осуществляя их применение к цели выбирателя, подобно тому, как футболист для удара по мячу применяет ногу, обутую в бутсу, где ни нога, ни бутса, вообще говоря, «не имеют ничего против» этого конкретного мяча. Габитус также «выступает системой приобретенных моделей действия, реализующихся на практике “как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия”»⁴. Н.С. Розов определяет габитус так: «устойчивые комплексы ментальных компонентов с идентичностями и поведенческими стереотипами. <...> По разным критериям можно выделять инварианты — аспектные габитусы»⁵.

¹ Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

² Р.Мёртон и школа структурного функционализма говорят также о «социальных ролях» — понятие, лежащем «приблизительно между» практиками и габитусами Бурдьё. Мы отдали предпочтение последним, в силу известной нагруженности метафоры «роль» — роль подразумевает не только «актера», но и «сценарий», «сцену», «драматурга», «режиссёра», «зрителей», «кулисы» и т.д., в целом восходя к картезианскому театру, «гомункулусу внутри» и другим понятиям дуализма.

³ Бурдьё П. Практический смысл / П.Бурдьё; пер. с фр. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001 г. — 562 с. — С.43.

⁴ Громов И.А. и др. Западная социология / И.А. Громов, И.А.Мацкевич, В.А.Семенов. — Санкт-Петербург : ДНК, 2003. — 560 с.

⁵ Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

Примерами габитуса могут являться: класс (дворянин, буржуа или пролетариат), профессия (работник определенной специальности: врач, рабочий, чиновник), социальная роль (родитель, ребенок, ученик). Габитусы, как показал Н.С. Розов, могут выделяться по какому-либо признаку (сфере различия) в аспектные габитусы, например, по отношению к государству: «инсайдер-пользователь», «службист (честный государственный)», «подданный», «внутренний эмигрант»; или по отношению к ценностям: «подвижник», «обыватель», «примиритель». Аспектные габитусы могут объединяться в т.н. габитусные гнезда, из которых Н.С. Розовым выделяются, например, «гнездо отстраненных аутсайдеров», «гнездо ловких инсайдеров», «гнездо подвижников» и др.¹.

Следует учесть, что габитус, понимаемый как «история, вписанная в тело человека», является продуктом прошлого опыта, биографии: он отбирает, организует, производит практики в согласии со схемами, порождёнными и порождаемыми историей и усвоенными выбирателем, и, таким образом, являет собой активное, организующее присутствие прошлого опыта во всех решениях всех уровней. «Я — учитель, следовательно, должен поступать как учитель» или «Врачи (а я врач) так не поступают» — так действует габитус, отбирая или отбраковывая решения и практики для исполнения каких-либо задач. Габитус гарантирует «правильность» практик, ФКД и выборов, ставя на них печать социально и исторически общепринятого. «Такая система предрасположенностей — то есть присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних потребностей, есть принцип преемственности и регулярности. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и

¹ Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

реагировать более или менее адекватно на события и ситуации»¹. Поскольку габитус лежит в основе восприятия и отбора практик, постольку он защищен от изменений путём отбора, отрицания, уклонения от новой информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию. Всем нам знакома проблема отцов и детей: она может быть объяснена тем, что отцы отказываются видеть в детях взрослых, равных себе, поскольку это угрожает их габитусу отцов; габитус же детей перестаёт быть адекватным реальности, и обсуждение этого будет далее. Схемы восприятия и оценки, которые приводят к стратегиям уклонения и отказа, в значительной степени работают неосознанно и ненамеренно; в психологии они известны под общим термином «когнитивные искажения». Уклонение происходит либо автоматически, как результат условий существования (например, пространственной сегрегации), либо как стратегическое намерение (как, например, изоляция и самоизоляция от «дурной компании», «неподходящих книг», выбора людей для событий и мест для знакомства).

Данная панорама социальной реальности, поделённой между габитусами, унаследованными выбирателями (деятелями) из своего прошлого и (или) полученными ими из окружения, представляется неполной. Вполне законные вопросы вроде «а что порождает новые габитусы» и «как, в таком случае, возможны изменения в обществе» наводят на мысль, что не вся реальность распределена между габитуально-обусловленными практиками, что габитусы, так или иначе, подвержены изменениям, причём, в силу их предполагаемой нами самоорганизованно-критической природы (они ведь, в итоге, состоят из «песчинок»-выборов), сравнительно внезапным и масштабным. «Человеческая жизнь, таким образом, представляет собой бесконечное многообразие уникальных ситуаций, из которых в целом складывается ограниченное количество типичных (при этом часть ситуаций *не*

¹ Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm — (Дата обращения: 13.02.2017)

попадает ни в какой тип)»¹ (курсив наш — Ц.Ж.). «Непокрываемость» социального мира габитусами и социальными ролями, равно как их практически гарантированная конфликтность (по определению требующая «арбитра»), указывает нам на существование чего-то ещё, ограничивающего возможные эпистемические притязания понятия «габитус» на всеохватность и конечность.

По всей вероятности, габитус как социально одобренная структура усваивается преимущественно в молодости, а ключевые его основы закладываются в раннем детстве. Жан Пиаже в книге «Речь и мышление ребенка» указывает на конкретность и единичность мышления ребенка при исследовании процедуры логического оправдания. Ребенок не осознаёт ни мотивов своего суждения, ни обоснований его, притом что суждение может быть правильно введено в соответствующий контекст. «Оказавшись перед некоторым объектом мысли или некоторым утверждением, ребенок, в силу своих предшествующих опытов, прибегает к известной — всегда одной и той же — манере реагировать и думать, к определенной, так сказать, схеме рассуждения. Подобные схемы — это функциональный эквивалент общих предложений, но так как ребенок не осознает этих схем, прежде чем споры и потребность в доказательстве не выявят и тем самым не видоизменяют их, то нельзя сказать, чтобы они подразумевали общие предложения. Они составляют попросту бессознательные тенденции, из которых каждая существует сама по себе, но которые не приведены в систему, а потому и не ведут ни к какой строгой логичности. Или, если угодно, это логика действия, но еще не логика мысли»².

Обратим внимание на определённое сходство мышления ребенка, как его описывает Пиаже, и поведение социального субъекта (агента) в свете

¹ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — С.378.

² Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. - Москва : Педагогика-Пресс, 1994. - 526, [1] с. - (Психология: классические труды). — С.234.

понятия габитуса Бурдьё. Габитус представляет собой, в этой аналогии, не более чем функциональный эквивалент «чего-то», упомянутого нами выше, и его работа по порождению и организации ролей и практик запускается теми же сигнальными стимулами, что и в случае с ФКД, только более высокого уровня, опознание которых составляет часть габитуса. Ребёнок, в этих координатах, представляется кем-то вроде начинающего пользователя, которому вручили инструмент, и он даже умеет его держать и кое-как применять, но делает это неосознанно, лишь воспроизводя прошлый опыт, свой или чужой. Далее: «Такое отсутствие основания объясняет, почему ребенок рассуждает исключительно о единичных случаях. Поскольку только схема является элементом, обобщающим детское суждение, а эта схема остается неосознанной, то ребенок будет осознавать лишь отдельные объекты, на которые направлена его мысль». Аналогично ведёт себя деятель, ограниченный габитусом: в случае стабильного окружения его «единичные», порождённые и обусловленные габитусом практики и социальные роли адекватны поступающим задачам, и он может быть более чем успешен в их применении. Но при этом он будет видеть только то, что позволяет ему габитус, вплоть до того момента, пока зазор между его решениями и реальностью не станет критическим, очевидным, который нельзя уже будет игнорировать.

Сам Пьер Бурдьё, рассуждая в 2000-м году об установленной корреляции социального положения учёных и их предпочтениями в выборе тем для исследования, пожалуй, может послужить примером такой избирательной слепоты, в его случае социологической: «...принцип, по которому мы принимаем по видимости наиболее личные, наиболее интимные, а потому наиболее важные для нас решения, <...> следует искать в социально сформированных диспозициях, в которых, в свою очередь, проявляются (в более или менее измененной форме) банальные социальные характеристики,

до обидного безличные»¹. Это отмечает и Г.Б. Юдин в предисловии к указанному переводу: «Постструктуралистская теория Бурдьё (в частности, его идея «габитуса») исключает возможность того, что знание может существовать вне социальной детерминации»².

Итак, приняв концепцию габитуса и осознав его роль в осуществлении выборов, мы приходим к тому, что за его временными, ситуативными и другими пределами, когда он не действует или действует неадекватно, высвечивается другая «общая схема», или же «система общих предложений», *не детерминированная социально*, при этом тоже структура, также способная оценивать и порождать практики (действия «детей» в бунте против «отцов» ведь как-то отобраны, по каким-то иным, внегабитуальным критериям!). В отличие от габитуса, эта структура не вручена деятелю социальным окружением, а представляет собой совокупность его самых глубинных, биологически обусловленных установок, в некотором роде ядро его стратегий, проявляющееся в ситуациях отсутствия, смены, конфликта, слепоты и неадекватности габитуса. Мы предлагаем назвать этот «не-габитус» *когнатурой*, от слов «когнитивный» и «натура»³. Когнатура — это именно *негабитус*, динамическое дополнение его до меняющейся реальности, подобно дополнению подмножества до множества в математике, но ни в коем случае не «анти-габитус». Габитус — это инструмент-инструкция обращения деятеля с внешним миром, порождающий роли и практики, сформированный и одобренный социально, «от общества к человеку»; когнатура же порождает самого носителя (в том числе и буквально, физически, через деятельность нейронных сетей мозга, что было показано Д. Дэннетом), пользователя этого инструмента, осуществляющего эти практики, и актёра этих ролей, она

¹ Бурдьё П. Включенная объективация / П.Бурдьё, пер. с фр. // Социологический журнал. — 2011. — №2. — С.21-38.

² Юдин Г.Б. Объективация и объективность в эпистемологии П.Бурдьё / Г.Б.Юдин // Социологический журнал. — 2011. — №2. — С.5-20

³ Отметим ещё созвучие со словами «структура», «сигнатура» (ярлык с рецептом) и английским «signature» в значении «подпись, автограф».

формируется «изнутри человека к обществу», из самых глубин тела, личности, индивида. Таким образом, взаимодействие габитуса и когнатуры — центр рассматриваемой нами проблемы «сознание индивида и развитие общества». Что делает одна сторона, когда в кризисе другая? Общество запускает особую практику для обращения с индивидом-в-кризисе — специальные институты изгнания, социализации, наказания, изоляции. Что делает индивид, если в кризисе общество и, соответственно, габитус, этим обществом одобренный и навязанный, со всеми его практиками, становится всё менее адекватен? Индивид в этом случае также вырабатывает особую практику обращения с обществом-в-кризисе, выходя за пределы поставленного последним габитуса, подвергая его «включённой объективации» — и в этом процессе опорой ему служит именно когнатура. Можно, перефразируя Ж.Пиаже, сказать, что есть логика габитуса, предназначенная для «нормального» в смысле Т. Куна периода существования парадигмы развития общества и индивида в нём, и есть логика когнатуры, включающаяся в периоды «парадигмального сдвига», смены глобальных социальных установок, неопределённости и бифуркации (полифуркации). Габитуальное поведение — это поведение для типовых ситуаций, а проявление когнатуры всегда связано с пограничностью, маргинальностью того или иного рода: «...даваемая им (габитусом — Ц.Ж) свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного»¹. Р.В. Вишневский указывает на то, что «спрос на картины мира неоднороден во времени. В стабильном состоянии практически все слои общества адаптировались к жизни в нём. Они имеют набор картин мира и ролевых моделей, который им позволяет более или менее успешно действовать в знакомой среде. Поэтому принципиально новые идеи об ином общественном развитии не воспринимаются, ведь люди либо довольны своим положением,

¹ Бурдые П. Практический смысл / П.Бурдые; пер. с фр. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001 г. — С.107.

либо смирились с ним. Особенно важно это для высших слоев общества, в том числе власти. У власти находятся люди, которые умеют чрезвычайно эффективно действовать в рамках сложившейся ситуации. Им не нужны никакие советы и новые теории»¹. Это прямое описание габитуального поведения в ситуации, когда реальность поделена между габитусами, «покрыта» ими.

Если габитус порождает практики, то когнатура критически поверяет габитус, проявляясь в заполнении тех субъективных «зазоров», которые остаются в рамках габитуально-обусловленных практик между выборами и воспринимаемой ситуацией. Когнатура задаёт те смещения в границах порожденных габитусом практик, которые складываются в общую систему фундаментальной (не)включённости избирателя в бытие, причём не только в социальное. Поскольку даже в рамках одной практики выборы можно (или требуется) варьировать, постольку эти вариации, смещения, поправки, отклонения и будут указывать на работу когнатуры, очерчивать её контуры. Когнатура отвечает за действия на границе и за пределами габитуальной реальности; она проявляет себя понемногу, но постоянно, так как не все интеракции полностью укладываются в габитуальные ожидания, и не все практики габитуса адекватны возникающим задачам. Когнатура в типовых, не-кризисных ситуациях — это тот финальный, «отделочный» инструмент, которым дорабатывается габитуально-порождённая практика для лучшего, с точки зрения деятеля, соответствия задачам. Когнатура связана с телесностью, с физическими, физиологическими и нейробиологическими возможностями избирателя: «Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выросла человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности»². Она

¹ Цит. по Розов Н.С. Колея и перевал. макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С.26.

² Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. Сб. статей. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — С.40.

проявление и последний гарант его целостности, предохраняющая его сознание от деградации до габитуса и реальность от распада на набор габитусов, неважно, во временном разрезе (смена габитусов по мере жизни, через переломные события или по мере накопления знаний или утраты здоровья) или пространственном (когда в рамках одного индивида соперничают более одного габитуса: «друг Платона» и «ценитель истины»). Это сродни индивидуальности актёра в сценической (в нашем случае социальной) роли — текст «Гамлета» всегда один и тот же, но исполнение различается от актёра к актёру, от спектакля к спектаклю.

Габитус обусловлен общим для человеческого вида стремлением к экономии энергии мозга, социальному вознаграждению и принятию, существенным образом зависим от истории, предыстории и археологии субъекта, культурно детерминирован: «Габитус формируется работой по внушению и присвоению, необходимой для того, чтобы эти продукты коллективной истории, являющиеся также объективными структурами, смогли воспроизвестись в форме устойчивых и отрегулированных диспозиций — условий своего функционирования»¹; тогда как истоки когнатуры лежат глубже — в области задачи непосредственного биологического выживания индивида «здесь и сейчас». Ситуация «разрыва шаблона», т.е. выпадения из габитуальности, может на некоторое время выявить когнатуру деятеля, то есть иерархическую структуру, порождающую практики, во многом сводящуюся к списку фундаментальных проблем индивида и набора способов их решения. «Явление» когнатуры происходит в периоды бифуркации, неопределённости, кризиса: человек «раскрывается», «показывает свой стержень», «демонстрирует нутро» в сложных, «пограничных» (К.Ясперс) ситуациях, когда его габитус загружен и перегружен, а мир упорно продолжает оставаться «непокрытым» порождёнными им практиками.

¹ Бурдьё П. Практический смысл / П.Бурдьё; пер. с фр. — Санкт-Петербург : Алетея, 2001 г. — С.112.

Э. Тоффлер назвал такое состояние футурошоком, шоком будущего, поскольку такие ситуации всегда связаны с изменением и, с точки зрения субъекта, всегда приходят из будущего, и описал четыре основных формы адаптации к нему: полное отрицание, специализация, реверсионизм, сверхупрощение¹. Полное отрицание — это стратегия блокирования себя от непрошенной реальности, отказ от получения новой информации; отрицатель находит успокоение в таких клише, как «молодые люди всегда были бунтарями» и т.д. Специализация — это попытка идти в ногу со временем, но исключительно в узком секторе жизни, используя в нём самые последние инновации, но закрываясь от социальных, политических и других новообразований, не относящихся к его специальности; «это не моё дело», «каждый должен быть на своём месте» и т.п. Реверсионизм — это одержимость возвращением и поиском ранее успешных шаблонов адаптации, неуместных и неадекватных на данный момент; это догматически-безрассудное упорство в требовании возврата к успехам прошлого. В случае с молодёжью реверсионизм может маскироваться под революционность: в Интернете можно встретить множество сообществ, состоящих из людей, называющих себя марксистами, родноверами и прочими адептами разнообразных традиций, занятых в основном уличением друг друга в отступлении от буквы и предательстве их духа, с помощью соответствующих ссылок и цитат. Наконец, сверхупрощение — это стратегия невротического поиска простого, изящного уравнения, которое сможет объяснить весь комплекс новизны, угрожающий его поглотить. «Беспорядочно хватаясь за те или иные идеи, он временно становится истинно верующим».

Все эти способы, чревато отрицающие сложность взаимосвязей и искажённо отображающие действительность, по нашему мнению, имеют когнатурно-габитуальную природу и, по всей видимости, представляют собой вид дисфункции связи с реальностью, непроявленную или неоформленную

¹ Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2008. — 560 с. — С.391

когнатуру. Кен Уилбер в «Интегральной психологии»¹ пишет: «дети на сенсомоторной и дооперациональной стадии ещё не могут легко или полностью принимать на себя роль другого, и поэтому они *заперты в своих собственных представлениях*» (*курсив наш — Ц.Ж.*). Основной причиной «непроявления» может быть то, что постоянно включённая «на полную мощность» когнатура истощает организм², в силу отмеченной выше энергетической «дороговизны» работы мозга. Иными словами, постоянное оценивание реальности с точки зрения самых фундаментальных целей, рисков и угроз ведёт к нервному истощению.

Итак, габитус индивида, по нашим представлениям, являет собой результат длинного и сложного исторического взаимодействия когнатур, вернувшийся и вручённый индивиду через память и деятельность общества, в котором он живёт. Индивидуальные (когнатурно-обусловленные) находки, новые эффективные решения, инновации складываются в фиксированные комплексы действий, распространяемые среди группы людей; ФКД складываются в практики и роли, распространяющиеся ещё дальше; последние складываются в габитусы, порождающие и легитимизирующие новые практики. Таков путь «преобразования» когнатуры в габитус — это комплекс исторически «слежавшихся» и преобразованных, социально одобренных когнатур, «сборник готовых рецептов» на почти все случаи жизни; когнатура индивида-здесь-и-сейчас — это «пользователь габитуса», который, как правило, почти за ним не виден (как не видим мы, например, актера за его ролями). Габитус — это «линия фронта» взаимодействия человека и мира, когнатура — тайный штаб этого взаимодействия со стороны деятеля и его «резервный полк». Габитус — структура, упорядочивающая

¹ Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; пер с англ. — Москва : Издательство АСТ, 2004. — 412 с.

² По всей вероятности, «вьетнамский синдром», наблюдавшийся у американских ветеранов боевых действий во Вьетнаме, как-то связан с таким истощением. Также можно вспомнить о сложности импровизационных сценических жанров. Более отдалённая аналогия: синхронные переводчики на ответственных встречах, чья когнитивная ситуация, по оценкам специалистов, близка к пределам возможностей человеческого мозга, переводят не более чем по 15-20 минут подряд; большее время работы грозит им нервным срывом.

практики; когнатура — структура, «поправляющая» габитусы в процессе порождения им практик и воплощения этих практик в реальности. Когнатура — энергетически очень дорогой инструмент для мозга, точнее, неэффективный в силу его простоты, поэтому его и заменяет более «дешёвый» и эффективный габитус, порождающий практики, которые не требуют от деятеля настоящей оценки и выбора в более или менее типовой проблемной ситуации: «молотку всё кажется гвоздями», и в некотором количестве ситуаций молоток оказывается прав. Когнатура является частью картины мира, её ядром, порождающим основанием, она «стоит ближе» к индивиду, чем габитус¹, и предназначена для порождения и поиска практик к задачам, для которых подходящей габитуальной практики у решателя не имеется. В этих случаях когнатура участвует в последовательном и восходящем превращении выборов в фиксированные комплексы действий, далее — наборов ФКД в практику, и, наконец, во включении новых практик в габитус, то есть в его изменении. На эти переходы влияет не только когнатура, понимаемая как регулятор, но и энергия (ресурсы): выбор не сможет стать практикой, практика стать частью габитуса или вырасти в надындивидуальные структуры, если у них нет энергии на такие преобразования. Согласно принципу системной многоуровневой ресурсной ограниченности процессов на Земле, сформулированном Шмальгаузенем, характер этих процессов определяет не только наличие энергии как таковой, но и её вид и каналы поступления: как уже было сформулировано выше, таким способом «энергия ищет форму», что, пожалуй, можно считать наиболее кратким описанием всего нашего бытия.

Выводы. В данном параграфе была рассмотрена концепция габитуса (исторически обусловленного комплекса отбора и принятия решений индивида) и показано, что социальная реальность в своей динамике не распадается на габитусы, не покрывается ими полностью. Иными словами,

¹ Собственно, она является частью индивида как целостного комплекса принятия и осуществления решений.

общество, где каждый играет строго свою роль, вручённую ему историей, является не более чем утопической абстракцией и не описывает реальной динамики социального развития и жизнедеятельности общества. За системой габитусов мы видим очертания ещё одной структуры, более глубинной, более биологически обусловленной и фундированной, проявляющейся в моменты неадекватности габитуса и являющейся дополнением его до границ реальности; это то, что приближённо подразумевается под понятиями «нрав», «характер», «темперамент», «менталитет». Эту структуру мы назвали когнатурой, и выяснили, что в силу её существенно биологической природы она представляет собой сравнительно несложный инструмент по обращению с реальностью, однако в моменты кризиса габитуса именно она выходит на первый план и производит практики, отбирает решения, лучшие из которых складываются, с течением времени, в новые габитусы, формирующие новую социальную реальность, и так далее. Таким образом, взаимодействие когнатуры и габитуса является центром нашей проблемы — взаимосвязи сознания и развития общества. Выборы (действия, соотнесённые со своими последствиями), представляющие собой, по нашему предложению, атомы, кванты социальной динамики, которые деятель осуществляет в моменты кризиса и неадекватности габитуса, оказывают решающее влияние на будущее состояние общества, а значит, на его развитие, через лавинные механизмы самоорганизованной критичности, модель которых (песчаная куча) была рассмотрена в начале параграфа. Какой должна быть когнатура деятеля в этих координатах, какие выборы она должна осуществлять для эффективного управления сложностью общества; каким именно образом когнатура находит своё воплощение в социальной реальности; можно ли строить когнатуры с заранее заданными параметрами или изменять к ним имеющиеся — эти вопросы будут рассмотрены далее.

1.3. Парадигма и задачи социальной когнитивистики в развитии общества

В данном параграфе будут рассмотрены дисциплинообразующие задачи социальной когнитивистики; также мы обсудим парадигму, в рамках которой она, по нашему предположению, будет развиваться.

Рассмотренная ранее «проекция субъективного на социальное» и её растущая неравномерность, являясь данным нам в практике фактом, тенденцией и проблемным участком реальности, как любой реальный комплекс проблем, совершенно не склонна разбиваться на удобные подзадачи и разделы согласно дисциплинарному делению, например, между гуманитарными и техническими, естественными и общественными науками. Более того, суть этих проблем, как часто бывает, лежит в «ничейной зоне» между территориями конкретных наук и направлений. Наиболее передовые науки «социоцентрической» парадигмы, макросоциология и мегаистория, числят фактор сознания и решений на ультрамикроруровне¹ важным, но берут его в теоретический прицел лишь тогда, когда эти решения сложатся в масштабные феномены на более высоких уровнях; за скобками остаётся вопрос о происхождении и механизмах, критериях и причинах социального успеха индивидуальных, субъективных, микрогрупповых паттернов, и предложения по их поводу высказываются в основном нормативного характера; это осмысление последствий, а не причин. С другой стороны, «персоноцентрические» науки, такие как когнитивная наука, социальная психология, нейроэкономика, обычно «теряют фокус» сразу за пределами уровня групповых взаимодействий, ограничиваясь в лучшем случае культурно-исторической теорией, а то и просто априорными для данной

¹ Н.С.Розов приводит следующее определение уровней социальной структуры: «Традиционно к уровню *микро* относят индивидов, к *нижнему мезо* — малые группы (в том числе семьи), к *среднему мезо* — роды, кланы, организации, к *верхнему мезо* — институты, большие социальные группы и слои (страты, классы, сословия), провинции, к *макро* — общества. Каждый интерактивный ритуал, происходящий «здесь и сейчас», — это уровень *ультрамикро*». Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С. Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 735 с. С.49.

дисциплины предположениями, нечувствительно и некритически позаимствованными из социальных наук в целях удобства и подтверждения своих тезисов. Т.М. Дридзе в статье, посвященной повороту фундаментальной теории социального познания и социального действия «лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде и эволюционирующему в процессе непрерывной обратной связи с ней», пишет: «За рамки социальной науки практически выведены механизмы интерференции (взаимовлияния) индивидуальных и экосоциокультурных детерминант, предопределяющие, на мой взгляд, тот или иной исход разнообразных соприкосновений человека с окружающим его миром, с его жизненной средой»¹. Также она отмечает «упорное фокусирование внимания исследователей-теоретиков (социологов, культурологов и т.п.) на макроструктурных характеристиках общественного целого («социального организма»), элементы которого пригнаны друг к другу неизвестно кем»². Д.Г. Подвойский пишет о «дисциплинарном сектантстве» как стиле отношений в сообществе социологов и социальных философов, проявляющийся в разрыве между философским и социологическим освоением проблем социальной теории³. В целом эту ситуацию можно отобразить в виде серии неоконченных мостов, по несколько на каждом берегу реки, причём начатых в разных местах и каждый по своему плану и конструкции. Исключением представляются исследования в рамках психосемантического подхода (В.Ф. Петренко), где реализуется парадигма конструктивизма: «картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» (термин А. Н. Леонтьева) культурно-исторических (термин Л.

¹ Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. – Кн. 1. – С. 5–42.

² Там же.

³ Момджян К.Х. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х. Момджян, Д.Г.Подвойский, В.С.Кржевов, А.Ю.Антоновский, Р.Э.Бараш // Вопросы философии. — 2016. — №1. — С.17-42.

С. Выготского, А. Р. Лурии) *моделей мира*, которые создает единичный или коллективный субъект»¹ (*курсив наш — Ц.Ж.*).

Такова, в общих чертах, дисциплинарная и проблемная ситуация с пониманием неравномерности, сложности и сложностности связей между сознанием и динамикой общества: это понимание «разобрано» по научным дисциплинам и подчинено их исторически, эпистемически и организационно сложившимся презумпциям, что существенно затрудняет поиски пути действительного решения проблем. Социологизм, экономизм, биологизм и психологизм остаются «парадигмальными столпами» в гуманитарных науках, и мостики между ними слишком тонки и ненадёжны, чтобы дойти по ним до сути. Ещё в начале века С.П. Никаноров замечал: «...основная проблема современности — восстановление целостностей разных видов (целевых, ресурсных и др.) — не осознается и не имеет адекватных организационных и инструментальных решений»². С той поры некоторое осознание произошло, и холистические тенденции в познании наметились, но в отношении менеджмента как теории управления по-прежнему справедливо заключение А.В. Кезина об отсутствии единой парадигмы³, приведённое у И.Т. Касавина, который далее пишет, что оно «в ещё большей степени относится и к теории СТ (социальных технологий)»⁴.

Даже если единая парадигма недостижима, поиски её необходимы: «Идеи могут быть эскизными, недостаточно детально продуманными, даже ошибочными, но только когда они высказываются и обсуждаются, возникают возможности их исправления и замены другими, лучшими идеями»⁵. И, в конце концов, «всё, чего мы достигаем, это, по сути, <...> констатация того, в

¹ Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. — Санкт-Петербург : Изд-во Питер, 2005. — 480 с. — С.347.

² Никаноров С.П. Концептуальные методы / С.П.Никаноров. — Москва : «Концепт», 2002. — 32 с. — С.29.

³ Кезин А.В. Менеджмент: теории управления организациями / А.В.Кезин. — Москва : Гардарики, 2002. — 270 с. — С.15.

⁴ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — С.370.

⁵ Розов Н.С. Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 734 с. — С.6.

чем никто не сомневался, что избежало нашего внимания только потому, что постоянно было перед глазами»¹. Из обуславливающего актуальность настоящего исследования списка того, что у нас «постоянно перед глазами», следует, на наш взгляд, отметить опережение теории практикой в этом вопросе, причём практикой в основном зарубежной и политически ангажированной. С позиций обсуждаемой проблематики, серия цветных переворотов (удавшихся и неудавшихся) в странах Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и бывшего Советского Союза, проведённых по достаточно типовой схеме, имеет определённые парадигмальные сходства с масштабной президентской кампанией Клинтон-Трампа в США, где, по данным открытых источников, столкнулись и были применены все самые мощные и передовые наработки управления массовым сознанием и действием². События в американском Шарлотсвилле³, во многих деталях схожие с событиями на Украине и других странах, подтверждают не только гипотезу о сходстве, но требуют и размышлений о том, кто и как именно может быть застрахован от подобных сценариев. По некоторым оценкам, победа Дональда Трампа стала возможной благодаря (в том числе) тому, что в его команде нашлись люди, глубже изучившие практический вопрос соотнесённости содержания сознания, т.е. симпатии конкретному кандидату, и «физического», социально и политически значимого действия — похода на митинг, в избирательный участок, публичного изъявления поддержки, внутрипартийного голосования, тем самым сведя на нет подавляющее преимущество Хиллари Клинтон в СМИ⁴. В этом свете отсутствие или неразвитость отечественной научной

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (Часть I). Москва : Гнозис, 1994. — 612 с. — С.209.

² См., например, «Clinton vs. Trump? No, It's the Media vs. America». — Режим доступа: <https://www.thenewamerican.com/usnews/politics/item/23800-clinton-vs-trump-no-it-s-the-media-vs-america> (Дата обращения: 08.02.2016).

³ «Шарлотсвилл в осаде: столкновения на почве расизма всколыхнули всю Америку». [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2920549> свободный (Дата обращения 17.08.2017).

⁴ Расследование Das Magazin: как Big Data и пара учёных обеспечили победу Трампу и Brexit (перевод с англ.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://theins.ru/politika/38490> свободный (Дата обращения: 06.02.2016).

дисциплины, изучающей данные явления настоящим, в первую очередь теоретическим образом¹, представляет собой, на наш взгляд, не только угрозу суверенитету Российской Федерации (информационному, культурному, научному), но в первую очередь закрывает конструктивную и перспективную часть спектра возможностей и траекторий развития страны².

В целом, можно говорить о растущей неустойчивости, как человеческой истории, так и научных дисциплин, её изучающих; неустойчивости, обусловленной противоречивыми процессами в динамике различных видов связности, ведущими к экономическому, социальному и другим видам расслоения «поперёк» надындивидуальных целостностей индустриальной эпохи человечества.

Этими двумя неустойчивостями проблемные предпосылки необходимости управления сложностью (и науки о ней) не исчерпываются. Пересмотр донаучных и научных картин мира, равно как и «расслоение человечества новым способом», нередко сопровождающееся исчезновением цивилизаций, народов, этносов, племён, уже неоднократно происходили в истории и не представляли бы особого теоретического интереса, если бы у нас был бесконечный источник энергии, ресурсов и собственно населения. В этих идеальных условиях, действительно, наиболее эффективной стратегией была бы «чистая» конкуренция и борьба за ресурсы, в которой побеждал бы наиболее приспособленный, время от времени сменяемый другим, ещё более приспособленным, и так далее. Реальная ситуация имеет очень мало общего с этой социал-дарвинистской утопией: если Солнце, по расчётам астрофизиков,

¹ Среди немногочисленных отечественных публикаций отметим монографию В.Е.Лепского: Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике) / В.Е.Лепский. — Москва : Когито-Центр, 2016. — 160 с.

² Ср. с рассуждением Н.С.Розова в «Колее и перевале»: «Уныние следует считать смертным грехом не потому, что так написано в священной книге, и не потому, что унывающий не верует или мало верует в грядущее царствие божие, а потому что он своим унынием и бездействием закрывает множество возможностей, исходящих от его талантов и сил, не дает им встретиться с другими возможностями, никак не препятствует естественному энтропийному распаду, ведущему к мерзости запустения, проживает свою единственную жизнь зазря». Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. / Н.С. Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 735 с. — С.547.

ещё просуществует в нынешнем или близком к нему состоянии несколько миллиардов лет (т.е. энергия планете гарантирована), то с населением и ресурсами, как восполняемыми, так и невосполняемыми, ситуация уже далеко не так однозначна.

Один из последних по времени аналитических обзоров глобальных угроз человечеству дан в исследовании¹ Института будущего человечества Оксфордского университета (Future of Humanity Institute, University of Oxford), которым руководит известный футуролог Ник Бостром. «Тремя наиболее вероятными причинами грядущего апокалипсиса являются пандемии, экстремальные изменения климата и ядерная война», сообщают СМИ со ссылкой на это исследование². Пандемия, вызванная, например, одним из видов супербактерий³, способна основательно проредить население Земли; ловушки бедности, сопряжённые с экологической деградацией среды, имеют далеко идущие последствия в качестве человеческого материала⁴; роботизация промышленности и автоматизация управления выкидывает на улицу тысячи, а в перспективе миллионы людей. Техногенные катастрофы, произошедшие по причине человеческого фактора, с большой вероятностью могут быть признаком неадекватной образовательной и трудовой политики, построенной на принципах уходящего технологического уклада, а они, в свою очередь, несомненно, станут источником новых кризисов и катастроф. Страны Европы задумались о т.н. «безусловном основном доходе» (БОД)⁵, а в

¹ Existential Risk. Diplomacy and Governance [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.fhi.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Existential-Risks-2017-01-23.pdf> -- свободный (дата обращения 07.02.2017).

² Ученые Оксфордского университета назвали основные угрозы человечеству [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://regnum.ru/news/innovatio/2234981.html> -- свободный (дата обращения 07.02.2017).

³ Сообщение Центра контроля и профилактики заболеваний США об устойчивой ко всем доступным антибиотикам бактерии: Notes from the Field: Pan-Resistant New Delhi Metallo-Beta-Lactamase-Producing *Klebsiella pneumoniae* — Washoe County, Nevada, 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.cdc.gov/mmwr/volumes/66/wr/mm6601a7.htm?s_cid=mm6601a7_w — (Дата обращения: 07.02.2016).

⁴ Bonds, M.H., D.C. Keenan, P. Rohani, and J. D. Sachs. Poverty trap formed by the ecology of infectious diseases. — Proceedings of the Royal Society of London, Series B, 2010. — 277:1185-1192.

⁵ В ЕС задумались о выплате безусловного базового дохода всем европейцам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2017/01/15/jobless/> — (Дата обращения: 07.02.2017).

Финляндии с января 2017 года уже идёт эксперимент по его внедрению¹; дискуссия вокруг БОД показывает, что он также имеет далеко идущие и далеко не всегда осознаваемые последствия², а вопрос о том, признаком каких тенденций в обществе он является, даже не ставится. Эти и другие угрозы нуждаются в едином, цельном осмыслении именно в силу их разнохарактерности, взаимосвязанности и повышенного риска осуществления; выглядящий мирным принцип «пусть расцветают сто цветов» или «живи и давай жить другим», позволяющий всем способам организации человеческой жизни сосуществовать в их исторически сложившемся виде, также неприменим до тех пор, пока человечество не найдёт источника энергии и жизненных пространств за пределами Земли: ситуация, когда одна часть человечества потребляет ресурсов в десятки раз больше, чем другая, и во столько же раз сильнее загрязняет природу³, в условиях единой планеты и, следовательно, ограниченных ресурсов, — не имеет ни экономического, ни морального основания.

Человечество либо научится «жить по средствам», при этом, как самый развитый вид, возьмёт на себя ответственность за планету и её будущее, либо, истощив высококачественные ресурсы в судорожных поисках выхода из текущего кризиса, практически сразу же попадёт в новый кризис, в следующую область турбулентности и полифуркации, скорее всего, ещё более чреватую нежелательными последствиями — об этом нас предупреждают авторы знаменитых «Пределов роста», десять лет назад выпустившие уже третье по счёту её продолжение «Пределы роста. 30 лет спустя»⁴. Требуется осознать, что весь спектр возможных стратегических вариантов развития

¹ Финляндия начала эксперимент по выплате гражданам денег просто так [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://news.mail.ru/economics/28327540/> — (Дата обращения: 07.02.2017).

² Basically flawed [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.economist.com/news/leaders/21699907-proponents-basic-income-underestimate-how-disruptive-it-would-be-basically-flawed> -- (Дата обращения: 07.02.2017).

³ Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. — 2009. — № 2(4). — С. 149–159.

⁴ Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Денис Медоуз, пер. с англ. — Москва : «Академкнига», 2007. — 342 с.

человечества неохватен для прямого, непосредственного перебора, «перепробования» (экономически, этически, интеллектуально), поэтому человечеству придётся научиться оценивать и выбирать направления своего развития, обоснованно *отказываясь* от чего-то; к этому решению нас приводит не только задача выживания людей и человечества как вида, но и задача сохранения и развития всей биосферы на планете.

Все эти проблемы, дискурсы и озадаченности формируют общий контекст, парадигму науки об управлении сложностью, которую мы предварительно назвали *социальной когнитивистикой*. Фокус на социальной сложности не случаен: без соответствующего социального фундамента невозможно развитие наук о природе, а значит, и сложности наших знаний и действий в целом — и именно по результатам последних мы судим о «сложности вообще». Как показано в обсуждении ранее, основой нашей жизни как «присутствия в этом мире» удобно назначить решение, *выбор*: в какой точке пространства, в какой момент и в каком состоянии мы будем находиться. Осуществление выбора с учетом проблемы выживания — достаточно затратная процедура, требующая мозговых и других ресурсов, поэтому выборы складываются в фиксированные комплексы действий, складывающиеся, в свою очередь, в практики, которые, опять же в свою очередь, складываются в габитусы. «Складывания» происходят в соответствии с базовой моделью («лавины»): подобно тому, как песчинки в какой-то момент образуют лавину, выборы эмерджентно «обрушиваются» в ФКД, ФКД — в практики, а практики — в габитусы. В нормальном (в смысле Т.Куна) состоянии социального бытия реальность практически полностью поделена между габитусами, покрыта ими; но, осваивая и накапливая всё больше энергии и ресурсов, габитусы также неизбежно приближают своё «обрушение». Стоит заметить, что само осуществление выбора, связанное с процессами в мозгу, тоже представляет собой «лавинный», самоорганизованно-критический процесс; этот вывод можно сделать из

сопоставления модели П. Бака и модели множественных набросков Д. Дэннетта¹, наиболее материалистическую из ныне имеющих теорий сознания: кратко, выбор представляет собой эмерджентный результат взаимодействия множественных нейронных набросков реальности. Это должно, пусть и косвенно, укрепить нас в мысли, что мы находимся на верном пути: масштабно-инвариантное самоподобие, описанное Б. Мандельбротом во «Фрактальной геометрии природы», общепризнано является атрибутом реальных процессов.

Критерием для сравнения одного выбора с другим может служить *качество* выбора, под которым понимается какое-либо измерение совокупности его последствий. Так, результат выбора «раскрывать зонт — не раскрывать зонт» может быть измерен обратно пропорционально количеству влаги в одежде по приходу домой; в этом случае качество выбора «раскрыть зонт» будет, очевидно, выше. Рассматривая пространство всех реально проведенных измерений какого-либо набора выборов (имеющих, разумеется, свои критерии по типу меры Лебега или колмогоровской сложности в математике), можно прийти к распределению этого набора по качеству, например, по модулю и знаку оценки последствий каждого из них². Тогда, если единицей, квантом нашего бытия мы назначили *выбор*, то *качество* каждого из них напрямую зависит от структуры репрезентации проблемной ситуации³ (В.Ф. Спиридонов), *картины мира* избирателя (т.е. картины ситуации, её окрестности и в целом реальности), точнее, от адекватности этой картины, её соответствия реальности и соотнесённости с задачами избирателя, которые, в конечном счёте, сводятся к биологическому

¹ См. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д.Деннетт и его теория сознания / Д.Б.Волков. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2012. — 320 с.

² Ясно, что как только будет введено или осуществлено новое измерение совокупности последствий того же набора выборов, то, поскольку изменится пространство измерений (добавится ещё одно), поменяется и распределение этих выборов по их качеству. Таким образом, ключевыми вопросами становятся обоснованность, легитимность, непротиворечивость, (не)полнота, адекватность систем измерения последствий.

³ Спиридонов В.Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем: Учебное пособие / В.Ф. Спиридонов. — Москва : Генезис, 2006. — 232 с.

выживанию. Качество выбора, таким образом, во многом зависит от субъекта: «Мера сложности становится зависимой от степени знания и понимания того, кто воспринимает тот или иной феномен как «сложный» и пытается его как-то измерить или хотя бы качественно оценить»¹. Картина мира, в свою очередь, является продуктом познания (индивидуального и социального), его постоянно обновляющимся результатом.

Взаимодействие габитусов и связанных с ними картин мира, «конфликт интерпретаций» (П. Рикёр), по своей природе требует «арбитра», некоей внешней по отношению к габитуальной реальности среды. Этим арбитром является, по нашей мысли, когнатура, определённая как дополнение габитуса до границ реальности, социальной в первую очередь. В самом деле, габитус никогда не даёт сколько-нибудь полного ответа на вызов: в силу его изначально оптимизационной, экономящей ресурсы природы «невидимая» для габитуса часть вызова остаётся без ответа; эту неохваченность в какой-то степени компенсирует когнатура, с которой также связаны картины мира, только более низкого, более «глубинного уровня категоризации» (В.Ф. Петренко). Так, простые и фундаментальные решения и выборы отдельных людей, рассматриваемые в масштабах социальных агрегатов, сообществ и общества, образуют весьма характерные наблюдаемые паттерны, которые калининградский исследователь Р. Уфимцев называет когнитивными фракталами². В количественном смысле они характеризуются степенными распределениями (длинный «хвост» на графике), в качественном — имеют характер самоорганизованно-критических (лавинных, эмерджентных, «песчаных») процессов, в структурном плане обладают свойствами

¹ Аршинов В.Я., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В.Я. Аршинов, Я.И. Свирский // Философия науки и техники. — 2015. — Т.20. — №2. — С.70-84.

² Уфимцев Р. Прологи [Электронный ресурс]. — Режим доступа http://cognitivist.ru/er/kernel/prologi_17_cognitive_fractals.xml свободный. — (Дата обращения : 06.02.2016). Также на сайте можно обнаружить весьма познавательные примеры когнитивных фракталов, содержащих элемент выбора, т.е. действия, соотносённого со своим последствиями: графики распределения населения городов, длины дорожных сетей, частоты пробок, богатства населения и т.д. Обзор работ по масштабной инвариантности городов см.: Евин И.А. и др. Масштабная инвариантность городов // Сложные системы. — 2015. — №4(17). — С.4-17.

рекурсивности, самоподобия, фрактальности. Часть этих и более сложных решений, сочетаясь между собой, способствуют достижению нового далёкого от равновесия состояния, одновременного и более сложного, и более адекватного воспринимаемой и творимой реальности; другая часть препятствует этому состоянию, третья не оказывает на него прямого влияния. Таким образом, интуитивно полагая ясным, что габитуальные и когнатурные картины мира необходимым, а зачастую решающим, критическим образом влияют на усложнение общества, обуславливают его «этос» и «хозяйственное мышление» (М. Вебер), определяя направление этого усложнения и ограничивая совокупность вариантов его реализации, мы можем сформулировать основную задачу социальной когнитивистики: *раскрытие природы, сущности и механизмов связи между, с одной стороны, изменением социальной реальности и, через решения и осуществляемые выборы людей, их картинами мира, с другой.*

Схема 1

(Социальное развитие) ↔ (Решения и выборы) ↔ (Картина мира)

В этой задаче можно выделить две взаимно обратные подзадачи. Первая заключается в выяснении того, каким именно образом картины мира (как когнатурные, так и габитуальные) и в целом содержание и структуры сознания проявляются в социальной, экономической и политической динамике, влияют на неё, формируют и обуславливают её; вторая ставит вопрос о том, какая картина или картины мира нужны или, наоборот, противопоказаны для гипотетического целевого состояния изучаемого общества. Первая подзадача подчинена второй: понимая, как картины мира проявляют себя в социальном и историческом времени, требуется по

желаемому состоянию «здания» общества определить и свойства его «кирпичиков», и набор «инструментов», потребный для его постройки, и параметры субъекта строительства.

Актуальность этих задач обусловлена и растущей субъективностью истории, и принципиальной ограниченностью ресурсов планеты, что отмечалось нами ранее: на непосредственное выявление лучшего варианта развития, т.е., по сути, с помощью разного вида конфликтов, уже во вполне обозримом будущем просто не хватит энергии и ресурсов Земли. При этом никакой гарантии того, что победивший вариант развития будет означать меньшее количество рисков для выживания человечества, собственно война и, шире, конкуренция как формы взаимодействия не дают; косвенное проявление осознания этого интегрального ограничения среди управленческой прослойки мы усматриваем в распространяющейся практике т.н. «гибридных войн», «миротворческих операций», «невидимого участия», представляющих собой своего рода «пробные», задрапированные и замаскированные, при этом вполне военные конфликты, пусть и принципиально ограниченные и локализованные; а также в переносе центра тяжести противостояний в информационную, виртуальную, культурную, когнитивную сферы, где они потребляют на порядки меньше материальных ресурсов.

Дискурс осуществления выбора, или принятия решений, находится в тесной связи с тем, что Э. Гидденс назвал «мышлением в терминах риска»¹: постоянная оценка рисков и последствий выбора — это именно то «царство необходимости», в которое человечество возвращает (если не сказать «принуждает к нему») его путь усложнения ради выживания, путь «удаления

¹ Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / Под ред. Ю. А. Кимелева. — Серия «Социология». — Москва: ИНИОН РАН, 1995. — С.105.

от естества»¹. И.А. Жерносенко и Л.Г. Сандакова отмечают: «Мысль человека — это мощный инструмент преобразования не только социума и биосферы, но важный и существенный фактор космогенеза. И только от выбора человека зависит: станет ли этот инструмент орудием процветания планеты, или орудием ее уничтожения»². Все эти проблемные презумпции образуют своего рода «систему необходимостей», и, начинаясь с задачи элементарного выживания, восходят к требованию высших форм интеллектуальной деятельности, что проиллюстрировано на следующей схеме.

Схема 2

Выживание → выявление и оценка рисков → снижение рисков через улучшение качества выборов → повышение адекватности картины мира → повышение эффективности познания (наука, технология) → деятельность по поиску и указанию на сложности (философия, искусство) → выявление и оценка рисков

Видим, что схема частично замкнута, причем не случайно именно в точке выявления и оценки рисков: именно здесь, в области превращения объективных рисков в проблемы и вызовы, и находится ядро, мотор развития. Членение в схеме, разумеется, не только весьма условно, но и не отражает всей глубины ситуации: познание как важнейшая часть языковой деятельности, которая, в свою очередь, представляет собой «определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической

¹ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А.П. Назаретян. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. — 437 с. — С.270.

² Жерносенко И.А., Сандакова Л.Г. Концептуальные основания становления современной модели социального развития / И.А. Жерносенко, Л.Г. Сандакова // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. — Улан-Удэ, 27-29 июня 2017 г. — С.150-154.

функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею»¹, усложняет не только человека и его сознание, но *саму реальность*; это те самые «объяснения, которые меняют мир»². Условившись поднимать под *деятельностью* связную совокупность выборов и разделив её на опять же более или менее условные, хоть и знакомые, категории «управление», «философия», «искусство», «наука», «технологии», «обыденная деятельность», с учётом основной цели выборов и деятельности (снижение рисков) получаем третью схему.

Схема 3

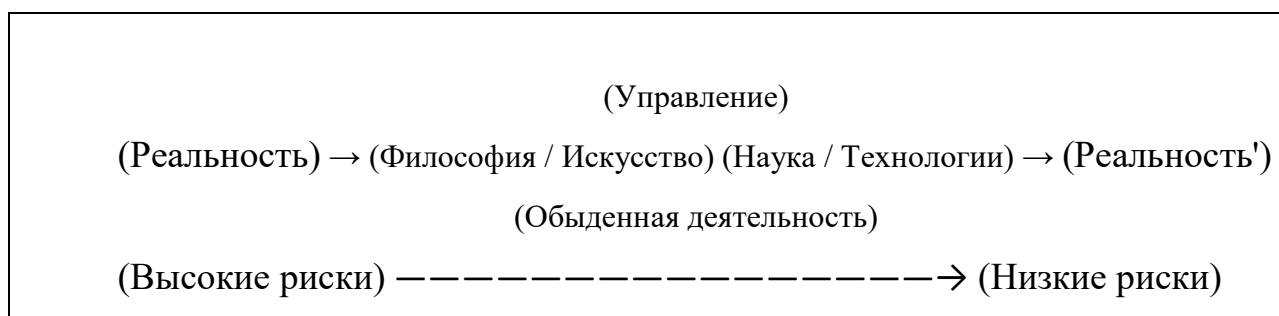

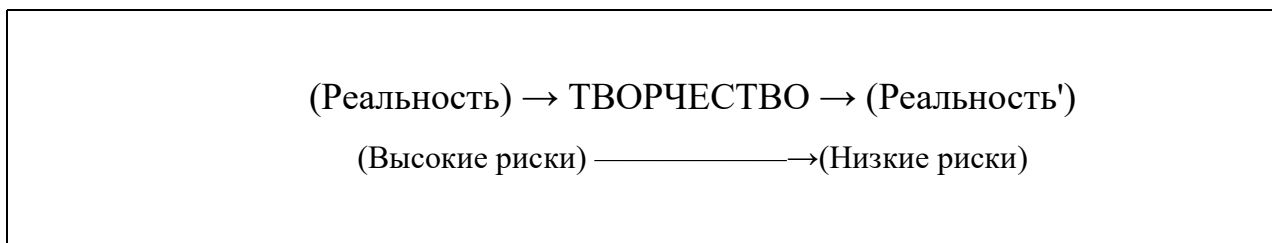
Схема 3 читается следующим образом: философия и искусство, выявляя сложности реальности для науки и технологий, и вместе с ними взаимодействуя с обыденной деятельностью и структурами управления, преобразуют Реальность в Реальность-штрих с целью снижения оценочных рисков для выживания человечества. Есть основания полагать, что в будущем границы между философией, искусством, управлением, наукой, технологией, обыденным знанием и другими, не столь важными сейчас, областями (например, игровой деятельностью) сотрут, исчезнут; неизменным в силу необходимости усложнения, «удаления от естества» останется только

¹ Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А.В. Кравченко. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с. — С.227. Обратим внимание на то, что под такое описание, с небольшими поправками, попадает не только языковая деятельность — т.е. определение Кравченко скалируемо.

² Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч, пер. с англ. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. — 581 с. См. также Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма / С.Цоколов. — Мюнхен, 2000. — 334 с.

творческий, преобразующий, «вынужденно конструктивный» характер человеческой деятельности. Следуя классическому образцу К. Маркса, можно составить четвертую схему:

Схема 4

Таково наше завтра, черты которого настойчиво проступают уже в дне сегодняшнем: в своём «беге от равновесия» мы обречены постоянно *творить* новую сложность, новую реальность и, следует сказать, достигли в этом деле немалых и успехов, и «успехов»; отказ же от творчества означает утрату контроля и рост рисков. Эта «обреченность на усложнение», постоянная необходимость создания новой реальности, вполне в кантовском духе накладываемая на непостижимый, хаосомный «внешний» мир (или вынимаемой из него), может быть проиллюстрирована знаменитой цитатой из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла: «Здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!».

Выводы. Подведём итоги первой главы. Глобальная задача, стоящая перед человечеством и биосферой — выживание, включающая в себя изменения сложности в поисках состояния, далёкого от теплового равновесия. Динамика сложности ограничена ресурсами планеты и энергией, получаемой от Солнца. Случайный, «естественный», непосредственный и бесконтрольный переборы вариантов усложнения/упрощения в поисках более или менее устойчивого состояния всё хуже совместимы и с выживанием человека, и с сохранением нынешнего уровня сложности биосферы, и с объёмом доступных

ресурсов. Выход из этой ситуации — управляемое развитие; оно подразумевает управление сложностью, в первую очередь когнитивной сложностью (познанием), во вторую — социальной, поскольку когнатура управляет габитусами, габитусы социальной реальностью, а социальная реальность создаёт среду и условия для реальности физической, также управляя процессами её открытия, преобразования и созидания. Все эти проблемные основания и базовые понятия необходимы, на наш взгляд, для понимания взаимодействия между сознанием и развитием общества. Характер взаимодействия, проявленности когнитивного в социальном, является ядром, матрицей всего процесса управления сложностью — таков гуманитарный принцип социальной когнитивистики; «мерой всех вещей» станет не просто человек, а человек познающий, явленный и взаимодействующий — в обществе, в природе. Можно усилить это утверждение следующим образом: *не сам по себе человек является мерой и ядром процесса развития, а лишь его взаимодействие с ближайшим (актуальным) окружением.* Для изучения этого взаимодействия был определён его «квант» — **выбор**, под которым понимается действие, соотнесённое со своими последствиями; выборы, при увеличении количества и масштабов, через лавинные механизмы самоорганизованной критичности преобразуются в регулярности и феномены следующего уровня: ввиду биологической необходимости сокращения дорогостоящей работы мозга, они «складываются» в фиксированные комплексы действий (ФКД), практики (П. Бурдьё), роли (Р. Мёртон), регулярности (Э. Гидденс), ритуалы (Н.С. Розов). Совокупность практик организовывается в структуру ещё более высокого уровня — **габитус**, исторически сложившуюся систему структурирующих диспозиций, которая, будучи утверждённой социально, уже сама производит практики и регулирует выбор в широком спектре проблемных ситуаций. Взаимодействие габитусов время от времени претерпевает кризисы лавинного характера, в моменты которых является и проявляется одновременно и более глубинная, и

одновременно более высокая упорядочивающая и организующая структура, названная нами **когнатурой**. Все переходы по уровням (складывания выборов в практику, а практик в габитус) имеют в значительной степени самоорганизованно-критический (лавинный, эмерджентный) характер. Социальная среда в стабильном периоде практически полностью покрывается взаимодействующими габитусами деятелей, поделена между «стратами», «классами», «профессиями», «ролями»; в период кризиса, порождённого в том числе и этим взаимодействием, часть проблемных ситуаций не могут быть разрешены в рамках габитуальной деятельности, практики утрачивают адекватность, и на первый план выходит когнатура — другая, не социально, а в большей степени биологически и нейробиологически обусловленная система диспозиций более высокого и одновременно фундаментального уровня, также порождающая практики и решения. Когнатура и габитус являются эмерджентными по отношению друг к другу феноменами; когнатура не порождается кризисной ситуацией, а проявляется ею, так же как и габитус «являет» себя после многочисленных «складываний» успешных практик; в стабильном периоде когнатура лишь вносит небольшие поправки в роли, выборы и решения, порождённые габитусом, и представляет собой «печать личности», «индивидуальный почерк» исполнения габитуальных практик. Критерий «выхода» когнатуры в план действия — субъективно-оценочная степень неадекватности габитусов участку социальной реальности, окружающей деятеля. Адекватность выбора, решения, практики, габитуса, понимается как оценка разницы между ожидаемыми последствиями и фактическими, актуальными; адекватность субъективна, зависит от знания будущего, картины мира деятеля и ресурсно-энергетической структуры проблемной ситуации. Осуществление выборов, решений, практик позволяет говорить о постоянном производстве сложности, включающем в себя в качестве ядра производство картины мира и проблемной карты мира, а также собственно решение проблем, связанное с преобразованием реальности; этим

вопросам посвящена следующая глава. Широким контекстом, парадигмой социальной когнитивистики является необходимость снижения глобальных рисков в доступных энергетических границах при «поисковом», творческом преобразовании реальности, т.е. управляемом изменении её сложности.

ГЛАВА 2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СЛОЖНОСТЬЮ СЛОЖНОСТИ: ОТ ЕЁ ПРОИЗВОДСТВА К УПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Во второй главе изложена концепция взаимодействия между сознанием и процессами изменения общества, опирающаяся на понятия выбора, габитуса и когнатуры; а также на понятия лавинных (самоорганизованно-критических) явлений, энергоресурсной ограниченности, производства сложности. Ядром его является взаимодействие габитуса и когнатуры, отражённое в выборах, решениях, практиках, ритуалах деятелей. Когнатура, являясь «дополнением габитуса до реальности», также как и габитус, представляет собой ресурсно и инструментально обусловленный способ последовательного превращения совокупности всей входящей информации в новую сложность, новую реальность: на первом уровне информация проходит через биологические механизмы (зрение, зрительная кора), становясь совокупностью воспринятых сигналов, на втором — через когнитивные (деятель членит воспринятую картину на знакомые ему предметы), превращаясь в актуальную картину мира деятеля. На третьем этапе актуальная картина мира при участии габитуса и когнатуры преобразуется в проблемную карту мира; проблемы, представляющие собой «вход в реальность», дают и необходимость, и возможность активного её преобразования, или производства сложности. Таким образом, ключевой момент в производстве и управлении сложностью — это формирование и совершенствование проблемной карты мира вкупе с основными инструментами решения, которые происходят в процессе взаимодействия габитуса и когнатуры, или, обобщая, — социального и когнитивного.

2.1. Производство сложностной картины мира и проблемной карты мира как результат образования

Говоря о социальной сложности, взятой в конкретный момент времени, можно отметить, что она существенным образом инициирована, сформирована иерархией проблем, принятой социальным субъектом в разные периоды своего существования, порождена ей, т.е. является исторической совокупностью тойнбианских Ответов на Вызовы истории, среды или ситуации. В самом деле, какая-либо социальная структура, понимаемая как определённый тип «глубинной регулярности во взаимоотношениях и поведении людей»¹, своим появлением обязана конкретной и весьма насущной на тот момент проблеме или конкретному комплексу проблем, решение которых, собственно, её и сформировало. Так, в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной по материалам книги Льюиса Моргана «Древнее общество», образование устойчивых форм семьи связывается с повышением выживаемости групп людей, т.е. семью как институт можно понимать как ответ на принятый вызов среды. Направление развития общества, динамика его сложности, сопряжённой с двумя реальностями (физической и воспринимаемой), таким образом, существенно задаётся иерархией проблем, стоящих перед ним, а характер этого усложнения решающим образом зависит от избранного способа их решения. Следовательно, задача развития общества, пусть даже поставленная в таком общем, приблизительном виде, с необходимостью подразумевает задачи выявления и постановки проблем, выстраивания их иерархии, а также поиска адекватного их решения. Иными словами, эти задачи представляют собой «ядро» проблемы социального развития, причём ядро это — когнитивное: выявление, формулировка, упорядочивание и решение проблем представляют собой в первую очередь когнитивные процессы, происходящие в индивидуальном и общественном

¹ Гидденс Э. Социология / Э.Гидденс; пер. с англ. — Москва : Эдиториал-УРСС, 1999. — 704 с. — С.28.

сознании. Без решения этих задач, без подлинного освоения этих процессов трудно ожидать какого-либо управляемого роста адекватной сложности общества, т.е. социального развития. К. Поппер в рецензии на книгу Э. Грасси и Т. фон Экскюля пишет, что «...только познание человека и его «природы» — его творчества — может излечить болезни нашего времени»¹. А.М. Коршунов и В.В. Мантатов указывают: «Истинное знание даёт принципы подхода к реальности, т.е. приобретает методологическое значение»². Английский физик и философ Д. Дойч говорит о характерной для статичных сообществ неспособности быстро создавать знания, которая рано или поздно превращает какую-либо проблему в катастрофу³. Согласившись с этими тезисами, мы продвинемся еще дальше в избранном направлении, следуя мысли французского философа П. Рикера, специалиста по феноменологической герменевтике: «...понимание является уже не способом познания, но способом бытия, бытия такого сущего, которое существует, понимая»⁴. Декартово «*cogito ergo sum*» — «я мыслю, следовательно, я существую», на рубеже XX и XXI веков заменяется на «я понимаю, следовательно, я существую». Л.Г. Сандакова, рассуждая о перспективах человеческой цивилизации и их связях с образованием, отмечает: «Понимание и рефлексия как особые методы идеализации и схематизации становятся теми средствами, которые приходят на смену атрибутивному знанию и средствам его построения»⁵. Ещё лаконичнее выражаются В.В. Иванов и Г.Г.

¹ Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / Карл Р. Поппер, пер. с англ. — Москва : АСТ МОСКВА, 2008. — 638 с. — С.622.

² Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. — Москва : Изд-во Политиздат, 1988. — 383 с. — Над чем работают, о чём спорят философы. — С.104.

³ Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч, пер. с англ. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. — 581 с. — С.556.

⁴ Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С.Вдовиной. — Москва : Академический проект, 2008. — С.44.

⁵ Сандакова Л.Г. Становление и развитие личности в образовательном пространстве современного общества / Л.Г.Сандакова // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвящённой памяти проф. В.А.Балханова. — Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.145-155.

Малинецкий: «Путь в будущее связан с пониманием»¹. Познание и его процесс, понимание, организация, озадаченности и результаты, становятся всё более значимыми факторами общественного развития, также представляющего собой, по нашей гипотезе, самоорганизованно-критическое взаимодействие связанных, аттракторных совокупностей осуществленных решателей выборов и их последствий.

Итак, понимание, толкуемое нами как более или менее адекватно отражающий реальность список проблем, подлежащих решению, является основанием для наших выборов. Но, как было показано выше, наши выборы определяются габитусом и когнатурой; отсюда с необходимостью вытекает то, что и габитус, и когнатура «внешне» представляют собой именно список основных проблем деятеля (носителя габитуса или когнатуры), подлежащих решению. Габитус — более сложный и эффективный список проблем со способами их решения, но периодически терпящий крах в силу неосознанности и непонимания границ его применения; когнатура — более универсальный список, но гораздо менее сложный и более энергозатратный. Здесь подходит сравнение с электродрелью и ручным сверлом; электрический инструмент будет неадекватен задачам в условиях отсутствия электричества, при этом ручное сверло требует значительно больше энергии индивида при использовании. Таким образом, есть положительные и отрицательные моменты в применении каждой структуры.

В свете этого обсуждения становится особенно выпуклой роль когнатуры в процессе развития общества: поскольку габитус, собственно, этим обществом и обусловлен («вручен» обществом деятелю), практики, им порождённые и организованные, всё менее будут соответствовать изменяющимся условиям, чьи изменения вызваны, опять же, работой сложившейся системы габитусов. Как было замечено выше, что в

¹ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука / В.В.Иванов, Г.Г.Малинецкий. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 304 с. — С.11.

определённом, телеологическом смысле *когнатура является следующим, надгабитуальным этажом антропосоциальной реальности*, эмерджентным по отношению к ней феноменом; точно так же, как песчаная лавина в модели П. Бака «присутствует» в накапливаемых в куче песчинках, когнатура «присутствует» и «вызревает» во взаимодействии габитусов, чтобы в момент кризиса, когда реальность не покрывается габитусами (старым опытом), выйти на первый план, стать явленной. «Так, при сильной эмоции, аффекте уменьшается размерность семантического пространства и субъект как бы переходит на более глубинные уровни категоризации — от опоры на денотативные признаки к более коннотативным¹. В пространствах меньшей размерности легче устанавливать связи между объектами, какими-то реалиями, которые на поверхностном уровне принадлежат к совсем различным семантическим понятийным классам, а на глубинном уровне они имеют сходную коннотацию и фактически выступают как коннотативные синонимы или антонимы. Мир становится менее дифференцированным, но зато более компактным — всё со всем взаимосвязано»². Но это не означает потерю «сложности» и «сложностности». Можно говорить об «обрушении» габитуса в когнатуру, которая в периоды кризиса выходит на передний план, и именно те практики, которым она дает начало, так или иначе определяют очертания будущего: «если в ситуации стабильного развития общественный запрос на новые концепции невелик, то в ситуации кризиса он лавинообразно возрастает. Но этот запрос обращен на позитивные картины мира. Людям нужна не столько критика прошлого, сколько желательные и реалистичные модели будущего. А с этим наблюдается дефицит. В результате в ход идет

¹ Значение денотативное (от лат. de-noto - обозначаю) - англ. signification, denotative; нем. Bedeutung, denotative. Содержание, сообщаемое через название (связанное с обозначающей стороной языкового знака); всегда одинаковое для всех, пользующихся данным словом. Значение коннотативное (от лат. con - вместе и noto - отмечаю, обозначаю) - англ. signification, connotative; нем. Bedeutung, konnotative. Совокупность атрибутов, характеристик, оценок, чувств, субъективных представлений, связанная с данным словом. — Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-199.htm#zag-1091> (Дата обращения : 2018-01-08).

² Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — С.73.

любая, возможно, примитивная и плохо проработанная, но на первый взгляд кажущаяся убедительной концепция. Ее внедрение, столкновения и противоречия с практикой жизни и реакция власти на эти столкновения и противоречия создают основу для новой общественно-политической реальности на годы и десятилетия вперед»¹ (Р.В. Вишневский). Кризис ограничивает деятеля во времени и ресурсах, следовательно, деятель не сможет решать все проблемы одновременно — это вновь означает и ограниченность списка главных проблем, и необходимость выстраивания их в иерархию (по приоритетам) и ограниченность инструментария, количества подходов к их решению. Таким образом, сравнительная несложность когнатуры — глубинного уровня категоризации, по В.Ф. Петренко, — поддерживается и «изнутри» (мозгом), и «снаружи» (кризисной ситуацией).

По Р. Коллинзу, носители когнатур определённого вида образуют интеллектуальные сети или, в терминах А.В. Олескина, интеллектуально-деятельностные сети (хирамы), которые, при определённых условиях, становятся управляющими субъектами в данном обществе, модифицируя и перестраивая набор его габитусов. Отметим здесь определенное сходство с пониманием общества Коллективного Разума Н.Н. Моисеева и сетевого общества М. Кастельса. Роль картины мира, формируемой в процессе образования, в развитии общества и культуры переоценить просто невозможно: «...теоретические конструкции, предложенные мыслителем или ученым, будучи присвоенными культурой, общественным сознанием, становятся теми рельсами, по которым движется история. Конечно, это не одноколейка, ибо культура впитывает в себя идеи многих мыслителей, ученых, творцов искусства; есть множество ветвлений, развилок, и каждая страна, этническая культура имеет свои исходные пункты движения; пути сходятся и расходятся, выстраиваются новые, но важно еще раз подчеркнуть,

¹ Цит. по Розов Н.С. Колея и перевал. макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С.28.

что эти пути проложены конструктами сознания. В начале было слово. В этом плане функция гуманитарной науки не только в описании уже «ставшего бытия», но и в порождении конструктов расширяющегося сознания, задающего движение «становящегося бытия»¹. Соответственно, изучение связей и смысла когнатуры как «глубинного уровня категоризации», в конечном счёте порождающего, формирующего картины мира, прокладывающие рельсы истории, имеет первостепенное значение для гуманитарной науки и социальной философии: «Образ, картина мира оказывается производной от ценностно-мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка, в котором создаются образы познаваемого»².

Ситуационная, локальная, глобальная энергоресурсная структура, порождённая неравномерностью процессов преобразования энергии в материю и обратно (эта неравномерность подчиняется очень точно настроенным закономерностям, сложившимся, по всей вероятности, в момент Большого взрыва, и отражена, в частности, в философском дискурсе вокруг антропного принципа), представляет собой рамку для всех сложных процессов соответствующего масштаба. К этим процессам относится и формирование когнатуры, которую мы выше определили как «кризисное» дополнение габитуса до реальности, но которая не ограничивается этим определением. Когнатуру, как было показано ранее, можно понимать и как «глубинный уровень категоризации» (В.Ф.Петренко), и как совокупность некоторого количества наиболее фундаментальных проблем и типовых, наиболее общих подходов к их решению, с позиции деятеля, актора, субъекта. Поскольку когнатура в критических ситуациях является «дорогостоящим

¹ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — С.122.

² Там же. — С.165.

заменителем» габитуса, постольку она, также как и габитус, может порождать и структурировать практики; эта возможность предоставляется (если предоставляется) ей кризисной средой, ситуацией. Организм, обладающий высокой способностью к адаптации, должен также обладать весьма эффективной по сравнению с родственными видами когнатурой. «Для понимания функционирования и развития общества, как сложной самоорганизующейся системы, необходимо выделять и анализировать *специфическую линию детерминации*, исходящую от человеческого индивида, взятого в его общих и существенных свойствах»¹. Впрочем, как и случайность, исходящую от человеческого индивида или сообщества.

Рассматривая когнатуру саму по себе, взятую в своей обособленности, без функциональной её оппозиции габитусу, мы снова начинаем с энергетических границ, в которых она формируется. Восприятие всей поступающей к нам сенсорной информации без её эффективного огрубления, обобщения, категоризации, противоречит как задачам экономии энергии, которая будет потрачена на обработку и кодирование, так и задачам выживания организма. У сколько-нибудь сложного организма должен быть способ сортировки, категоризации, распределения по важности всей поступающей к нему информации, иначе его поведение будет неадекватным, что с большой вероятностью означает его элиминацию очищающим отбором. Наиболее ясно это выражено в исследованиях на стыке кибернетики, биологии и экономики, проведенных британским ученым С. Биром, который фундаментальной проблемой управления считал именно «проблему сложности: как её измерить, как с нею справиться»². Когнатура и габитус представляют собой такие взаимно-дополняющие способы сортировки и укрощения сложности, вместе с типовыми реакциями на каждый сорт информации.

¹ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. Сб. статей / Д.И. Дубровский. — Москва : Стратегия-Центр, 2007. — С.157.

² Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с. — С.9.

Когнатура, по аналогии с программным обеспечением самого низкого уровня (BIOS¹), представляет собой сравнительно несложный и неэффективный объект. «Магическое число 7 ± 2 », указанное в знаменитой статье Джорджа Миллера² — вот, по нашим предположениям, выраженный в числах порядок мозгового «оборотного капитала», с которым человек осваивает реальность через обобщение, категоризацию, абстрагирование. Когнатура, соответствуя этим требованиям, являет собой квазиерархический субъективный список главных проблем деятеля как целостного существа вместе с набором типовых инструментов для их решения. Количество пунктов в списке, равно как и число основных инструментов, в сумме сопоставимо с «магическим числом», и человечество бы не поднялось в эволюционной таблице о рангах на самый верх, если бы не открыло способ упаковки мира в это число с помощью «удвоения реальности» посредством языка, а также способностей к коммуникации и, что немаловажно, к абстрагированию. Назаретян А.П.³ пишет о патологической лабилизации нервной системы и психики гоминид, которая, по его мнению, относилась к «слабовредным» или «почти нейтральным», в терминах Е.Кунина⁴, мутациям и могла накапливаться в качестве избыточного разнообразия⁵. Сумев построить «второй мир» над «первым», мы обрели проблему соответствия их друг другу; языковая коммуникация сгладила физические последствия конфликтов, способствовала совместной деятельности; наконец, подъём по лестнице абстрагирования помог и продолжает помогать уместить реальность в наши 7 ± 2 «физические» способности мозга, в том числе через упаковку её в габитуально порождённые практики.

¹ BIOS — Basic Input-Output System, базовая система ввода-вывода.

² Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. — 1956. — Vol. 63. — P.81-97

³ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А.П. Назаретян. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. — 437 с. — С.123.

⁴ Кунин Е. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции / Е.Кунин. — Москва : Центрполиграф, 2014. — 527 с. — С.49.

⁵ Назаретян, А.П. Там же. С. 127.

В порядке мысленного эксперимента, способного пояснить эти соображения, представим себе примитивный организм, находящийся в среде себе подобных. Законы среды таковы, что если организм А на 2 условных единицы больше организма Б, то организм А поедает Б при встрече, порождая одного своего потомка, и наоборот. Если разница в величине 0 или 1, то результат встречи определяется вероятностным образом, в зависимости от личного коэффициента каждого организма. Ясно, что успешный, т.е. выживающий и размножающийся организм, будет следовать приблизительно такой стратегии: «большой — убежать», «маленький — поедать», «равный — сражаться» или «равный — убежать», в зависимости от коэффициента. Видно, что за этой стратегией видна когнатура, пусть и примитивная, состоящая из трёхпунктного списка «большой», «маленький», «равный», и трёх способов обращения с ними — «убежать», «поедать», «сражаться»¹.

Когнатура, вытесненная габитусом к пределам реальности, остаётся способом преобразования «физической» картины мира (субъективно полного набора сигналов) в «актуальную», т.е. в такую, в которой субъект может действовать (осуществлять «акты»), с одновременным определением способов действия. Картина мира и способ действия представляют собой неразрывную целостность и рассматриваются отдельно только в целях метафизического анализа; более того, можно сказать, что *набор доступных деятелю способов взаимодействия с внешней реальностью и формирует из неё актуальную картину мира*. Х.Л. Борхес в эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса» описывает классификацию из «одной китайской энциклопедии»: «на её древних страницах написано, что животные делятся на а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей

¹ П.Бак рассматривает условия проявления самоорганизованной критичности в более продвинутой модели-имитации эволюции — «Жизнь» Конвея. Подробное обсуждение см. гл. 6 в книге П.Бак. Указ.соч.

кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух»¹. Как видим, каждый пункт этой классификации подразумевает некоторое отношение деятеля к участку природной реальности, конкретно множеству животных, пусть с точки зрения логики Аристотеля она ошибочна, т.к. нарушены правила деления понятий. Схожим образом и человек очерчивает свою картину мира, ещё на нейронном уровне соотнося входящую «сырую» информацию с тем, что он может с ней сделать; так, К. Лоренц пишет о врождённых структурах разума, называя их «априори»²: «априори базируется на центральной нервной системе, которая столь же реальна, как и вещи внешнего мира, чью феноменальную форму оно (априори) задает для нас. Этот центральный нервный аппарат предписывает законы природе не в большей степени, чем лошадиное копыто предписывает грунту его форму, и точно так же сталкивается с непредвиденными изменениями своих задач. Но, как и лошадиное копыто адаптировано к степному грунту, с которым оно взаимодействует, так и наш центральный нервный аппарат для формирования образа мира адаптирован к реальности, с которой вынужден контактировать человек. Подобно любому другому органу, этот аппарат приобрел свою целесообразную видосохраняющую форму посредством взаимодействия с реальностью в ходе генеалогической эволюции, длившейся множество эпох». Априорные формы, совместно с габитусами задают определенную рамку, за пределы которой человек не способен выйти без специальных практик восприятия, понимания и решения проблем, т.е. без формирования новой когнатуры.

Крупнейший отечественный исследователь психосемантики академик В.Ф. Петренко писал: «Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструкторов Дж. Келли, «поведение личности канализируется

¹ Борхес Х.Л. Приближение к Альмутасиму / Х.Л.Борхес; пер. с исп. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Кристалл», 2001. — 160 с. — С.93.

² Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К.Лоренц // Человек. — 1997. — № 5.

(структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий». Антиципация событий определяется системой личностных конструктов — своеобразных форм категоризации субъектом мира, себя, других людей и социального окружения. Это положение конструктивистской психологии, на наш взгляд, по смыслу близко к принципу «единства сознания и деятельности» А.Н. Леонтьева (1977) и С.Л. Рубинштейна (1948), в соответствии с которым субъект реализует в деятельности структуры, заложенные в его сознании, в его картине мира»¹. Дополним это терминами «одухотворенной деятельности» раннего К. Маркса и «произвольной и целесообразной деятельности» Ф.Т. Михайлова, демонстрирующими синтез материального и идеального, внутреннего и внешнего. Именно в диалектическом единстве партикулярных форм возможен выход за пределы собственного сознания, выход на следующий уровень индивидуального или общественного развития.

Найссер У. в «Познании и реальности» (1976) пишет о «когнитивных картах»², а польский логик и философ К. Айдукевич отмечает: «...не только некоторые, но все суждения, которые мы принимаем и которые образуют картину мира, не определяются однозначно данными опыта, но зависят от выбора понятийного аппарата, с помощью которого мы интерпретируем эти данные. При этом мы можем выбирать тот или иной понятийный аппарат, изменяя тем самым всю картину мира. Это означает, что в той мере, в какой кто-либо пользуется определенной понятийной структурой, данные опыта заставляют его признавать определенные суждения. Однако сами по себе эти данные не вынуждают к безоговорочному признанию этих суждений. Мы можем выбрать иной понятийный аппарат, на основании которого те же

¹ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — С.42.

² Найссер У. Познание и реальность. — Москва : Прогресс, 1981. — 232 с.

самые опытные данные не требуют признания этих суждений, ибо в новом понятийном аппарате эти суждения вообще не фигурируют»¹.

В свете наших рассуждений это можно толковать так: когнатура («понятийный аппарат», «менталитет», «список проблем и способов»), критическим образом формирует картину мира, включая и исключая из неё любые элементы — суждения, факты, явления. Основным вопросом, вытекающим из данного положения, на наш взгляд, является следующий: поскольку акторы (деятели, субъекты, носители когнатур) находятся, в пределе, в одной энергоресурсной ситуации (планета Земля), то каким образом возможно сравнение, сопоставление и выбор между двумя различными когнатурами? Возможен ли такой выбор в обозримом будущем (то, что он необходим, следует из единства и единственности нашей планеты)? Каковы критерии такого выбора, если он возможен, и почему он невозможен, если он невозможен? Речь идет о философском обобщении и понимании когнатур, сформированными различными научными дисциплинами, междисциплинарными парадигмами и методологическими программами, накопленными на начало XXI века.

Для решения этого вопроса требуется измерение. Одним из вариантов измерения трудноформализуемых концепций является т.н. алгоритмическая, или колмогоровская сложность объекта (известная также как сложность Колмогорова-Чейтина), понимаемая как наименьшая длина программы, порождающей этот объект. Колмогоровская сложность, к сожалению, невычислима (т.е. нельзя по заданному слову указать его колмогоровскую сложность); но обширные связи этого понятия с философскими и научными концепциями дают возможность значительно обобщить, упростить и категоризировать их. Так, принцип «бритвы Оккама» переводится на язык колмогоровской сложности как следующее высказывание: «более разумное

¹ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Выпуск 2: Гносеологические и логико-методологические проблемы (Сокр. пер. с немецкого В.Н.Поруса). — Москва : Институт философии РАН, 1996. — С.231-253

правило должно иметь более короткое описание»¹. Представляются перспективными и другие связанные с колмогоровской сложностью подразделы математики, исследующие вопросы описания и вычисления сложности с ограничением на ресурс. Собственно здесь можно уже говорить о современных когнитивных технологиях, способных «вычислить» наиболее эффективные, т.е. энергомалозатратные стратегии, которые может адекватно выбрать актер из их набора.

Рассмотрим понятие *адекватность*, которым мы ранее пользовались во многом интуитивно. Адекватность выбора или решения связана не только со способом их осуществления, рассмотренным как план (или вычисление, как предлагает Д. Дойч, следуя А. Тьюрингу²), но и обеспеченностью этого способа энергией и ресурсами, в том числе информационными. При этом сама проблема (задача) вполне определяет те границы, в которых может варьировать и план, и ресурсы решения; и ситуация выбора имеет свою энергетическую структуру, что было обсуждено выше. Так, точность до микрона, скорее всего, будет избыточной для строительства летнего домика, и ресурсы, потраченные на её достижение, уйдут впустую; соответственно, такое решение не может считаться адекватным, поскольку значительная его часть не имеет последствий: микронная точность исполнения никак не скажется на субъективном качестве летнего домика по сравнению с точностью до миллиметра. Решение проблемы коррупции, подразумевающее «полное изменение природы человека», возможно, действительно являлось бы окончательным, но в нашей реальности не обеспечено соответствующими ресурсами, поскольку мы не знаем, что такое природа человека и, соответственно, не умеем её изменять; оно, очевидно, также неадекватно. Понятие адекватности, таким образом, связано не только с планом и

¹ Верещагин Н.К. и др. Колмогоровская сложность и алгоритмическая случайность / Н.К. Верещагин, В.А. Успенский, А. Шень. — Москва : МЦМНО, 2013. — 576 с. — С.18.

² Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч, пер. с англ. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. — 581 с.

ресурсами, но и с последствиями — ожидаемыми, реальными, непредвиденными, их соотношением.

Адекватность выбора можно вчерне определить как оценочную величину, обратно пропорциональную разнице между совокупностями ожидаемых и актуальных последствий этого выбора, между ожидаемым и свершившимся вариантами будущего¹. Чем меньше оцениваемая разница между ожиданиями и результатом, тем выше адекватность. Адекватность, таким образом, зависит от знания будущего — по мере того, как мы узнаём будущее лучше, предвидим больше последствий, оценка адекватности выбора может меняться. Из той точки в будущем, когда последствия выбора уже наступили, выбор может выглядеть неадекватным, и это будет справедливой оценкой с точки зрения тех, кто в будущем, но без учёта знаний избирателя о будущем в момент выбора она будет неполной. В координатах будущего как совокупности последствий можно говорить об адекватности решения, которое может представлять собой ФКД (фиксированный комплекс действий) или практику (роль); можно говорить об адекватности габитуса, когнатуры, и, в целом, картины мира. Мы снова видим, что последствия, совокупность последствий, будущее — играют важную роль в оценке. Картина же мира, являясь «производной от ценностно-мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка, в котором создаются образы познаваемого»², результирующей всех этих процессов и феноменов в виде картины мира с когнатурой в её ядре, оказывает влияние на выбор.

¹ Ср. с «В социально-информационном аспекте названную проблему (адекватности) можно представить как проблему соответствия конкретного фрагмента социальной реальности и той социальной информации об этом фрагменте, которая содержится в общественном сознании». Куценко С.В. О проблеме адекватности общественного сознания // Сибирский философский журнал. — 2011. — №1. — Т.9. — С.35-39.

² Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с. — С.165.

Неадекватность решения проблеме означает, что решение содержало в себе такие выборы и движения ресурсов, последствия которых оказались далеки от ожидаемых. По мере роста энергии, задействованной в ситуации выбора, проблемы, растут и требования к адекватности: одно дело потратить лишний месяц одного человека, добиваясь микронной точности при дачном строительстве, и совсем другое — растратить тысячи человеко-часов, добившись совершенно не того результата, который планировался. Поскольку точность оценки адекватности ограничена нашим знанием о будущем, то роль познания как процесса и науки как института невозможно переоценить. Перспективы научного управления и в целом науки как производительной силы, однако, находятся под вопросом в силу кризиса в самой науке; если наука не сумеет найти ответы на свои собственные вызовы: «дисциплинарных гетто», бюрократизации, коррупции, начётничества и другие, — то её место в управлении займут (точнее, продолжают занимать) другие институты. С учётом закона необходимого разнообразия, сформулированного Р.Эшби¹, и на обыденном языке звучащем как «Управляющая система не может быть проще управляемой», науке необходимо стать сложнее или как минимум равно сложной объекту управления².

Адекватность решения проблемы или ответа на вызов — это, образно, мера того, насколько проблема или вызов «схвачены» решением или ответом, насколько они ему комплементарны, насколько полно учтена в них ситуация вызова, проблемы (в первую очередь энергетическая), насколько они в неё погружены и при этом достигают цели решателя (выбирателя, субъекта ответа). Соответствие или не соответствие решения ситуации, природу которого ещё предстоит понять, порождают хаос: равно плохи и слишком простые решения, не осваивающие достаточную часть проблемной ситуации, и слишком сложные, быстро истощающие скрытую в ситуации энергию.

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби, пер. с англ. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 432 с. — С.293.

² Более подробное обсуждение оснований стратегии перехода к научному управлению изложено в 2.3.

Ситуация выбора, проблемная ситуация, ситуация вызова — очевидно, являются конструктами сознания конкретного деятеля: где один деятель видит проблему, второй не видит ничего особенного. Но они являются не только конструктами сознания, а связаны и с физической реальностью, проблема существования которой и независимости её от сознания выходит за рамки нашей работы. Таким образом, мы имеем тройственную структуру: «реальность — проблема — решение»; проблема связывает нас с реальностью, и служит «входом» в неё, являясь причиной и путём её преобразования. Преобразование это осуществляется опосредовано, через обусловленную проблемой оптику и инструментарий, т.к. физическая реальность (что бы она собой ни представляла) никогда не дана нам напрямую, и по её поводу мы можем лишь строить более или менее проверяемые предположения, причём проверяемые опять же проблемно. С нашей точки зрения, т.е. точки зрения деятеля, мы занимаемся тем, что строим предположения, проверяем их «об реальность» своей деятельностью (выборами, решениями), корректируем, и опять заново. Иными словами, «всё — рабочая гипотеза»¹. Таким образом, в декартовом *cogito ergo sum*, взятом в масштабах человечества, *cogito* никогда не было пассивным восприятием феноменов и следованием законам отграниченной от нас реальности, а превращается в постоянное *производство* рабочих гипотез, предположений и опровержений. В сочетании со сказанным выше можно сформулировать тезис иначе: мы *производим сложность*, адекватную, в первую очередь, реальности в нашем сознании и, через неё и во вторую очередь, реальности физической. Оговорим здесь еще и «понимаемую сложность», принимая в конструктивистском подходе в духе Дж. Келли сознание человека как аналогию с работой ученого. Ученый конструирует модели мира, себя, других людей. «Личность», или «Я» (осознание и понимание себя и реальности),

¹ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К.Лоренц // Человек. — 1997. — № 5.

рассматривает как когнитивные конструкции «Я-концепции», *построенные нашим сознанием*, чтобы связать индивидуальный опыт, нанизав на временную нить и интегрировав те события, свидетелем которых было сознание»¹ (*курсив наш — Ц.Ж.*). В конечном итоге, сознающему себя деятелю требуется: 1) произвести картину мира (реальность-в-сознании), затем, 2) исходя из неё, разметить на ней «проблемную карту», затем 3) решить обозначенные проблемы, скорректировав картину мира, и цикл повторяется; видим, что этот процесс имеет рекурсивный характер, что крайне важно для дальнейшего понимания природы производства сложности. Критически важный для управления сложностью конструктивный характер познания и социального познания подчеркивает и Б.Латур: «Власть и господство должны производиться, создаваться, конструироваться»².

Далее, энергетическая ограниченность и принципиальная оптимизационность мозговой деятельности наводит нас на мысль, что когнатура индивида, взятая «сама по себе», с большой вероятностью представляет собой фрактал или квази-фрактал, т.е. вычислительно простую формулу, которой, однако, можно эффективно «замостить» весь или почти весь мир, пользуясь её масштабной инвариантностью; либо «надеть» на себя как обувь, чтобы не «устилать весь мир кожей», что конечно же, менее затратно. «Сам процесс познания, или поиска смыслов, может рассматриваться как процесс бесконечных итераций, то есть шагов, ведущих к достижению цели, являющейся результатом процесса познания»³. Эти итерации не совершаются в замкнутом жизненном пространстве одного

¹ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с. — С.230.

² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур, пер. с англ. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2014. — С.91.

³ Корчажкина О.М. Фрактальная модель процесса познания / О.М.Корчажкина // Вопросы философии. — 2016. — №5. — С.93-105. Также см.: Прытков В.П. Фрактальный характер философского знания / В.П.Прытков // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — №3(385). — С.26.35.; Рахматуллин Р.Ю. Фрактальная концепция творчества / Р.Ю. Рахматуллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — №7-1(57). — С.145-147.

индивида, а осуществляются во взаимодействии с его окружением, в первую очередь с социальным, в режиме «предположений и опровержений» (К. Поппер). Далее О.М. Корчажкина пишет, ссылаясь на теорию квантового нейрокомпьютинга Пенроуза и Хамероффа, о двух квантованных (фазовых) состояниях мозга — локальном и нелокальном. «Первое состояние предназначено для решения алгоритмизированных задач с конечным числом линейных итераций, тогда как нелокальное состояние необходимо для решения сложных задач, требующих движения по бесконечным нелинейным траекториям. Более того, для переключения из одного состояния в другое мозг должен управляться некоей внешней редукционной функцией, сводящей конечность к бесконечности и наоборот».¹ Нетрудно видеть, что этот взгляд вполне совместим с нашими предположениями: локальное состояние мозга связывается с габитуальной деятельностью и отвечает за решение алгоритмических задач за конечное число итераций, но при столкновении со сложными задачами деятель переходит в нелокальное, «когнатурное», в наших терминах, состояние; причём сам переход также регулируется когнатурой, «настроенной» на то, чтобы видеть неадекватность габитуса и включаться при превышении им некоего порога. Когнатурный и габитуальный режимы связаны между собой процедурами «развёртывания» и «свёртывания» соответствующей фрактальной модели: «... развёртывание — это движение от линейного мышления к нелинейному, происходящее по принципу фрактального построения («обувь») и равносильное декомпозиции понятия, деления его на более мелкие (выше мы описывали это как процесс «замощения» мира — Ц.Ж.). Свёртывание — это обратный процесс, когда решение найдено, осуществляется переход от уровня поиска к линейному мышлению по найденному алгоритму». Этот переход (свёртывание) и есть внедрение «нового в старое», историческая и социальная актуализация

¹ Корчажкина О.М. Фрактальная модель процесса познания / О.М.Корчажкина // Вопросы философии. — 2016. — №5. — С.93-105.

индивидуально обретенного опыта, влияние сознания индивида на изменения в обществе, на его развитие, формирование габитуса. В свою очередь, развитие, понимаемое нами как *поисковые изменения сложности, ограниченные энергией*, с точностью до формулировок совпадает со сконструированным нами понятием «производство адекватной сложности». Далее мы будем пользоваться терминами «производство сложности», «производство адекватной сложности», «усложнение», «развитие» как синонимами.

На формировании картины реальности работа когнатуры (равно как и габитуса) не останавливается и ею не ограничивается. Сама жизнь как постоянная необходимость выбора, «энергия, ищущая форму», подталкивает деятеля к тому, чтобы из наличного выбирать возможное, из возможного — главное, и уже по поводу главного произвести выбор, при успехе обретя некоторое временное квазиравновесное состояние. Из актуальной картины мира, таким образом, вырабатывается его проблемная карта, которую можно понимать как упорядоченный список тех участков реальности, где выборы и действия, их подразумевающие, следует осуществить в первую очередь — всё это в свете задачи выживания и в условиях ограниченных ресурсов. Проблемная карта мира представляет собой неразрывную целостность с наиболее универсальными и адекватными способами взаимодействия с реальностью, имеющимися в распоряжении у деятеля, где требование или свойство универсальности снова обусловлено ограничениями в энергии и ресурсах, а адекватности — задачей выживания; и, так как адекватность — это оценочная, субъективная величина, то и проблемная картина мира тоже является субъективной. Когнатуру (равно как и габитус), следовательно, можно понимать как *структуру, упорядочивающую мир в соответствии с наличными ресурсами деятеля (в том числе, интеллектуальными)*; в такой формулировке становятся очевидными как роль правильной оценки деятелем своих ресурсов, так и влияние на картину мира их переоценки, «пересборки».

«Ресурсы» следует понимать максимально общо: это и материальные, и когнитивные, и коммуникативные ресурсы, и способы их организации, и инструменты, и методы, и теории, и возможности. Сюда включены и нейробиологические ресурсы, возможности мозга и, в целом, организма, трудно поддающиеся учёту и оценке «изнутри». Ясно, что они не даны деятелю раз и навсегда, а подвержены изменениям, развитию, метаморфозам; наибольшее влияние на их динамику оказывает взаимодействие когнатуры с габитусом: «основная форма обучения — это подражание, имитация действий других членов своего сообщества». Л.А. Орбели: «Имитация — основной охранитель вида»¹.

Мы вернулись к центру нашей проблемы — взаимодействию габитуса и когнатуры в условиях снижения адекватности габитуально-порождённых практик и решений. Эта неадекватность может иметь причиной как сокращение ресурсов, так и их избыток, так и изменение их характера. Зададимся вопросом: что происходит дальше, после того, как габитус утратил адекватность реальности? По нашему предположению, происходит следующее: на первый план выходит когнатура, производящая новые практики, которые, в свою очередь, заполняют разрыв неадекватности; далее, когнатурные практики модифицируют габитус, внедряясь в него, или же формируют новый, более адекватный, и общество снова приходит в квази-равновесное состояние, период нормального развития.

Габитус, в военных метафорах, можно сравнить с современным танком или боевым самолётом, прошедшим испытания на заводе и полигоне, предназначенным для исполнения определённого круга задач и доверенным конкретному экипажу; это сложнейшее устройство со своими системами рекогносцировки и разнообразными оружием (это, разумеется, практики и

¹ Цит. по Жуков, Д.А. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т.2 / Дмитрий Жуков. — 2-е изд. — Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. — 368 с.. — С.9.

роли). Его применение ограничено способностями экипажа по освоению и применению всех его возможностей, и в критической ситуации экипаж может покинуть танк или самолёт, чтобы остаться в живых. В штатном режиме система «танк-экипаж» или «самолёт-лётчик» действует по инструкции, и экипаж или лётчик практически не вмешиваются в работу бортовых систем — вспомним разрабатываемые ведущими странами мира интеллектуальные, беспилотные и другие «почти-самоуправляемые» военные системы типа «выстрелил и забыл». В целом эта брутальная аналогия, возможно, глубже, чем может показаться на первый взгляд, особенно с учётом того, что есть принципиальная «возможность универсального понимания социальной реальности как конфликта той или иной степени интенсивности»¹.

Крупный отечественный исследователь творчества, д.психол.н. В.Ф. Спиридонов, критикуя противопоставление проявлений творчества, с которыми часто связывают достижение высоких интеллектуальных результатов, и явлений культуры, явно подчиняющихся определенному шаблону, пишет: «Продуктивное мышление, обычно противопоставляемое всякой норме, так же как и его онтогенетическое развитие, оказывается резко отделено от феномена культуры. В итоге психологические теории объясняют возрастное развитие процессов решения, почти не обращаясь к понятию культурного опыта. Попытки выделить «развитые» и «неразвитые» формы продуктивного мышления по критерию их большей или меньшей культурной принадлежности отсутствуют. Да и сама возможность «окультуривания» творческой мысли практически не обсуждается и не исследуется». Почему так происходит?

По нашему мнению, речь идёт не о чём ином, как о когнитивно-габитуальном взаимодействии, точнее, о необходимости рассмотрения биологического, врожденного, индивидуального только в плодотворном

¹ Касавин, И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с — С.384.

взаимодействии с культурным, приобретаемым, социальным: «Представляется, что корректный подход к решению проблемы генезиса <творческого решения проблем> предполагает кардинальное изменение приоритетов: индивидуальное развитие процессов решения должно исследоваться в рамках проблемы культурной относительности, культурного релятивизма индивидуального мышления»¹.

Выводы. В данном параграфе было показано, что когнатуру и габитус, взаимодополняющие друг друга структуры принятия и отбора решений индивида, можно понимать как списки основных проблем деятеля, подлежащих решению, в совокупности с основными же инструментами деятеля по их решению; когнатура — более простой, но и более универсальный список, габитус — более изощрённый список, но более ограниченный по широте применения (не во всех ситуациях можно вести себя как врач или чиновник). Поскольку когнатура выходит на первый план, берёт управление на себя в моменты социального кризиса, т.е. неадекватности габитуса и порождаемых им практик, то именно она ответственна за направление развития и характер изменения общества. Отмечается также, что, поскольку когнатура энергетически достаточно дорогой инструмент, то её основная работа по преобразованию социальной реальности заканчивается на формировании практик, которые должны сложиться в новые габитусы, которые, в свою очередь, сформируют новую социальную реальность. Критерий выхода когнатуры в план действия и принятия решений — это оценочная неадекватность габитуса; адекватность понимается здесь как отношение фрагмента реальности к информации об этом фрагменте реальности, или как величина обратная разности между ожидаемыми и фактическими последствиями выбора. Проблема, являясь также когнитивным конструктом, представляет собой «вход» в реальность — человек мыслит и

¹ Спиридонов В.Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем: Учебное пособие / В.Ф. Спиридонов. — Москва : Генезис, 2006. — 232 с.

существует проблемно, ища и решая задачи. Итогом этого процесса «Неадекватность габитуса → Проблема, опознаваемая когнатурой → Решение и преобразование социальной реальности → Складывание решений в новые габитусы → Складывание габитусов в новую социальную реальность» является производство социальной сложности и, в итоге, сложности всей нашей реальности. Сопоставляя ресурсы мозга и достоверно решаемые им задачи, приходим к выводу о том, что когнатура представляет собой фрактал, самоподобную фигуру; подобные конструкторы позволяют «замостить весь мир» сравнительно ресурсно-недорогим способом. Подчёркивается, что способ решения задач и проблем, способы обращения деятеля с актуальным окружением формируются с помощью института образования и воспитания, играющего, таким образом, критическую роль в развитии общества.

Механизмы выхода в план действия, «развёртывания» когнатуры в практики и последующего внедрения, «свёртывания» когнатурных практик в габитус-штрих и, далее, в социальную реальность, мы рассмотрим в следующем параграфе.

2.2. Интеллектуально-деятельностные сети (хирамы) как сложные субъекты социального развития

Основываясь на сказанном ранее, можно выдвинуть гипотезу, что стратегии управления социальной сложностью во многом сводятся к контролю и управлению процессом зарождения, роста и развития сетевых структур (хирамы). Также есть основания полагать, что сходные концепты и стратегии, с поправкой на специфику, могут быть применены в управлении другими видами сложности (см. параграф 2.3), поскольку невозможно отрицать, что характер связи «сознание-общество» существенным образом определяет пути, темпы и характер развития как общества, так и сознания, а, следовательно, и производимой их взаимодействием новой, измененной реальности — в первую очередь социальной (но не ограничиваясь ей). Поскольку любое развитие понимается как процесс поисковых изменений сложности, ограниченный ресурсами, то изучение связей между сознанием и обществом (в том числе и связей возможных, виртуальных, неактуализированных) даёт нам ключ к управлению сложностью всей реальности, что и отражено в названии работы. Рэндалл Коллинз в «Социологии философий» так описывает новую реальность, называемую им «пространством интеллектуального внимания»: «представьте большое число людей на открытой равнине — что-то вроде ландшафта Сальвадора Дали или Джорджо Де Кирико. Каждый кричит: «Слушайте меня!» Вот это и есть пространство интеллектуального внимания. Почему же кто-то будет кого-либо слушать? Какую стратегию примет большая часть слушателей?»¹. Далее Р. Коллинз описывает основные пути, по которому может развиваться эта гипотетическая ситуация: конфликтный («нет, вы не правы...»), в результате которого пространство будет поделено между несколькими узлами аргументации, число которых, согласно закону малых чисел, всегда примерно

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с. — С.89.

от трёх до шести, по причине ограниченности пространства внимания; развивающий («да, вы правы, и более того...»), который тоже делит равнину из одиночек на цепочки, интеллектуальные родословные, линии преемственности, состоящие из звеньев «учитель — ученик».

Для нас основным в этом описании является очередное указание на ограниченность как пространства интеллектуального внимания, так и ресурсов, которые в рассуждениях Коллинза представлены в виде «культурного капитала» (КК), «эмоциональной энергии» (ЭЭ) и пр.: «Данную структуру следует рассматривать как рынок с ограничениями (constrained market). В той мере, в какой люди располагают доступом друг к другу, они могут состязаться в своих КК и ЭЭ к своей наибольшей выгоде, как в открытом процессе торга. Однако сама по себе степень доступа является переменной. У индивидов могут быть лишь ограниченные контакты, и они должны «торговаться» за участие в ИРе (интеллектуальном ритуале) в условиях неблагоприятного соотношения культурных капиталов и эмоциональных энергий, поскольку лишь отдельные персоны оказываются доступными. Опять же здесь сама форма сети и местоположение индивидов в ней определяют то, что они могут делать: о чем они думают и с какой творческой энергией».

Интеллектуальные изменения, которые Коллинз объясняет в терминах «философского осмысления социальной и макроисторической динамики интеллектуального творчества», порождаются сетевыми структурами, связанными горизонтальными отношениями конфликта-противостояния и вертикальными учитель-ученик, протяжёнными во времени и существенно локализованными в пространстве. Как эти интеллектуальные сети связаны с габитуальной реальностью, утрачивающей адекватность, что влечёт за собой выход на сцену когнатуры и порождаемых ею практик? Ключ к ответу на этот вопрос лежит в смысле этих связей; который Ю.А. Шрейдер понимал как «внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование,

связывающую его с более широким пластом реальности»¹. Интеллектуальные сети связаны с более широкими пластами реальности в первую очередь через деятельность, на которую они так или иначе оказывают влияние; смысл существования интеллектуальных сетей, таким образом, определяется воплощением, имплементацией тех идей, концептов, диалогов в выборах, решениях и практиках других людей. Таким образом, можно говорить не только о деятельностной, но и о габитуальной представленности, габитуальном проявлении интеллектуальных изменений. Интеллектуальные конструкты, порождаемые интеллектуальной сетью, должны обуславливать, порождать более адекватные реальности действия (или лучше отсекают неадекватные) для того, чтобы распространить своё влияние далее и глубже; в этом переходе «от слова к делу» также имеется элемент выбора и соотнесённости с ресурсами и будущим среды и самих избирателей. Идеи должны упасть на подготовленную почву (Р.Коллинз указывает ещё на важность выбора момента, когда кто-то начинает продвигать собственную аргументацию), что означает наличие у деятеля ресурсов, возможностей для их реализации. Интересы интеллектуала и деятеля, таким образом, различны: интеллектуал заинтересован в реализации именно своей идеи, а деятель заинтересован в том, чтобы идея давала ему большую адекватность в действиях, что существенно перекликается с моделями из эволюционной биологии и поведенческой экономики.

Условия встречи идеи и деятеля, принципы отбора идеи деятелем для воплощения среди других конкурирующих с ней, — эти и другие факторы находятся за рамками как собственно идеи, так и действий, её воплощающих. У идеи, в биологических метафорах, должен быть носитель, передатчик, форма, внедряющая его в план действия; в случае гуманитарных идей это, в первую очередь, текст. В период античности тексты как форма для внедрения

¹ Шрейдер Ю.А. Смысл / Ю.А.Шрейдер // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. — Москва : «Мысль», 2010. — 692 с. — С.576

в деятеля соперничали с другим носителем — собственно автором, представлявшим собой живое воплощение собственных идей, интеллектуально-деятельностное единство; в наше время такой цельности скорее не наблюдается: тексты всё чаще сразу оторваны от своих физических авторов¹, а сами авторы и передатчики их зачастую крайне далеки в своих решениях от принципов, декларируемых в текстах, которые они производят и транслируют. В ситуациях кризиса происходит вынужденное уплотнение пространства внимания, деятели активнее ищут идеи, а идеи активнее ищут воплощения; воплощённая более адекватная (напомним, что это оценочная, во многом субъективная величина) идея тиражируется, формируя новый габитус.

Мы приходим к трёхслойной структуре интеллектуально-социальной динамики: в её ядре находится пространство интеллектуального внимания, где конкурируют и которое делят идеи и их носители, складываясь в узлы аргументации и цепочки преемственности. С ним сопряжено пространство действия, область внедрения идей в решательную, деятельностную реальность; там, очевидно, происходят не уступающие предыдущему уровню по сложности процессы, уже с участием деятелей. Следующим, третьим слоем является реальность габитуальная, пространство габитусов, в которой воплощённые в действиях идеи складываются в ФКД, практики, роли и габитусы; на этом уровне судьбу идеи-действия определяет более широкий круг деятелей, исходящих уже из «более социальных» мотивов. Когнатуры деятелей, понимаемые нами как дополнение габитуса до актуальной реальности, участвуют в этих процессах неоднородным образом, и степень их влияния, по нашей гипотезе, прямо коррелирует со сложностью, кризисностью ситуации; кроме того, на всех уровнях, согласно Р.Коллинзу, так или иначе работает закон малых чисел («количество узлов аргументации и

¹ «Персонажное» авторство, т.е. произведения авторов, которые «склонны сочинять, но не быть», подробно рассматривает М.Н.Эпштейн, см.: Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — (Серия «Humanitas»).

цепочек преемственности тяготеет к числу от трёх до шести»). Успешная, захватившая власть идея (теория, если в точности следовать Марксу¹), ставшая материальной силой, таким образом, является частью сложного конструкта, состоящего из интеллектуальной, деятельностной и габитуальной частей; сам этот конструкт тесно связан с когнатурой (когнатурами) его участников, и может толковаться как её (их) проекция на эти три пространства.

Иначе говоря, идее на пути от высказывания до материальной силы нужно пройти три типа испытаний: выстоять в борьбе интеллектуальных сетей за пространство интеллектуального внимания; найти воплощение в пространстве выбора, действия, практик; наконец, обрести габитуальное измерение, стать частью какого-либо габитуса или определить новый габитус. Эти типы затруднений не разделены во времени и представляют собой многомерное проблемное пространство её движения и развития: носители идеи в обсуждении так или иначе воплощают её; деятели-воплотители участвуют в обсуждении и задают первые очертания её габитуальной реализации, и т.д. Решение затруднений одного вида (например, захват доли интеллектуального внимания) часто несовместимо с успехом в других аспектах и измерениях, например, в области влияния на действия и решения, или в формировании/модифицировании габитуса. Ясно, что эти три типа проблем не равны между собой по требованиям ресурсов, и переход от чисто интеллектуального бытия к деятельностному, а от него к габитуальному снова связаны с определёнными энергетическими, организационными и другими ресурсными вложениями. Ключевым из них является требование связности — чтобы быть влиятельным, надо быть особым образом связанным со своим окружением. Лавина в песчаной модели П.Бака, при подробном рассмотрении, обретает сложную структуру: «сигнальная» песчинка,

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С.422.

запустившая её, сдвигает с места другие песчинки, которые находились в соприкосновении с ещё песчинками, и так далее. Представим, что сигнальная песчинка имеет возможность выбора места падения, а также обладает средствами для предварительного исследования структуры соприкосновений в песчаной куче — в этом случае она бы с большей вероятностью могла как вызывать лавины, так и избегать их; причём эта вероятность была бы прямо пропорциональна степени осведомлённости песчинки.

Внешняя связность играет роль как в успехе идеи (и её носителей) внутри одного из трёх описанных уровней, так и при переходе между ними; для успеха необходимо взаимодействие с конкурирующими идеями, а для воплощения — с деятелями. Так, Р.Коллинз подробно объясняет период стагнации эпикурейского учения, которая «может быть приписана, главным образом, строю фракций в интеллектуальном поле. Эпикурейцы закрепились в самой крайней доктрине этой области — материализме. <...> Трансцендентально-антиматериалистическая сторона интеллектуального поля была более плотно заполнена, чем полюс материализма. Эпикурейцы достаточно рано захватили связное учение крайнего материализма и не испытывали ни с чьей стороны каких-либо конкурентных давлений, которые толкали бы к его изменению»¹. Успех всегда подразумевает изменение, а изменение подразумевает взаимодействие с контрагентами и в целом с окружением. Связность в форме личных контактов играет, по мнению, Р.Коллинза, ключевую роль в построении и эффективности работы интеллектуальных сетей: «Что же проходит в таком случае через эти цепочки личных связей? Интеллектуальный капитал, без сомнения. Книги не так значимы, как личные контакты, по той причине, что общая подверженность идеям времени недостаточна для первоклассной интеллектуальной работы; что дает личный контакт с ведущим практиком-исследователем, так это фокус

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с. — С.181.

внимания на аспектах большой массы идей, составляющих аналитическое острие. Конечно же, творческие интеллектуалы каждого нового поколения, отталкиваясь от этой точки, движутся по новым направлениям. Личный контакт с лидерами предшествующего поколения может помочь и здесь, пусть не столько в существе, сколько в самом стиле работы — путем передачи эмоциональной энергии и ролевой модели, показывающей, как добиваться высочайших уровней интеллектуального труда»¹. Видим, что понятие интеллектуального капитала практически совпадает с тем, что мы выше назвали когнатурой, представляющей собой единство главных проблем и подходов к их решению, что по Коллинзу соответствует «фокусу внимания» и «стилю работы». Необходимость личных контактов для эффективной передачи интеллектуального капитала (когнатуры), по всей вероятности, связана с её также упоминавшейся выше биологической, нейробиологической, поведенческой компонентами, которые далеко не всегда могут быть проявлена в тексте, через книги, а играют, часто неосознаваемую, роль только в личной коммуникации.

Итак: интеллектуальные сети, в борьбе за пространство интеллектуального внимания, при определённых условиях (сочетании адекватности, связей и ресурсов) выходят в деятельностное пространство; к интеллектуальному ядру присоединяются деятели, воплощатели, руководствующиеся идеями и-ядра в принятии решений. Эти решения должны быть более адекватными, чем другие, — это условие распространения идеи и её воплощения, ключевая составляющая её успеха. Интеллектуальная сеть превращается в *интеллектуально-деятельностную сеть (ИДС)*. А.В. Олескин пользуется термином «хирама» для обозначения High-Intensity Research and Management Association, «исследовательское и управленческое объединение высокой интенсивности», которую он определяет как

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с. — С.134.

«креативную команду, создаваемую для решения некоторой сложной, нечеткой, междисциплинарной задачи»¹. Мы будем пользоваться этим термином в схожем смысле как синонимом интеллектуально-деятельностной сети, только без требования ограничения масштаба, заложенного в слово «команда» и добавим слово «деятельность», activity: High-Intensity Research, Activity and Management Association, приблизительно «исследовательское, деятельностное и управленческое объединение высокой интенсивности». Идея, понимаемая как текст (в широком смысле), для изменения общества должна выйти в габитуальное пространство «посредством» хирамы, конкурирующей с другими ИДС. Так, современная наука, суть которой может быть описана как «теоретическое предположение + экспериментальная проверка», являет собой яркий пример такой идеи: вначале, на заре Нового времени, это были кружки интеллектуалов, чистая коллинзовская интеллектуальная сеть; в череде политических, экономических и социальных потрясений эта идея сумела выйти в план действия, постепенно пронизывая (и, по сути, порождая) промышленность; в конце концов, наука стала частью габитуса современного человека, подвинув на этом поле религию. Схожая судьба у других идей: равенства полов, социальной справедливости, примата большинства, расовой терпимости и т.д., имеющими на данный момент не только деятельностные последствия (например, толерантность), но и габитуальные (волонтерское движение, благотворительность, творческая деятельность).

Для перехода из пространства интеллектуального внимания в пространство деятельности идея как текст должна допускать особую форму своего представления: набора фраз вида «если — то». Идея науки, например, может быть сформулирована в виде: «Если что-то непонятно, построй гипотезу и проверь её экспериментом». В той мере, в которой эта форма

¹ Олескин А.В. Парадигмы сетевой организации и их применение при практическом создании сетевых структур. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/networks/paradigmy-setevoj-organizacii-i-ix-primenenie-pri-prakticheskom-sozdanii-setevyx-struktur/> — (Дата обращения : 01.02.2017).

представления, которую можно назвать *онтологией* (в терминах информатики, т.е. и-онтологией, в отличие от философской, ф-онтологии) или *концептуальным алгоритмом*, отвечает закону необходимого разнообразия, идея может рассчитывать на успех в деятельностном пространстве, пространстве воплощений. Иными словами, и-онтология или концептуальный алгоритм, который можно понимать как стратегию игры против реальности, должен снижать разнообразие этой реальности, а для этого, согласно закону, внутреннее разнообразие самого алгоритма должно быть увеличено до соответствующего минимума: только разнообразие может уменьшить разнообразие. Таким образом, идея ещё на первом этапе должна пройти путь обсуждений от (например) ценностно-нагруженного высказывания нормативного характера до и-онтологии, которая с большей (оценочно) вероятностью будет снижать разнообразие реальности, «замостит» её. Критическую роль в этом развитии будет играть интеллектуальная оснастка идеи, т.е. правильное, адекватное представление об участке реальности, на который предполагается распространить её действие, о ресурсах этого участка, а также о возможностях, инструментах, диспозициях и т.д. Без такого знания идея останется текстом, который в лучшем случае дожждётся своего воплощения через какое-то время, зачастую весьма длительное: вспомним идеи атомизма или генетики. Стратегическое продвижение или, правильнее сказать, проращивание идеи через конкурентное пространство интеллектуального внимания к этапу её реализации представляет собой и-онтологизацию, центральную задачу, решаемую интеллектуальной сетью.

Рассмотрим схему из книги Р.У.Эшби «Введение в кибернетику». Игрок D располагает ходами 1...5, а игрок R — α ... δ . Задача игрока R — состояние d . Нетрудно видеть, что разнообразие ходов D в свете задачи игрока R не превосходит разнообразия ходов R (любой ход D всегда содержит d), и, более того, R может ограничиться всего двумя ходами, α и β .

		<i>R</i>			
		<i>a</i>	β	γ	δ
	1	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
	2	<i>a</i>	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>d</i>
<i>D</i>	3	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
	4	<i>d</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>
	5	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>d</i>

Упр. 1. Всегда ли выигрывает *R* с таблицей 11/4/1, если целью является *d*?

Реализации этих идей в практики посвящены целые научные дисциплины: экономика, социология, психология, точные и технические науки, их подразделы и междисциплинарные направления. Научная дисциплина, религиозная конфессия, промышленное предприятие, социальная инновация — каждый из этих феноменов, собственно, можно эффективно толковать как развёртывание какого-то текста в план действия и решений. Поэтому, не погружаясь в детали, можно сделать лишь несколько общих замечаний, опираясь на неоднократно отмеченный фрактальный характер взаимодействий в нашей реальности, глобально-локальную структуру ограниченности ресурсов, а также соотнесённость с будущим, неустранимо присущую всем сложным, жизненным процессам. Первое: для выхода в габитуальную реальность, т.е. для настоящего изменения общества, и идея, и практика, основанная на ней, должны снова отвечать требованиям сложности, что выражается в гибкости практик, множественности вариантов реализации, «входов» текста в деятельность. Деятельностная оснастка идеи (как и интеллектуальная, описанная выше), также должна подчиняться закону о необходимом разнообразии, в рамках того участка реальности, на котором идёт процесс её развёртывания. Второе: с учётом того, что реальность подвержена изменениям, причём сравнительно внезапным и масштабным (лавинным), идея должна иметь в своём концептуальном алгоритме ответы и на этот случай. Гипотетически совершенная идея, таким образом, всегда

имеет интеллектуальный (текстовый) и деятельностный (выраженный в решениях людей) ответ на всю сложность реальности, то есть речь идёт об отражении не «в», а «на», не инъекция, а сюръекция; это всегда «покрытие» целого мира, а не его части — как минимум претензия на это. Это можно сформулировать в виде тезиса: «Глобальные идеи выживают лучше».

Разнообразие форм представления идеи в интеллектуальном и деятельностном пространствах требует ресурсов (когнитивных, временных, материальных и др.). Ограниченность внутренних ресурсов означает, среди прочего, что интеллектуалам придётся выбирать, с кем им вступать в отношения конфликта/ученичества, а деятелям — кому представлять идею и практику, на ней основанную; все эти и другие решения снова требуют участия когнатуры, оптимизационного списка главных проблем и способов их решения. Само решение при этом может быть принято за пределами осознанности, но *именно когнатура* критическим образом *определяет ту траекторию, по которой идея прорастает от текста до габитуса*. У идеи, таким образом, появляется эволюционная стратегия, понимаемая как связанная совокупность решений её носителей, соотнесенных с будущим; её успех напрямую связан со знанием будущего, с представлением о нём.

На первом этапе идея находится в сознании одного человека, и имеет вид текста, высказывания. В таком виде она вступает в пространство интеллектуального внимания, описанное Р.Коллинзом, и её носитель вместе с ней начинает конкурировать за его долю, образуя со своими контрагентами узлы аргументации и линии преемственности, что обобщается под термином «интеллектуальные сети». В этом взаимодействии идея может изменяться, равно как и её носители — теперь это не один человек, а интеллектуальная сеть, а сама идея обретает разнообразие форм представления, главным из которых является и-онтология, или концептуальный алгоритм, выводящий её из пространства интеллектуальной конкуренции уже в пространство решений и действий, для чего требуется определенное сочетание адекватности, наличие

связей, культурного и эмоционального капитала. Концептуальный алгоритм — это форма идеи, которая сопрягает два пространства: интеллектуальное, преимущественно текстовое, и деятельностное, преимущественно материальное и организационное. Это фаза воплощения идеи в практики, попытки замостить ею реальность; если эти практики будут иметь адекватность выше, чем у других, а также связь с другими областями реальности, то они могут распространяться до тех пор, пока не дойдут до габитуального уровня, уровня образа жизни людей. Распространение этих практик также имеет сетевой характер, поэтому речь всегда идёт об интеллектуально-деятельностных сетях (хирамах) как основных субъектах социальных изменений и социального развития.

По нашему предположению, хирама становится управляющей, когда выходит в пространство габитусов, модифицируя или определяя какой-либо из них. Из интеллектуально-деятельностной сети она превращается в габитуальную сеть, *габитому*, значительно более аморфное и одновременно более ригидное образование (например, можно говорить о габитомах ИТР и номенклатуры в позднем СССР, или о «силовой» габитоме в современной России). Успех такой сети в обществе связан с адекватностью осуществляемых ею практик, что не означает, что наиболее адекватная «вообще» (т.е. достигающая своих профессионально-отраслевых задач) сеть будет управлять обществом — управлять обществом скорее будет та сеть, которая достигнет большей адекватности именно в практиках захвата управления. Примером осознания непонимания природы перехода идеи из плана деятельности в план габитуальный может послужить небольшая заметка автора, пишущего под именем Иван Экономов, вышедшая в сетевом варианте газеты «Троицкий вариант — Наука»: «Так вот, дорогие коллеги, представители естественных и точных наук, пора бы нам отказаться от нашего естественнонаучного шовинизма и перестать воображать себя пупами Земли, величайшими умами современности. Оглядимся по сторонам: почему, если

мы такие умные, страной правят — и правят успешно! — юристы и экономисты? Почему, если мы такие умные, мы такие бедные?»¹. Крайне характерное недоумение профессионала, узкого специалиста.

Разумеется, успех управляющей сети является результатом не только деятельности этой сети, но и её контрагентов в данном обществе, т.е. других, конкурирующих с ней габитом: «каждый народ имеет такое правительство, которое он заслуживает». С точки зрения кибернетики, управляющая сеть с необходимостью должна быть разнообразнее совокупности всех остальных: на любой ход совокупности её контрагентов у неё должен быть ответ, переводящий общую ситуацию в нужное управляющей габитоме часть спектра состояний. Это, в свою очередь, имплицитно подразумевает канал связи, по которому информация о «ходе» окружения доносится до управляющей сети; иными словами, для сохранения своего доминирующего положения управляющая сеть должна быть «всюду плотной» в обществе, то есть иметь контакты с ключевыми осуществляющими деятельность хирамами и габитомами общества. Если какая-то сеть в осуществлении своей деятельности не взаимодействует с управляющей габитомой и составляющей её хирамами, то она потенциально является угрозой для них, т.к. её ходы не обрабатываются контрходами управляющей сети; при этом в силу принципа ограниченности ресурсов такие сети существуют всегда.

Итак, *сети побеждают сложность*. «Логика сетей — это диалектика целого и части. Проверяется максимально возможное количество деталей; затем собирается приближенная большая картина; она проверяется дальнейшими деталями и корректируется. И так до бесконечности: все новые и новые детали постоянно изменяют большую картину — и наоборот»². Оценка сети может быть проведена снизу (рангом или соотношением

¹ Экономов И. Важные задачи [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://trv-science.ru/2017/12/05/vazhnye-zadachi/>. (Дата обращения : 2017.12.05).

² Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — Москва : Издательство АСТ и др., 2004. — 412 с — С.9.

связности и стоимости в ресурсах) и сверху — общим объемом подлежащей освоению энергии. Учитывая, что «заброс сети», т.е. построение сети требуемой сложности снова требует ресурсов, то лучше сразу забросить сеть удачно, «живуче», т.к. остальные итерации будут объективно хуже, поскольку на них останется меньше ресурсов, если вообще останется. Отсюда и уже подчеркнутая ранее важность управления процессом познания, которое в итоге будет давать наилучшие решения сразу.

Масштабируемые почти-инвариантные (мульти- и квазифрактальные) сети — это основной инструмент укрощения физической сложности и производства новой сложности (развития). «Скажем ещё раз, что научные теории — это наши человеческие изобретения. Это своеобразные сети, приспособленные для схватывания реального мира. <...> Теории-сети предназначаются для достижения истинного знания»¹. А.В. Олескин пишет о «сетевой революции», в связи с которой объективно возникает необходимость создания — как в нашей стране, так и в глобальном масштабе — специальных метасетей-медиаторов (своеобразных аналогов биомолекулярных шаперонов²) в социуме. Они могут разрабатывать желательные сценарии сетевой революции и оптимизировать возникающее сетевое общество, добиваясь гармоничного конструктивного взаимодействия разных сетей между собой и с несетевыми структурами (иерархиями, (квази)рынками)»³. Т.А. Нестик полагает, что «в сетевом мире наиболее востребованными становятся не различные виды специального интеллекта, а прежде всего метакогнитивные способности, которые, по-видимому, во все времена лежали в основе человеческой мудрости: контроль личности за состоянием своих интеллектуальных ресурсов и саморегуляция процессов переработки

¹ Овчинников В.Ф. Принципы теоретизации знания / В.Ф. Овчинников. — Москва : ИФ РАН, 1996. — С.182.

² Шапероны — специфический класс белков, которые необходимы для эффективного формирования структуры цепей других белков, но не входят в состав конечной белковой структуры.

³ Олескин А.В. Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия / А.В. Олескин. — Москва : URSS, 2016. — 200 с.

информации. В первую очередь это касается открытости к новому; способности организовывать свою работу в условиях, когда информация недостаточна, избыточна или противоречива; осведомленности об ограничениях своей компетентности, качествах своего ума и необходимости дополнения их способностями и знаниями других людей»¹. И.Ф. Михайлов, ссылаясь на коннекционистскую теорию сознания К.В. Анохина, чей научный потенциал, по его мнению, трудно переоценить, указывает, что «сетевая парадигма <...> имеет все основания претендовать на роль трансдисциплинарной методологии, применяемой в исследовании сознания и общества»². Управление своими ресурсами в условиях их сложной ограниченности предъявляет довольно жёсткие требования к когнитуре деятеля, выяснение факторов формирования которой, по нашему мнению, является ключевой задачей гуманитарных наук.

Михаил Эпштейн в книге «От знания к творчеству»³ пишет об «обречённости» гуманитарных наук на конструирование и трансформирование своего предмета, при этом отмечает, что «самым креативным, лаконичным, энергичным жанрам интеллектуального дискурса нет доступа в академическую науку и прессу»; он указывает на необходимость «гуманитарного изобретательства», которое, по всей видимости, должно начаться с освоения (во многом повторного) самых разных форм и жанров донесения мысли, в том числе и философской. При этом требования энергизации, заряженности, вдохновения плохо совместимы со сложившимися в гуманитарной науке представлениями о философских и гуманитарных текстах, — но, коль скоро проблема реформы гуманитарного познания так серьёзна, как об этом пишут, то разве не следует считать, что в её решении все средства будут хороши («anything goes», П. Фейерабенд)? И

¹ Нестик Т.А. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу / Образовательная политика. № 7–8 (45–46). 2010. С. 19–30.

² Михайлов, И.Ф. Человек, сознание, сети / И.Ф. Михайлов. — Москва : ИФ РАН, 2015. — 196 с. — С.184.

³ Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — (Серия «Humanitas»).

что центры гуманитарных инноваций, новые дисциплины и научные направления, описанные Михаилом Эпштейном — это минимальные, наиболее поверхностные из возможных и требуемых изменений, которые должны касаться самых основ гуманитарного мировоззрения, а не только его организационных или эпистемологических проявлений?

Ограничение и самоограничение формы изложения идей, безраздельно и неосознаваемо царящие в научной литературе и периодике, в нынешней ситуации равносильны устранению и самоустранению из процесса гуманитарного творчества, эпицентр которого вот-вот покинет академическую науку, если уже не покинул. Можно предсказать, что если философия и гуманитарные науки в целом не «пойдут в наступление», не начнут осваивать новые формы, средства, практики, пространства, то этот невынужденный эскапизм закончится их капитуляцией, забвением, крахом, подчинением «позитивности», что, по многим оценкам, может повлечь духовную катастрофу уже всего человечества. При этом нельзя сказать, что таких попыток, осознанных и стихийных, не совершается вовсе, и не только в гуманитарных науках: так, в журнале «Вестник ветеринарии» (входит в список ВАК) с 2001 года в рубрике «...а может, и не шутка» регулярно публикуются статьи сотрудников вымышленной «Лаборатории исследования нестандартных явлений природы (ЛИНЯП)», посвящённые особенностям строения, жизни и поведения инопланетных и иномерных организмов, таких как «ляпнезии», «шалты», «схинники»; выпускниками философского факультета МГУ издаётся журнал «Финиковый компот», старающийся «поддерживать баланс между научной и популярной философией»; есть и менее однозначные примеры, такие, как статья В.Б. Родоса «Дарвинизм», опубликованная в «Вестнике Томского государственного университета» в 2008 г. (Вот небольшой отрывок из неё, дающий некоторое представление если не о содержании, то о стиле: «Впервые я услышал о дарвинизме, о теории эволюции, о происхождении видов, когда был младшим школьником.

В классе третьем, четвертом. Может, я и раньше слышал, но не обращал внимания, не брал в голову; я датирую именно время, когда это попало в мои мозги, затронуло разум, потрясло на всю жизнь. Первичная информация была примитивной, самой детской: мы — люди — произошли от обезьян, выродились из них. В том числе Пушкин. Конечно, немножко обидно, но зато общий восторг. И вот в какую сторону меня унесло»).

Одной из ключевых проблемой в современной отечественной и мировой науке, на наш взгляд, является проблема меж-, мульти- и трансдисциплинарных исследований. Проблема *-дисциплинарности и *-дисциплинарных взаимодействий (символ * обозначает приставки меж-, поли-, мульти-, транс- и т.п.) лежит значительно глубже, чем это принято считать, и имеет гораздо более масштабные возможные последствия. Опираясь на достижения сложностно-сетевой парадигмы, можно предложить вместо проблемы *-дисциплинарных взаимодействий ставить и рассматривать проблему *дизайна науки*, имеющего своей целью быструю «состыковку» представителей разных научных дисциплин с целью решения сложной проблемы, что даст необходимую степень разнообразия.

«Новая философская энциклопедия» даёт следующее определение научной дисциплины: «Дисциплина научная (от лат. *disciplina* — учение) — базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии»¹. Из этого определения неясен источник интересующей нас проблемы, поэтому требуется другое определение, например, такое: «Дисциплина научная — позитивно понимаемый исторически сложившийся, а также институционально и социально одобренный набор ограничений в видении

¹ Мирский Э.М. Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия. Т.1. — Москва : Мысль, 2010. — С.672.

проблемы, которые принимает, накладывает на себя решатель в целях экономии ресурсов, в первую очередь интеллектуальных».

Иными словами, научная дисциплина — это в первую очередь своё, особым образом ограниченное, видение проблемы. «Границы моего языка определяют границы моего мира»¹ (Л.Витгенштейн). В этом свете становятся более понятными проблемы *-дисциплинарных взаимодействий: учёные разных отраслей науки, буквально, по-разному видят мир; общим же языком для них может служить только обыденный, что не без оснований воспринимается ими как профанация.

Междисциплинарные исследования принято хвалить: «Междисциплинарность — та самая характеристика науки, в которой контекст открытия получает свое институциональное обоснование <...> м-исследования реализуют в первую очередь коммуникативные ситуации понимания и творчества смыслов, отличающиеся от габитуальных коммуникаций, в которых смыслы уже артикулированы и объективированы, «остановлены» в теориях и приборах»² (И.Т. Касавин). Видна оппозиция: «меж-» и, в целом, *-дисциплинарность, с одной стороны, и габитуальные, смысло-стабильные коммуникации, с другой. Реальность науки, особенно отечественной, приводит нас к выводу, что габитуальных коммуникаций (внутри дисциплин, по «проторенным» дорожкам) явно недостаточно. Многоаспектный кризис в науке, падение престижа, сокращение финансирования и обострившаяся за него борьба внутри самой науки, — может ли со всем этим совладать *-дисциплинарный подход? Является ли меж-, мульти-, поли- и трансдисциплинарность той волшебной таблеткой, которая излечит нашу науку, выведет её на дорогу открытий, повысит

¹ Витгенштейн, Л. и др. Языки как образ мира / Л. Витгенштейн и др. — Москва : Изд-во АСТ, 2003. — 576 с. — С.5.

² Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — С.355.

присутствие в мировом индексе цитирования с унижительных двух процентов до более удовлетворительных значений?

Ответ: и да, и нет. «Да» потому, что спорить со словами И.Т.Касавина бессмысленно, и открытия действительно совершаются на стыке, и нет никаких оснований считать иначе, равно как и полагать, что открытия нам не нужны. «Нет» — потому, что наше текущее понимание *-дисциплинарности во многом умозрительно, формально, абстрактно, не имплементировано (и неимплементируемо) в живую реальность академических и университетских коммуникаций, и в целом носит характер благопожеланий, существенно оторванных от жизни. Решения о финансовой поддержке *-дисциплинарных исследований проходят с трудом, для них требуется влияние и авторитет в какой-либо конкретной дисциплинарной области (парадокс, если вдуматься), которая, как правило, и будет выступать «целеполагающей» дисциплиной, в терминах Ильи Теодоровича. В целом *-дисциплинарные инициативы, по наблюдениям автора, гаснут ещё на этапе предварительного обсуждения: «интересно, но денег на это не дадут».

Получаем, что *-дисциплинарность нужна, необходима, но наука сопротивляется ей как на самом нижнем уровне 1-1 коммуникаций (разные языки), так и на уровне принятия решений и финансирования (трудность, а то и невозможность экспертизы). На промежуточных уровнях взаимодействия «кафедра-кафедра», «институт-институт» дела обстоят не лучшим образом: отдельные примеры скорее подчеркивают общую картину как дисциплинарной ригидности, разогнанности по своим кельям, так и «роль личности в науке» и в отрицательном, и в положительном смысле. Эта проблема осознаётся и самими учёными: можно ещё раз сослаться на статью, где Д.Г. Подвойский пишет «давайте дружить» — и это между достаточно

близкими дисциплинами, социологами и социальными философами¹. «Единство науки дробится — возникает кастовость, формируются цеховые, а значит и ограниченные интересы, сковывающие мысль. Анализируя интеллектуальную ситуацию в современной ему науке, А.И. Герцен писал: «Истинное осуществление мысли не в касте, а в человечестве». Цеховой ученый из-за своего частного предмета не видит науки, он свой узкий предмет считает наукой. А специализация скоро дойдет до того, что «жарящий форели не будет уметь жарить карпа».²

Для решения поставим вопрос следующим образом. Возможно, *-дисциплинарный подход, как не затрагивающий «святая святых» — суть и содержание дисциплин, — вообще не предназначен для результативной (т.е. в первую очередь массовой) научной коммуникации. Проблема может заключаться именно в герметичной организации дисциплинарного знания, собственно, принесшей этому знанию и успех, и результаты, но при этом не имеющего развитых и более или менее универсальных подсистем «стыковки» с другими дисциплинами. При этом «только коммуницируемые знания могут стать общественным достоянием, — пишет И.С. Алексеев, — только то, что может быть передано однозначно другим людям, сможет затем использоваться в качестве концептуальных средств воспроизводства соответствующей деятельности»³. Речь, впрочем, идёт не столько о популяризации знаний и даже не о science и/или scientific communication, а о более широком взгляде, согласно которому, как минимум, учёный(-е) какую-то часть своих ресурсов должны посвящать именно *-дисциплинарной оснастке (дизайну) своих теорий, а в пределе — сразу должен мыслить *-дисциплинарно. (Современные м-исследования, с этой точки зрения, образно можно сравнить с постройкой одного дисциплинарного «чума» на другом, в

¹ Момджян К.Х и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х.Момджян, Д.Г.Подвойский, В.С.Кржевов, А.Ю.Антоновский, Р.Э.Бараш // Вопросы философии. — 2016. — №1. — С.17-42.

² Овчинников В.Ф. Принципы теоретизации знания / В.Ф. Овчинников. — Москва : ИФ РАН, 1996. — С.144.

³ Цит. по Овчинников В.Ф. Указ.соч. — С.81.

то время как на самом деле требуется расчистить площадку и возводить нормальную пятиэтажку).

Иными словами, задача стоит так: учёные должны научиться быстро объединяться для решения научных проблем, и решение лежит в направлении коммуникативной оснастки научных теорий и дисциплин, их перевода на «общенаучное» эсперанто, которое, собственно, и нужно создать. Мы полагаем, что разработка принципов такого дизайна науки, а также обсуждение, апробация путей его воплощения, внедрения в академическую реальность — это задача в первую очередь философии, и в целом гуманитарных наук, которые, к слову, в ходе её решения имеют все шансы вернуть себе былой престиж и подлинное влияние.

Можно указать некоторые детали такого воплощения. Процесс успешной «дизайнизации» науки, скорее всего, будет иметь вирусный, лавинный, самоорганизованно-критический характер. Он с необходимостью будет связан с самосотворением, аутопоэзом соответствующих хирам, или интеллектуально-деятельностных сетей, и, согласно нашим соображениям, его начальный этап будет иметь место в пространстве интеллектуального внимания Р. Коллинза, а первые пробные имплементации, воплощения её в деятельности, вполне вероятно, состоятся в философской среде. Проще говоря, именно в философии может быть разработан коммуникативный дизайн науки, показан «на себе» (на философии), продемонстрирована его успешность, бóльшая адекватность, и начато его распространение среди других дисциплин. В.Ф. Овчинников: «Философы как-то не замечали насущной, жизненно важной задач философской мысли искать и находить принципы объединения многообразного в человеческой деятельности, *в человеческом мышлении*»¹ (курсив наш — Ц.Ж.).

Итак, по нашему убеждению, нужно исходить из того, что философии и гуманитарным наукам, чтобы быть услышанными и, в перспективе,

¹ Овчинников В.Ф. Принципы теоретизации знания / В.Ф. Овчинников. — Москва : ИФ РАН, 1996. — С.209.

поддержанными (внедрёнными в план практик, ролей и, далее, габитуса) придётся существенно повысить не столько количество и качество высказываний, сколько разнообразие форм и каналов их представления, где ключевыми критериями станут ясность, убедительность, доходчивость, простота. Это не означает профанации их методов и достижений, напротив — это усложнение и умножение вариантов актуального бытия подлинно гуманитарной мысли, которой «пора вернуть эту землю себе» (Б.Б.Гребенщиков), во имя сохранения состояния сложности, далёкого от теплового равновесия, в котором пока ещё пребывают человек и человечество.

Выводы. Основная идея параграфа заключается в том, что управление сложностью осуществляется через сети; Р. Коллинз показал, что развитие знания внутри сообществ носит характер сети, разбиваясь на преимущественно «горизонтальные» отношения противоречия и преимущественно «вертикальные» отношения учитель-ученик. Интеллектуальные сети влияют на общество через деятельность, которую осуществляют другие, связанные с ними сети; оба вида сетей объединяются в интеллектуально-деятельностные сети, или же, по терминологии А.В. Олескина, хирамы (High Intensity Research, Activity and Management Assocoation; «исследовательское, деятельностное и управленческое объединение высокой интенсивности»). Структура когнитивно-социальной динамики в этих координатах имеет три слоя: интеллектуальный, деятельностный и, уже рассмотренный ранее, габитуальный. Идее, нацеленной на изменение общества, таким образом, надо пройти три типа испытаний: выдержать проверку обсуждением в интеллектуальном сообществе, затем выйти в план деятельности и реализации, и, после этого, когда будет сформирована соответствующая хирама, сформировать новый габитус. Примерами таких идей, оказавших влияние на социальную реальность через работу интеллектуально-деятельностных сетей, может

являться идея экспериментальной науки, религия, демократия и др. Все эти идеи сформировали и свои сети, и свои габитусы.

Согласно принципу Эшби, управляющая реальностью сеть должна иметь ответ на любой ход реальности. В социальной практике это означает требование всюду-плотности управляющей хирамы, в противном случае растёт вероятность необработки вызова реальности ответом сети, что, при накоплении, влечёт риски социального крушения. Поскольку процесс познания реальности, судя по всему, не имеет границ, то наилучшей стратегией общества по выживанию будет обеспечение разнообразия и организация взаимодействия интеллектуально-деятельностных сетей. Это создаст «Рынок» интеллектуально-социальных инноваций, который, по Н.Н. Моисееву¹, является наилучшим вычислителем неопределенности. В качестве примера в параграфе рассмотрена интеллектуально-деятельностная сеть гуманитарных наук, которая на данный момент, очевидно, не имеет адекватных сильных ответов на кризис в обществе, управлении и науке в целом; одной из важных причин этому является дисциплинарная сегрегация, социальным аналогом и, по мнению автора, отражением которой является отсутствие доверия и рост нетерпимости в обществе. И если в науке это можно решить т.н. дизайном научных дисциплин, то в обществе, по всей видимости, надо всерьёз озаботиться не только коммуникативной оснасткой социальных инноваций, но и разработкой и поддержкой пространств диалога и совместной деятельности. Обсуждению этих и других требований к стратегиям управления сложными социальными процессами посвящён следующий параграф.

¹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Издательство «Аграф», 1998. — 480 с. — С.257.

2.3. Стратегии управления сложными социальными процессами

Сложность физического мира, который можно предварительно понимать как совокупность всех регистрируемых человеческим сознанием сигналов, не может быть освоена без определенного уровня предварительного освоения сложности социальной, т.е. взаимодействий среди человеческого сообщества. Иными словами, мы осваиваем природу только сообща, и характер этого «сообща» существенным образом отражается и сказывается на познании и преобразовании природы; такое состояние, по всей вероятности, продлится ещё достаточно долго. Социальная сложность, таким образом, в большой степени является пререквизитом освоения сложности природной (биологической, физической), что отмечает Н.С. Розов: «...направления заимствования вовсе не обязательно должны идти от концепций биологической эволюции к социальной, но также возможен и обратный вектор диффузии»¹; попытки полного игнорирования этого принципа ведут к опасным неравномерностям в отношениях сообществ, стран, наций, которые могут быть объяснены с помощью конструкта когнатуры: поскольку список проблем и список наличных ресурсов представляют собой единое целое, то преимущество в чём-то «стремится» себя реализовать, в буквальном смысле *создавая* проблемы для решения (например, преимущество в вооружении и организации тесно связывается с экспансионистскими устремлениями); подобные неравномерности, уже в отношениях «человек-природа» ведут к разнообразным экологическим проблемам, вплоть до настоящих катастроф. «Экологический императив» Н.Н. Моисеева — одна из попыток подхода к этой группе проблем: «Стратегия Разума — это прежде всего стратегия обеспечения будущего человечества»², которая понимается как обеспечение совокупности условий, нарушение которых будет иметь для человечества

¹ Розов Н.С. Колея и перевал. макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С.38.

² Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Н.Н.Моисеев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. —351 с. — С.247.

катастрофические последствия. Можно говорить о требовании включенности критериев локального решения в систему критериев глобальных, учитывающих интересы всего человечества как вида. А.С.Панарин также подчеркивает роль духовных факторов в глобальном развитии: «Все технические новации идут вниз по вертикали: новые духовные и мировоззренческие интуиции эпохи — новые фундаментальные идеи в науке — новые прикладные разработки — новые промышленные технологии. Следовательно, для того, чтобы повысить общественную управляемость технической среды с точки зрения новых приоритетов, требовалось бы не сокращать сферу науки, культуры и образования в качестве «избыточных» (как это впоследствии сделала "рыночная критика" социалистической индустриализации), а, напротив, всемерно активизировать весь накопленный духовный потенциал общества»¹.

С другой стороны, сложности ситуаций выбора таковы, что имеет смысл говорить не только о глобальной, но и о групповых и индивидуальных стратегиях по управлению или участию в управлении сложными социальными процессами. «Социология ассоциаций», описанная и противопоставляемая Б.Латуром «социологии социального», прямо утверждает, что, кроме воплощения акторами и взаимодействия этих стратегий, в обществе больше ничего и нет. Более того, сама «задача понимания и упорядочения социального должна быть оставлена самим акторам, а не взята на себя аналитиком»², что перекликается с этнометодологией Гарфинкеля, обнаружившей, что члены общества обладают полным словарем и полной социальной теорией, позволяющими понимать их поведение. У человечества, взятого как единый этнографический суперобъект, также нет внешнего аналитика, который бы был способен выйти за рамки и посмотреть со

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С.Панарин. — Москва : Эксмо, Алгоритм, 2004. — 640 с.

² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию /Б. Латур, пер. с англ. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2014. — 384 с. — С.38.

стороны; поэтому подход изнутри, вслед за акторами, представляется наиболее перспективным, если вообще не единственно реально возможным. (Можно разве что рассчитывать на появление сильного ИИ, искусственного интеллекта, который сумеет построить «внешнюю» социологию человечества). Попытки встать на позицию трансцендентального наблюдателя¹, составляющего «посторонний» отчёт о социальном мире, хотя и доказали свою эффективность с точки зрения борьбы со сложностью «вообще» (особенно в естественных и технических науках), но в плане деятельности ведут к снятию какой-либо ответственности за решения, принятые на этом основании — так как субъект познания и действия, строго говоря, в этом случае *не является человеком и человекомерной сущностью*²: так, ответственность за атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки распределена между структурами, хоть и состоящими из людей, но к ним не сводящимися, не измеримых в людях. Поэтому мы считаем, что субъективизация деятельности, настоящее возвращение человека как он есть сейчас (а не только каким он может или должен быть) на сцену истории — это ключевое требование ко всем стратегиям управления сложностью.

Социальный субъект, пишет Н.И. Яблокова, «представляет собой социальное образование, детерминированное системой каузальных, системно-структурных и динамических связей и обеспечивающее равновесие и поступательное развитие общественной системы в целом и отдельных ее частей. Он выражает себя в деятельности, обеспечивающей его связи и взаимодействие с внешним миром»³. Он одновременно и «...»встроен» в

¹ Мы пользуемся термином «трансцендентальный» в том смысле, который в него вкладывает С.Л. Катречко в исследовании кантовской философии: «Трансцендентальное располагается на границе опыта, что позволяет обозреть возможный опыт целиком, и применять его двояким – имманентным («внутри») и трансцендентным («вовне») — способом». См.: Катречко С.Л. О понимании термина «трансцендентальный» в кантовской философии // Философия. Язык. Культура. Вып. 5. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. — 566 с. — С.22-34.

² Вполне типичный пример сдвига сознания, в данном случае в сторону экологии, демонстрирует исследователь из Санкт-Петербурга, спокойно рассуждая о желательном снижении рождаемости и планируемом сокращении населения по крайней мере (!) в 10 раз с целью уменьшения потребления ресурсов планеты: Макарьева А. Чтоб не обрушить мирозданье // Наука и жизнь. — 2009. — №8. — С.2.

³ Яблокова Н.И. Социальный субъект в условиях глобализации / Н.И. Яблокова // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — №3. — С.52-57.

общественную систему, и вместе с тем «строит» эту систему, обеспечивая своей деятельностью её функционирование и развитие». Это полностью согласуется с описанными в предыдущем параграфе характеристиками интеллектуально-деятельностных сетей (хирам), предложенных нами для рассмотрения в качестве субъектов социального развития. Далее, подчеркивая дискуссионность тезисов и о детерминированности субъекта системой (что, собственно, отражено и в тексте Н.И.Яблоковой), и об обеспечении равновесия и поступательного развития, отметим, что стратегии управления сложностью (в первую очередь сложными социальными процессами) действительно подразумевают как наличие субъекта (актора и целеполагателя стратегий), так и его стремление к сохранению (в широком толковании), которое, в свою очередь, может и должно дополняться стремлением к изменению, развитию, точную меру которого науке ещё предстоит выработать (например, исходя из образов желаемого будущего, или, иначе, футуруцентризма).

Каждое общество характеризуется определенным «набором» субъектов (сетей, хирам, по нашей модели), их качеством, их субординационными и корреляционными зависимостями, отношениями сотрудничества, согласия или конкуренции, конфликтности. Ясно, что «хирамный» спектр какого-либо общества настолько же уникален, как его «когнатурный» спектр; соответственно, задача развития общества не может быть решена для всего общества сразу и навсегда, а решается каждый раз для конкретного сообщества. «Совокупность субъектов и их связи определяются типом и уровнем развития общества, характером социальных отношений, конкретно-исторической ситуацией. Процессы глобализации оказывают существенное влияние на социальные субъекты — как индивидуальный, так и совокупный, на их сознание и деятельность, на их изменение, на их

иерархию и пр. Изучение этого влияния — специальная, большая проблема»¹. Аналогично, ещё в конце прошлого века представители социальных наук, исследовавших российское Настоящее, столкнулись, по мнению Ю.И. Прохоренко, «или с феноменом, не укладывающимся в общенаучную картину социальной реальности, или с неадекватностью научно-познавательных средств, или с тем и другим одновременно»². Цитируя социолога А.И. Зимина, признавшего субъектность этой реальности, автор далее призывает к адекватному отображению социальной реальности, изучению её во всех противоречиях и созданию на этой основе российской социальной теории. Нет нужды уточнять, что схожие соображения, в конечном итоге заявляющие о необходимости новой сильной парадигмы в гуманитарных и, в первую очередь, в социальных науках, актуальны и по сей день.

Исследователями подчеркивается и практический, даже прикладной смысл разработки проблематики социальности в целом, поскольку «дисциплинарное сектантство» означает в итоге фактический (принципиальный или невынужденный) отказ от управления суперсубъектом-человечеством, и ведёт к возрождению сценария «Левиафана и Мета-Левиафана, пожирающего, «ничтожащего» не только личность и бытийные основания общностей, но и основания государств и форм социальности, составляющие основу подлинно человеческого бытия». Мы уже видим грозные отголоски таких сюжетов в тотальной прозрачности нашей жизни для государств и корпораций, в информационных эпидемиях «хайпа» и других форм коллективной иррациональности и антирациональности, разрушающих жизни людей и ведущих к деградации социального. Нашу задачу управления сложностью и сложными социальными процессами, таким образом, можно

¹ Яблокова Н.И. Социальный субъект в условиях глобализации / Н.И. Яблокова // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — №3.. — С.52-57.

² Прохоренко Ю.И. Социальная реальность: социально-философские аспекты практических, методологических и теоретических проблем / Ю.И. Прохоренко // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2009. — №1. — Т.1. — С.20-27.

переформулировать как задачу возвращения (или установления) контроля над социальным «суперзверем», и, согласившись, что субъектами, решателями этой задачи будут несколько (а может и множество) интеллектуально-деятельностных сетей, хирам, взаимодействующих между собой, сделаем вывод, что решение её начинается с обсуждения и выработки оснований для стратегии их роста и взаимодействия. Говоря образно: если мы обречены становиться «чем-то социальным», то пусть это «что-то» будет человеческим.

Эти основания накладывают требования на множество всех возможных в данном случае стратегий, ограничивая их и отбрасывая те, которые заведомо приведут нас к нежелательному результату, если вообще приведут. Конечно, теоретически мы можем открыть и освоить множество самых разных познавательных и управленческих инструментов в самых разных аксиологических, этических направлениях, но принцип глобальной ограниченности ресурсов указывает, что растрата энергии (эмоционального и интеллектуального капитала, по Р.Коллинзу) на тупиковые направления стратегирования существенно сократит окно возможностей для разработки перспективных; кроме того, известно, что не только деятель управляет инструментом, но и инструмент формирует деятеля (через, собственно, деятельность в первую очередь) — следовательно, важность выбора «правильного» инструмента (в нашем случае стратегии) критически высока: *речь идёт о формировании субъекта стратегии через выбор этой стратегии.* На более низком уровне абстракции задача стратегического освоения сложности и социального развития заключается в вопросе «куда»: куда развиваться, какие инструменты осваивать, и какими направлениями жертвовать, оставляя их в «законсервированном» состоянии. В практическом, «земном», прикладном смысле стратегия социального развития означает поиск основания для эффективного объединения в более глубоких фундаментальных вещах, чем кровная, географическая, экономическая, языковая или какая-то ещё необходимость. Такой поиск небезболезнен,

требует пересмотра многих и многих некритично усвоенных или устаревших презумпций, поскольку невозможно отрицать существование парадигм развития, или управленческих парадигм, парадигм социального проектирования. Они представляют собой комплекс убеждений, теорий и основу для оценки и принятия решений, в том числе и стратегических. Парадигмы эти характерны тем, что, как правило, принимаются субъектом до оценки и до принятия всех решений, они им предшествуют и крайне редко проблематизируются. Так, можно говорить о существовании экологической парадигмы, требующей принятия решений, которые запрещают действия, которые могут повредить экологии; есть промышленная парадигма, в которой любой промышленный объект и сопричастность к нему суть благо, и т.д. Парадигмы имеют разную силу, заключающуюся в степени влияния на принимаемые решения и предпринимаемые действия. (Например, закрытие ЦБК было победой экологической парадигмы, а его повторный запуск — реваншем промышленной и социальной). У лиц, принимающих решения, существует собственная мета-парадигма, которую описал А.А. Зиновьев: она заключается в стремлении сохранить влияние, для этого ей необходимо представлять реальные интересы какой-то группы людей. Власть, по его заключению, принимает какую-либо парадигму, исходя именно из задачи самосохранения себя как власти. Например, в данный момент власть не принимает экологическую парадигму, так как она противоречит промышленной и парадигме благосостояния (экономической), что угрожает возможностям субъектов власти продлить своё текущее состояние. Реальная задача власти — не развитие и усложнение, а сохранение себя в качестве власти. Социальное развитие, теории, решения — рассматриваются ею как инструменты продления своего существования как власти; именно в таких непростых условиях мы приступаем к разработке решения задачи, где на кону стоит не более и не менее как будущее страны, и, далее, человечества.

Для России глобальный кризис, по мнению ведущих отечественных и зарубежных экспертов, означает, что крупнейшие экономические державы мира, в первую очередь это США и страны Западной Европы, будут пытаться купировать его последствия за счет других стран, например, с помощью развязывания военных действий в разных точках земного шара. Судя же по конкретным событиям последних лет, основной «точкой сброса» уже назначена Россия: с помощью финансовых санкций нас изолируют от мирового капитала; посредством внеэкономического влияния на цены энергоносителей делаются попытки угнетения экономики; а беспримерная по своим масштабам и лицемерию медиакампания по очернению России в глазах мирового сообщества, удивительным образом коррелирующая с проводимой политикой недружественных выпадов и глобальных провокаций по типу событий на Украине, имеет далеко идущие цели оправдания любых действий в отношении нашей страны; А.Н. Постников, рассуждая о противостоянии классов в том числе и в современной России, пишет об информационной войне как абсолютном оружии, чей диапазон ничем не ограничен¹. Россия, таким образом, «должна» встретить пик кризиса в следующем состоянии: изолированной от мировых денег, с подавленной экономикой, с плохим международным имиджем. Разумеется, по каждому из этих направлений нашим государством ведётся работа (курс на освобождение от доллара во взаиморасчётах с третьими странами, в первую очередь с Китаем, взвешенная финансовая и монетарная политика внутри страны, действия МИДа, закрепление и развитие успеха телеканала RT), но результативно противостоять совокупной политической, финансовой и информационной мощи стран Запада — задача не просто крайне тяжёлая, на грани невозможного, но и требующая совершенно иного мышления, не укоренённого в предыдущих технологических укладах и социально-

¹ Постников А.Н. «Контрреволюция» в СССР: духовно-идеологический аспект. Монография / А.Н.Постников. — Ула-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. — 232 с. — С.84.

политических траекториях. Опираясь на данные наук о жизни, заметим, что выживание и развитие начинаются с малых форм, их и надо будет изучать, воплощать и масштабировать — иными словами, стратегия развития это стратегия выращивая малых (поначалу), но живучих, перспективных сетей, социальных форм. Требованию «перспективности», «живучести» может ответить, на наш взгляд, только настоящая интеллектуальная работа высокого уровня сложности, проведённая предварительно.

Возвращаясь к вопросу развития, вспомним, что Кен Уилбер писал: «Подход с позиции развития исходит из понимания того, что существуют многие различные ценности и мировоззрения; что некоторые из них более сложны, чем другие; что многие проблемы одного этапа развития можно разрешить лишь путем эволюции на более высокий уровень и что окончательно достичь социальной справедливости можно лишь признавая эту эволюцию и способствуя ей. Более того, если мы признаем, что все эти «матрицы ценностей» потенциально доступны каждому индивиду, становится понятно, что причины социальной напряженности связаны не с цветом кожи, экономическим положением или политическим влиянием, а с *типом мировоззрения*, исходя из которого действует человек, группа людей, клан, племя, деловой мир, правительство или страна. Как говорит Бек: «Суть не в типах людей, а типах (мировоззрения. — Ред.) у людей»¹.

Стратегия управления сложностью должна учитывать эти две группы требований: глобальный экологический императив и принцип локальности, присутствия субъекта, связанности его как с ситуацией, так и с последствиями решения через его когнатурно-габитуальную оснастку, мировоззрение, менталитет. Это означает осведомлённость субъекта об оценке последствий его действий, что, с учётом ограничений нашего мозга, влечёт требование упаковки/донесения достоверных знаний до уровня «среднего деятеля» без

¹ Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — Москва : Издательство АСТ и др., 2004. — 412 с — С.36.

существенной потери эффективности, а также вскрывает проблему доверия не только между обществом и наукой, но и в целом как основы совместной деятельности. В идеале деятель, в свете этих требований, предстаёт как локальный аватар суперсубъекта, глобального человечества, действующий во имя его интересов и будущего (кем он с точки зрения «идеального постороннего наблюдателя» и является). Этот суперсубъект отличается от трансцендентального наблюдателя тем, что он конкретен (хоть и очень велик) и постигаем, в то время как т-наблюдатель не только почти всегда остаётся за кулисами акта познания, но и несвободен от подозрений в ангажированности его конкретным носителем, его историей и обстоятельствами. Так, П.Бурдьё, рассуждая о своих попытках ограждения себя от «folk theories» с помощью включённой объективации, замечает¹: «Это первое сознательное и методичное упражнение в рефлексивности стало, конечно, пунктом отправления в нескончаемом перемещении туда-обратно *между рефлексивным моментом объективации первичного опыта и активным моментом инвестирования этого опыта*, подвергнутого таким образом объективации и критике, в акты объективации, все более и более далекие от этого опыта. Без сомнений, именно в этом двойном движении потихоньку создается *научный субъект*, который одновременно является и «антропологическим оком», способным уловить невидимые отношения, и (практическим) самообладанием, основанным, например, на постепенном разоблачении «scholastic bias», <...> и его следствий» (*курсив наш — Ц.Ж.*). Таким образом, вариант разрешения возможного конфликта между интеллектуальным и деятельностным планами реальности может быть следующим: критический обзор совершается с позиции (позиций) «постороннего» трансцендентального наблюдателя, но решения принимаются исходя из реально (т.е. научно) познанных интересов субъекта и суперсубъекта, а также их будущего. Взаимодействие

¹ Бурдьё П. Включенная объективация / П.Бурдьё, пер. с фр. // Социологический журнал. — 2011. — №2. — С.21-38.

трансцендентального наблюдателя и практического деятеля осуществляется посредством процедур, схожих со включенной объективацией Бурдьё. В свете наших задач поиска оснований стратегий управления сложностью можно говорить о футуроцентрической парадигме в принятии решений, базирующейся в решениях в настоящем на совокупности всех познанных возможных последствий (т.е. будущем).

А.С.Панарин указывает на *производство* стратегической нестабильности, которая «...является следствием стратегической игры, в которой участвуют две стороны: сильный и слабый, *ведущие себя одинаково неадекватно*. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, не с естественной изначальностью ситуации нестабильности, а с ее общественным производством, в котором задействованы обе стороны»¹ (*курсив наш — Ц.Ж.*). В сочетании с принципом «нет действия — нет группы» (Б. Латур), можно заключить, что общество, как в стабильном, так и в нестабильном состояниях, во многом представляет собой процесс, что окончательно размывает границу между его существованием и изменением. В зависимости от ресурсной обеспеченности, в обществе всегда идут интеллектуальные процессы той или иной интенсивности в пространстве интеллектуального внимания; часть из них становятся практиками; наконец, часть последних становятся габитусами или модифицируют их. Конструктивная стратегия управления социальной сложностью, таким образом, существенным образом сводится к стратегиям выращивания хирам, сетей из интеллектуалов и деятелей; успех их будет зависеть от познанности этими сетями будущего, понимаемого как совокупность всех возможных последствий принятых решений. При этом субъект стратегии в этом случае не является «посторонним», а скорее «растворён» в хираме, которой к тому же на момент создания ещё просто не

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С.Панарин. — Москва : Эксмо, Алгоритм, 2004. — 640 с. — С.9.

существует, что напрямую перекликается с концепцией аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы.

Принцип возвращения субъектности деятелям, актерам, исполнителям стратегии управления сложностью, таким образом, не является исключительно благопожеланием или соображением этического характера, а представляет собой требование, связанное с необходимостью повышения адекватности и, как следствие, контроля над нестабильностью. С.А. Кравченко (МГИМО) пишет о движении в направлении гуманизации сложного общества в противовес отчётливо намечающейся смычке естественных и социальных наук, которая может стать стратегическим ориентиром развития страны¹. Естественным наукам в борьбе за ресурсы не обойтись без арбитра, равного им по глубине и озадаченностям, но принципиально к ним несводимого; у гуманитарных наук, таким образом, есть место, которое они должны занять: «Без гуманитарной экспертизы современное научное познание чревато непоправимыми последствиями для человека и человечества»². Как показывает историческая и управленческая практика, осознанное, зрячее участие в производстве сложности резко повышает темпы и качество развития, адекватность и эффективность решения задач. Для распоряжения такими ресурсами требуется новый подход к стратегиям и тактикам развития, уже практически нащупываемый прикладными проектно-управленческими дисциплинами: технологии «agile», «канбан», «scrum» в той или иной форме пытаются использовать человеческие ресурсы наиболее эффективным образом, то есть через групповое взаимодействие, визуализацию и доступ всех участников к общей картине. Короткий манифест Agile стоит того, чтобы привести его полностью:

¹ Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — №1(28). — С.180-184.

² Корсаков С.Н. О проблеме совершенствования человека // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. Сб. статей. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — С.13.

Agile-манифест разработки программного обеспечения¹

Мы постоянно открываем для себя более совершенные методы разработки программного обеспечения, занимаясь разработкой непосредственно и помогая в этом другим. Благодаря проделанной работе мы смогли осознать, что:

Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов

Работающий продукт важнее исчерпывающей документации

Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта

Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану

То есть, не отрицая важности того, что справа, мы всё-таки больше ценим то, что слева.

Кроме того, есть 12 основополагающих принципов Agile-манифеста, раскрывающих подходы к работе². Среди них есть, например, такой: «Самые лучшие требования, архитектурные и технические решения рождаются у самоорганизующихся команд». Всё это, на наш взгляд, требует не просто философской рефлексии, но достойно стратегического переноса в сам процесс производства гуманитарного знания.

Опираясь на всё сказанное и в этой, и в предыдущей главе, можно сформулировать рамочный список требований, принципов, презумпций, предъявляемых стратегиям управления сложностью. В силу принципиальной ограниченности ресурсов — материальных, энергетических, интеллектуальных, коммуникационных, других — **управление сложностью всегда носит оптимизационный характер**, что означает необходимость упорядочивания задач по приоритету; эта же ограниченность ресурсов подразумевает сравнительно малое количество основных инструментов по обращению с реальностью в единицу времени. Когнатура, понимаемая нами

¹ Agile-манифест разработки программного обеспечения. — Режим доступа : <http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html> -- (Дата обращения : 28.02.2017).

² Основополагающие принципы Agile-манифеста. — Режим доступа : <http://agilemanifesto.org/iso/ru/principles.html> -- (Дата обращения : 28.12.2017).

здесь как совокупность, единство главных проблем и главных инструментов, выполняет роль ориентира при исполнении практик более высокого (конкретного) уровня. Наиболее эффективные стратегии, по нашей интуиции, разворачиваются на фундаменте и в рамках единой когнатуры (или же близких, сопряжённых когнатур, совокупности которых, следуя Н.С. Розову, можно назвать «гнездами когнатур»), которая выполняет роль окончательного арбитра, базы для взаимодействия.

Управление сложностью подразумевает в первую очередь **управление социальной сложностью**, субъектами изменения которой являются хирамы, интеллектуально-деятельностные сети. Рост и развитие такой сети происходит в трёх энергетически, масштабно и ресурсно различных аспектах, измерениях: пространстве интеллектуального внимания, деятельностном пространстве и пространстве габитуальном. Взаимные переходы между этими измерениями носят эмерджентный, самоорганизованно-критический характер, что подразумевает накопление определённой избыточности на уровне, с которого совершается переход, или, в терминах теории самоорганизованной критичности, лавина или обрушение. Модельная траектория роста хирамы, рассмотренная в предыдущем параграфе — от высказывания к габитусу — является аналитическим приближением и не отражает всего спектра возможных вариантов складывания интеллектуально-деятельностных сетей: хирама, чей рост направляется когнатурой, вполне может вырасти и в рамках какой-либо практики или габитуса.

С учётом положений этнометодологии, социологии ассоциаций и критики трансцендентализма стратегию выращивания интеллектуально-деятельностной сети следует понимать как **стратегию самосотворения, аутопоэза** этой сети. Эта стратегия определяется критериями подбора единомышленников, учеников и противников, которые опираются на список проблем, подлежащих решению, и наличных/требуемых инструментов их решения, т.е. на когнатуру. Вторым важным компонентом стратегии является

устранение недоверия, или, точнее, **производство доверия** между участниками сети, подразумевающее в первую очередь организационные усилия по элиминации нежелательных для участников последствий его нарушения. Третьим важным компонентом является агентность, «представление о человеке как сознательном участнике мировой эволюции, ответственном за результаты своей деятельности»¹, подразумевающей деятельностное осознание своей принадлежности и к человеческому виду, и настоящий **учёт интересов суперсубъекта-человечества** при принятии решений; несоблюдение этого принципа ведёт к эскалации конфликтов, которые, в силу описанного в 1 главе роста субъективности распоряжения всё большими объёмами энергии, угрожают если не всему человечеству, то существенной его части.

Ориентированность на **диалогичность, взаимодействие** — ещё одно ключевое требование к стратегиям управления сложностью. Фокус и стиль взаимодействия определяются когнатурой, которая, в свою очередь, формируется во взаимодействии биологических оснований и метафизической критики на всех этапах развития и деятельности хирамы. Когнатура создаёт поле, ориентирующее интеллектуалов и деятелей подобно магнитному, но не ограничивающее и не подавляющее их напрямую; она, таким образом, подразумевает или, точнее сказать, включает в себя доверие в определении Л.В. Сморгунова и А.С. Шерстобитова: «доверие — знание о том, что другие акторы сетевой коммуникации разделяют одни и те же ценности, имеют общие интересы, готовы к сотрудничеству и полностью соблюдают правила игры»². Презумпция диалога сдвигает парадигму управления от субъект-объектной к субъект-субъектной и, далее, к пансубъектной — каждый деятель, актор выступает полномочным агентом, аватаром субъекта

¹ Сандакова Л.Г. Информационно-технологическая парадигма образования: гуманистическая сущаность и концептуальные основы : автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Бурятский гос. университет, Улан-Удэ, 2003.

² Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. — Москва : Аспект-Пресс, 2014. — 320 с. — С.42.

управления, а объект «растворяется» в субъекте. Так пан- или сверхсубъектность деятелей подразумевает владение самыми передовыми положениями науки; отсюда следует проблема **дизайна научного знания**, понимаемого как совокупность форм её представления для наиболее эффективного использования на любом уровне принятия решений. Дизайн науки не сводится к проблеме научной коммуникации или популяризации её достижений, а представляет собой отдельную прикладную методологическую дисциплину из той же категории, что и правила написания научных статей, проведения экспериментов и владение математической статистикой, ориентированную на «дружелюбие науки к решателю» (decision-maker friendly science). Пока что задача представления научных результатов в удобной для принятия решений форме решается в частном порядке, в рамках отдельных проектов и, как правило, самими учёными и заказчиками; очевидно, что более системный подход значительно удешевит этот процесс, и позволит воспользоваться другим его результатами. Так, Т.М. Дридзе писала о «возникновении в социальной науке нового обширного поля научно-исследовательского поиска, ориентированного на интеграцию междисциплинарного научного знания в практику выработки социально значимых управленческих решений. Понимание целесообразности подобного вмешательства науки в социальную практику, в свою очередь, требует пересмотра целого ряда сложившихся предпосылок современной социогуманитарной и естественнонаучной эпистемологии, дробящей научное знание о природе, человеке и обществе на множество разнопредметных дисциплин»¹. Каждая дисциплина осваивает один узкий аспект реальности (включая и социальную реальность), представляющей собой связную ткань выборов, решений, действий, при этом каждый выбор можно улучшить только

¹ Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии. // Социологические исследования. — 2000. — №2. — С.20-28.

с учётом всей картины, целиком, а не только с помощью одной дисциплины, исторически связанной с этим выбором.

Дисциплины же, претендующие на глобальность (психология, биология, физика, с соответствующими парадигмами), утрачивают адекватность в ситуации локальных решений, поэтому состыковка всех достижений разных дисциплин, проекция, перевод их на язык локальной проблемы, согласование интересов разномотивированных социальных субъектов при выработке управленческих решений — это главная задача деятеля, для решения которой и требуется разработка нового поля научного поиска. Опираясь на метафору фрактала, можно сформулировать «фрактальные критерии» научной теории: теория на любом уровне должна давать результаты, приемлемые для этого уровня; теория должна допускать неограниченное уточнение результатов при уменьшении масштаба и сохранении структуры; у теории должен быть уровень, позволяющий освоить её человеку за сравнительно недолгий срок, с результатами требуемого качества. Поскольку требования к качеству результатов будут расти, то и теория будет модифицироваться и изменяться, порой радикально, но структура у неё останется та же: ядерный концепт, позволяющий фрактально освоить (произвести) требуемую сложность.

Можно сказать иначе, усилив это требование: есть веские основания полагать, что сама реальность (социальная, экономическая, природная) требует адекватного ответа, которого у нас, как выясняется, скорее нет, чем есть; ответом на вызовы реальности может быть только прорыв, в первую очередь прорыв в мышлении (слабая экономика, низкая плотность населения и проблемы в управлении являются частью вызова). Надежды на осуществление научного прорыва опираются в первую очередь на вполне материальный фактор: развитие систем коммуникации и информационных технологий, сдвигающее, по мнению Ю.С. Аржитовой, парадигму управления

от субъект-объектной к более эффективной субъект-субъектной¹. Интернет уже сейчас дает возможность либо обойти, либо упростить, либо значительно уменьшить влияние значительной части негативных факторов, действующих в науке и образовании: необходимость личных контактов, доступ к литературе и научным результатам, диалог с государством и обществом и т. д., во многом освобождая от оков географической, экономической и демографической предопределенности. Возможности сетей для подготовки и реализации научного прорыва практически безграничны, и в данный момент используются лишь частично, в соответствии со сложившимися в до-сетевую, индустриальную эпоху когнитивными, духовными ограничениями, которые и требуется преодолеть в первую очередь: «Выход из кризиса должен быть сопряжён с духовной революцией, с поиском новых ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество».²

Одна из ключевых проблем современной технико-технологической цивилизации, по мнению А.С. Панарина, заключается в том, что «в качестве развитого промышленного общества она требует ответственного человека, по-прежнему способного на напряженные профессиональные усилия, но в качестве торгового экономического общества она требует гедонистически ненасытного и безответственного человека, переориентированного с профессиональных на потребительские роли»³. Этот разрыв проник в самое сердце человека — зачастую и гедонистическая личность, и личность, осознающая (часто драматически) необходимость ответственности, сосуществуют в одном человеке. Такая раздвоенность в сознании не может не привести к таким же катастрофическим последствиям — и мы их наблюдаем в делении мира на богатый Север и бедный Юг, на суперкласс и остальных, на

¹ Аржитова Ю.С. Информационные технологии в управлении деятельностью социальных систем в условиях трансформации российского общества : автореф. дисс. ... канд. филос. н., Улан-Удэ, 2009. — С.7.

² Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. Сб. статей. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — С.41.

³ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С.Панарин. — Москва : Эксмо, Алгоритм, 2004. 640 с. — С.211.

потребителей и производителей. Более того, большинство людей не видят, или не хотят видеть, или не умеют решать, или не хотят решать возникающие проблемы. Отсюда желание «ускользнуть» от проблем в другую реальность, где нет проблем или кажется, что их нет: через габитус или сбросив решение проблемы на Другого. Худшей стратегией является желание уйти от реальности, лежащего в основе всех социальных девиаций, социальных болезней (алкоголизм, наркомания, уход в Интернет, в виртуальную реальность и прочие).

Конструирование стратегии по управлению сложностью может начинаться с любого из перечисленных выше требований, т.е. имеет множество «точек входа», выбор которой зависит от ресурсов социального конструктора. Так, группы учёных или философов могут начать с проблемы дизайна научного знания, занявшись «пересборкой» корпуса научных знаний во фрактальном, самоповторном ключе, допускающем его разноуровневое (разной глубины), но при этом эффективное освоение. Это даст возможность для разрушения «дисциплинарных заборов» и научного ригоризма, препятствующих совместному решению проблем, и подтолкнёт рост и производство доверия в смежных с наукой и философией областях. Акторы, владеющие полной научной информацией и связанные доверительными отношениями со своими интеллектуально-деятельностными сетями, вступают в агентные диалоговые взаимодействия с акторами других сетей, укрепляя связи между хирамами и образуя хираму следующего уровня, осуществляя процесс аутопоэза, самосотворения суперсубъекта — нового человечества, ноосферогенеза. Ограниченность ресурсов, отрефлексируемая в научном знании, даст основания действовать наиболее эффективным, ресурсно-адекватным способом, а также наметить пути поиска новых ресурсов для дальнейшего роста сложности путём её контролируемого, управляемого производства.

Также вход в конструирование стратегии может быть произведён в «точке» презумпции диалога. Находя формы диалога, более эффективные, чем противостояние, акторы также начинают формировать сопутствующие этому процессу интеллектуально-деятельностные сети. В науке диалогические процессы должны усилить производство и освоение нового, междисциплинарного знания; это повысит качество и «виральность» научного знания, что отразится и в его освоении обществом, которое в итоге получит более адекватное представление о ресурсной ситуации, и в итоге выработает наиболее оптимальное решение; при этом нацеленность на диалог в самом обществе должна способствовать созданию атмосферы доверия и кооперации, и постоянному производству новых интеллектуально-деятельностных сетей разного уровня, что соответствует метафоре Рынка как наилучшего Вычислителя неопределённости Н.Н.Моисеева. В этом случае стратегия также должна приводить нас к контролируемому и управляемому росту сложности окружающей нас реальности.

Выводы. Кратко подводя итоги второй главы, ещё раз отметим, что стратегия (стратегии) управления всей сложностью Вселенной вовсе не сводятся к управлению социальной сложностью целиком и не детерминируются ей, но *начинаются с него*. Иными словами, управление производимой всем человечеством сложностью (включающее в себя и управление и природой, и культурой) необходимым образом подразумевает управление социальной сложностью посредством создания, выращивания интеллектуально-деятельностных сетей. Обеспечение разнообразия этих сетей, их качества, роста, развития, взаимодействия — это и есть задача управления социальной сложностью. Вопросы, который должен себе задавать социальный инженер-проектировщик, таковы: «Чего нужно достичь? Какую хираму я должен построить? Каким образом и почему она достигнет нужной цели? Каковы вероятности и гарантии достижения цели, и как их можно увеличить?».

Любой прорыв в науке, технике, искусстве, ремеслах немислим без обеспечивающей его социальной сети; теорией и практикой построения таких сетей и следует заниматься тем, кто хочет выживания и процветания человечества. Это, на наш взгляд, довольно существенный сдвиг в научной и особенно технологической и технократической парадигме, до сих пор склонной к субъект-объектным отношениям: фокус на *создании не решения, но решателей*; этот сдвиг уже проявляется в попытках создать автоматические системы экспертизы и принятия решений, в моде на науку о данных и машинное обучение, и в других тенденциях современного познания. Заметим, что вопрос о том, создавать или не создавать решателей, даже не стоит — мы всегда и изначально создаём и будем создавать решателей; настоящий вопрос заключается в том, *каких именно решателей* наших проблем мы будем создавать из себя же самих и материи вокруг нас: будут ли эти структуры благосклонны к нам как индивидам, или мы будем лишь топливом для них, как в художественном фильме «Матрица»; будет ли их задачей и целью наше счастье, здоровье, жизнь и благополучие, или они будут преследовать свои собственные, далёкие от наших, цели, подобно лавине, движущейся по своим законам и безжалостно увлекающей с собой песчинки, из которых она рождена и состоит. Л.В. Гомбоева, опираясь на философию буддизма и античности, пишет о развивающей культуре и приводит список реальных действий для выхода из ситуации сырьевой зависимости: «1) преодолеть мировоззренческую недалёковидность, психологическую незрелость и неправильную расстановку политических приоритетов через популяризацию целостного мировоззрения; 2) формировать развивающую культуру и это должно стать государственной идеологией; 3) нацелить институты на формирование актора социального развития, обладающего такими этическими, интеллектуальными и гражданскими качествами как ясный ум, доброе сердце, творческая активность, а также гражданскими качествами, такими, как мужество, умеренность, великодушие и

справедливость»¹. Эффективное предвидение свойств эмерджентных явлений и структур, нами же порождённых (не только социальных), в целом запрещённое синергетикой, является для нас кантовским категорическим императивом — и в этом, на наш взгляд, заключается корень и ядро всей социально-философской и, шире, гуманитарной проблематики. Эта проблема решается только через пересмотр всей системы образования и, главное, наших представлений о нём, и невозможно не согласиться с Л.Г. Сандаковой, которая утверждает: «Решение данной задачи возможно лишь тогда, когда *все общество станет системой доступного образования личности и взрослого, и подрастающего человека, когда она станет школой без стен; без границ*»².

Выдающийся экономист Эрнст Шумахер в книге о «буддийской экономике» пишет: «Люди повсеместно спрашивают: «Что я могу сделать?» Ответ столь же простой, сколь и озадачивающий: мы можем, каждый из нас, *пытаться навести порядок в своих умах*»³. Мы понимаем это как прямое подтверждение ключевой роли когнитивного («ума») в процессе преобразования сначала социальной, а далее и всей реальности. Таким образом, производство сложности и управление ей начнётся, по нашему мнению, с осознания реальности наших когнатур и принципиальной ограниченности, временности габитусов, а также с работы по постижению природы и характера их взаимодействия, которое явит себя в наших выборах, решениях, и отразится в нашем общем будущем; вот начало длинного, но неизбежного пути к подлинному росту сложности и развитию человечества.

¹ Гомбоева Л. В. Развивающая культура: этико-политико-правовые основы // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12. — №1. — С.16–24.

² Сандакова Л.Г. Становление и развитие личности в образовательном пространстве современного общества / Л.Г.Сандакова // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвящённой памяти проф. В.А.Балханова. — Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.145-155.

³ Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Эрнст Шумахер, пер. с англ. — Москва : ИД ВШЭ, 2012. — С.351.

Заключение

В настоящей работе представлен один из возможных вариантов концептуализации проблемы взаимодействия, взаимовлияния и взаимовключённости содержания человеческого сознания и процессов развития общества, основанный на тезисах, гипотезах и достижениях как естественных наук, в основном принадлежащих к сложностно-синергетической парадигме, так и гуманитарных, сосредоточенных на уникальности каждого человека; основной акцент в исследовании сделан на управлении сложностью взаимодействия социального и когнитивного, которое осуществляется посредством постоянного производства особых когнитивно-социальных структур — интеллектуально-деятельностных сетей, призванных решать определённую проблему или круг проблем.

Основными априорными идеями, на которых базировалась данная работа, являются принцип ограниченности ресурсов и императив выживания человечества. Ограниченность ресурсов понимается не как «просто число» доступных нам вещества и энергии, но как многоуровневая и многомерная рамка сложных процессов, идущих на Земле, для каждого своя; она включает в себя организационные, информационные, когнитивные ограниченности, многие из которых носят принципиальный, категорический, сущностной характер. Выживание человечества толкуется в бентамовском ключе как выживание максимального числа людей, живущих в настоящее время, в течение максимального времени; такой гуманизм считается автором всё менее абстрактным в свете не только турбулентной глобализации и критических неравномерностей её распространения, угрожающих ему, но и достижений науки, в первую очередь медицины, способствующих его воплощению.

Автор считает, что сложность, энергоёмкость и темпы изменений выводят проблемы устройства будущего далеко за рамки утопических прожективных размышлений в духе Жака Фреско («Проект Венера»), на данный момент не подкреплённых серьёзными научными исследованиями.

Необходимость заняться освоением будущего настоящим образом спускается на уровень локальных и даже индивидуальных решений, которые, согласно изложенной в настоящей работе модели П. Бака, рано или поздно обрушиваются в «лавины» эмерджентной сложности. К управлению сложностью предъявляются всё более высокие требования адекватности, выражающиеся не столько в соответствии планируемых результатов фактическим, сколько в наилучшей *страховке от последствий незапланированных и непредвиденных*. Имманентно же присущая нам необходимость выбора, составляющая суть и основу жизни, переходит на более высокий уровень, выходит в следующее измерение: выбор, каким именно парадигмам мы должны следовать, на уровне глобальных стратегий прямо связан с выживанием суперсубъекта — человечества.

Одна из ключевых презумпций настоящего исследования состоит в том, что освоение (производство) социальной сложности не просто предшествует освоению природной, физической сложности, но и во многом предопределяет форму и процесс последнего. В предположении, что единицей, квантом социальной жизни является решение, деятельный выбор из двух и более конфигураций, где конфигурации эти суть продукт и феномен в первую очередь нашего сознания, а деятельность подразумевает способы обращения с ситуацией, решения проблем, способы осуществления выбора, которые также являются продуктом и феноменом нашего сознания, — мы полагаем, что решение опирается на актуальную картину мира, ядром которой является проблемная карта в единстве с инструментами решения главных проблем. Единство главных проблем и главных инструментов их решения (взаимоопределяющих друг друга), названное нами когнатурой, ограничено «магическим числом 7 ± 2 » Дж. Миллера и «законом малых чисел» Р. Коллинза, поэтому её деятельностная, выборная проекция в реальность всегда носит оптимизационный характер: мы накрываем видимую нам реальность вычислительно простой «фигурой» из выборов, складывающихся

далее, через лавинные механизмы самоорганизованной критичности, в более сложные конфигурации — фиксированные комплексы действий, практики, роли, регулярности, ритуалы. Этому процессу неразрывно соположен другой — образование интеллектуально-деятельностных сетей (хирам), участники которых воплощают и распространяют эти практики. Хирамы являются, по результатам настоящего исследования, основными субъектами социального развития, понимаемого как поисковые изменения сложности общества, ограниченные ресурсами; развитие, таким образом, тяготеет к ресурсным траекториям, существенно детерминировано энергетически-материальной структурой ситуации. На определённом этапе, подразумевающим требуемую степень разнообразия, связности и ресурсообеспеченности, практики складываются в габитусы (П. Бурдьё), упорядочивающие и порождающие практики структуры, а хирамы вырастают в габитомы (понятие, родовое по отношению к «классам», «прослойкам», «стратам» и т.д.).

Управление процессом изменений в обществе, таким образом, в значительной степени подразумевает управление и контроль над складыванием и ростом интеллектуально-деятельностных сетей, которые вырастают (в том числе) из интеллектуальных сетей, описанных Р. Коллинзом. Их рост управляется когнатурой, которая проявляется в выборах акторов-контрагентов тем, что вносит поправки в сторону большей адекватности в процессе осуществления деятелями габитуальных практик. Когнатура наиболее проявлена в периоды наименьшей адекватности габитуса и представляет собой его дополнение до актуальной реальности, порождая практики, закрывающие «разрыв неадекватности», которые затем, через интерактивные ритуалы, модифицируют старый габитус или становятся зародышем нового, так как когнатура, являясь энергетически дорогим инструментом, не может действовать постоянно. Так, в приложении к политической науке Л.В. Сморгунув пишет: «Сегодня знания превратились в решающий фактор развития экономики, социальной сферы, политики и

культуры. Требование управлять знаниями является необходимым условием конкурентоспособности современной организации в частном или публичном секторе»¹. И далее: «эти умения и навыки являются чрезвычайно важными в современном государственном управлении, ориентированном на сетевые структуры, сотрудничество и обмен знаниями». Сети, развивающиеся согласно имеющемуся и производимому внутри них знанию — такова подлинная картина социального бытия. На стратегии управления сложностью накладываются следующие рамочные требования, сформулированные в работе: а) презумпция ограниченности ресурсов, например, в форме экологического императива, б) понимание будущего человечества как совокупности последствий его решений, в) аутопоэзный характер роста хирам, г) как можно более полная представленность научных знаний в локальной ситуации принятия решений, д) принципиально диалогический характер всех взаимодействий.

Основными результатами работы, по нашему мнению, являются:

- Вариант социально-философской концептуализации процесса взаимодействия сознания и общества в метафорах из конкретных наук и дисциплин: теории самоорганизованной критичности, постсинтетической теории эволюции, дисциплин сетевой парадигмы;

- Проблематизация праксиологической, деятельностной совместимости имеющихся социологических, социально-философских, психологических, биологических, эпистемологических, когнитивистических и других парадигм;

- Указание на сетевой, фрактальный и самоорганизованно-критический характер распространения и утверждения изменений в обществе и в целом роста его сложности;

¹ Сморгун Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. — 2016. — №2. — С.181-197.

- Предложение комплекса концептов «когнатура», «габитус», «выбор» и других в качестве инструмента для исследования сложности взаимодействия когнитивного и социального;

- Указание на интеллектуально-деятельностные сети как наиболее вероятные субъекты социальных изменений и социального развития;

- Выработка основ сложностно-сетевых подходов к оценкам деятельности субъектов социального развития;

- Формулирование рамочных требований к стратегиям управления развитием и сложностью.

Ввиду растущей необходимости учёта глобальных связей и взаимодействий при принятии даже локальных решений, автор указывает на необходимость разработки парадигмы, концептуальной базы, позволяющей быстро создавать научную картину проблемной ситуации с требуемым уровнем адекватности и затрат; образно говоря, этот мета-концепт должен обладать свойствами как «всюду плотности», так и вычислимости. Пересборка научного знания и управленческого мировоззрения на базе такого мета-концепта (парадигмы) представляет собой, на наш взгляд, необходимую часть ответа на вызовы сегодняшнего дня; более того, есть основания полагать, что не всегда вынужденная дисциплинарная сегрегация и «естественное» сопротивление специалистов меж- и трансдисциплинарным взаимодействиям лежит в основе дезинтеграции разнообразных высокоразвитых социальных, когнитивных, политических и экономических образований, в том числе науки, производства и в целом страны. К. Уилбер пишет *о подходе с позиции развития*, который «исходит из понимания того, что существуют многие различные ценности и мировоззрения; что некоторые из них более сложны, чем другие; что многие проблемы одного этапа развития можно разрешить лишь путем эволюции на более высокий уровень и что окончательно достичь социальной справедливости можно, лишь признавая эту эволюцию и способствуя ей. Более того, если мы признаем, что все эти

«матрицы ценностей» потенциально доступны каждому индивиду, становится понятно, что причины социальной напряженности связаны не с цветом кожи, экономическим положением или политическим влиянием, а с *типом мировоззрения*, исходя из которого действует человек, группа людей, клан, племя, деловой мир, правительство или страна»¹.

Мы подчеркиваем, что поиски такой парадигмы не могут быть оставлены на волю озарений, слепого случая, конstellляции обстоятельств, людей и коллективов. На наш взгляд, в гуманитарных науках требуется своя системная инженерия в том смысле, в каком её излагает А.И. Левенчук² (МФТИ) — как современный, «индустриальный» способ измышления, производства, реализации нетривиальных, контринтуитивных концептов, эффективно воплощающих требования реальности к системам, в нашем случае к гуманитарным текстам, программам, методологиям, исследованиям, социальным технологиям и проектам — и к решениям, на них основанным. Рост скорости изменений, а также количества людей и объёмов энергии, задействованных в них, оставляют всё меньше возможностей для «эволюционного», методом «проб и ошибок», или традиционного, во многом и кумулятивного, и ремесленнически-спекулятивного, способа развития гуманитарной мысли. Это не означает «перехода на тёмную сторону» естественных наук с их зачастую незрячей, узкодисциплинарной приверженностью количественным измерениям, а развитие своей собственной макрометодологии, базирующейся на таком же по фундаментальности концепте, как измерение в «твёрдых» науках, и схватывающем специфику «мягких». Мыслить гуманитарно — значит, мыслить точно и глобально, всеобъемлюще и всеаспектно; только при наличии и обоснованности таких претензий можно будет рассчитывать на полноценное социальное

¹ Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — Москва : Издательство АСТ и др., 2004. — 412 с. — С.74.

² Левенчук А.И. Системноинженерное мышление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://techinvestlab.ru/systems_engineering_thinking/ — (Дата обращения: 24.02.2017).

пространство диалога гуманитарных и естественных наук, в котором и родится новое будущее для всего человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. — Москва : Владос, 1994. — 336 с.
2. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Выпуск 2: Гносеологические и логико-методологические проблемы (Сокр. пер. с немецкого В.Н.Поруса). — Москва : Институт философии РАН, 1996. — С.231-253.
3. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / П. Андерсон, пер. с англ. — Москва : Интер-Версо, 1991. — 272 с.
4. Аржитова Ю.С. Информационные технологии в управлении деятельностью социальных систем в условиях трансформации российского общества : автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. филос. н., Улан-Удэ, 2009.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. — 608 с.
6. Аршинов В.Я., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В.Я. Аршинов, Я.И. Свирский // Философия науки и техники. — 2015. — Т.20. — №2. — С.70-84.
7. Бадмаева М.В. П.Сорокин об истоках и преодолении социального кризиса / М.В. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №6. — С.72-76.
8. Бак П. Как работает природа: Теория самоорганизованной критичности / П. Бак, пер. с англ. — Москва : Изд-во УРСС, 2014. — 276 с.
9. Бартунаев Л.Р., Желаева С.Э. Фактор времени как источник неравновесия в процессе самоорганизации экономических систем / Л.Р. Бартунаев, С.Э.

Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — №2. — С.11-16.

10.Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — Москва : Академия, 2004. — 790 с.

11.Бердяев Н.А. и др. Вехи. Из глубины / Н.А.Бердяев и др. — Москва : Правда, 1991. — 608 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

12.Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А.Бердяев. — Москва : Книга, 1991. — 446 с.

13.Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с.

14.Болдонова И.С. О диалогости герменевтики Г.-Г. Гадамера // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №6. — С.21-25.

15.Борхес Х.Л. Приближение к Альмутасиму / Х.Л.Борхес; пер. с исп. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Кристалл», 2001. — 160 с.

16.Бояк Т.Н. Роль культуры в формировании личности: некоторые концепции социализации / Т.Н. Бояк // Евразийский союз учёных. — 2015. — №5-7(14). — С.89-91.

17.Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Ф.Бродель. — Москва : Весь мир, 2006.

18.Буданов В.Г., Пунда Д.И. Проблемы познания сложности, как основные вызовы современности // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. — Уфа, 6-10 октября 2015 г. — Т.3. — С.226-227.

19.Будник Г.А. Пространство творчества. К 20-летию Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, её место и роль в истории отечества» / Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. — 2014. — №1. — С.46-51.

20.Бурдьё П. Включенная объективация / П.Бурдьё, пер. с фр. // Социологический журнал. — 2011. — №2. — С.21-38.

- 21.Бурдьё П. Практический смысл / П.Бурдьё; пер. с фр. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001 г. — 562 с.
- 22.В ЕС задумались о выплате безусловного базового дохода всем европейцам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2017/01/15/jobless/> — (Дата обращения: 07.02.2017).
- 23.Валлерстайн И. Миров-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. — Выпуск 1. — С. 105—123.
24. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — Иванов-Франковск : Ист-Вью, 2002. — 352 с.
25. Веблен Т. Теория праздного класса / Т.Б.Веблен. — Москва : Либроком, 2017. — 368 с.
26. Верещагин Н.К. и др. Колмогоровская сложность и алгоритмическая случайность / Н.К. Верещагин, В.А. Успенский, А. Шень. — Москва : МЦМНО, 2013. — 576 с.
- 27.Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. — Москва : Наука, 1991. — 271 с.
- 28.Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (Часть I). Москва : Гнозис, 1994. — 612 с.
- 29.Витгенштейн, Л. и др. Языки как образ мира / Л. Витгенштейн и др. — Москва : Изд-во АСТ, 2003. — 576 с.
- 30.Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д.Деннетт и его теория сознания / Д.Б.Волков. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2012. — 320 с.
- 31.Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / Под ред. Ю. А. Кимелева. — Серия «Социология». — Москва: ИНИОН РАН, 1995.

32. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс; пер. с англ. — Москва : Эдиториал-УРСС, 1999. — 704 с.
33. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации / Э. Гидденс, пер. с англ. — Москва : Академический проект, 2015. — 528 с.
34. Гнедько А.В. Экзистенциальный психоанализ и неомарксизм в концепции Э. Фромма / А.В. Гнедько // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2016. — №1. — С.169-177.
35. Гомбоева Л.В. Развивающая культура: этико-политико-правовые основы / Л.В. Гомбоева // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12. — №1. — С.16–24.
36. Гриценко В.С. Марксизм vs экзистенциализм? / В.С. Гриценко // Новые идеи в философии. — 2013. — Т.1. — №21. — С.83-93.
37. Громов И.А. и др. Западная социология / И.А. Громов, И.А. Мацкевич, В.А. Семенов. — Санкт-Петербург : ДНК, 2003. — 560 с.
38. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. — Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») — 464 с.
39. Дело Лаврентия Бери: Сборник документов / Под общей ред. О.Б. Мозохина. — Москва : Кучково поле, 2015. — 432 с. — С.156.
40. Джохадзе И. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности / И. Джохадзе // Философско-литературный журнал «Логос». — 2016. — №5(114). — Т.26. — С.1-18.
41. Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч, пер. с англ. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. — 581 с.
42. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. — Кн. 1. — С. 5–42.

43. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии. // Социологические исследования. — 2000. — №2. — С.20-28.
44. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Основы военной системотехники / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов. — Москва : МО СССР, 1983.
45. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. Сб. статей / Д.И. Дубровский. — Москва : Стратегия-Центр, 2007. — 254 с.
46. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм, пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — Москва : Канон, 1995. — 352 с. — (История социологии в памятниках).
47. Евин И.А. и др. Масштабная инвариантность городов // Сложные системы. — 2015. — №4(17). — С.4-17.
48. Жерносенко И.А., Сандакова Л.Г. Концептуальные основания становления современной модели социального развития / И.А. Жерносенко, Л.Г. Сандакова // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. — Улан-Удэ, 27-29 июня 2017 г.
49. Жуков, Д.А. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т.1 / Дмитрий Жуков. — 2-е изд. — Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. — 428 с.
50. Жуков, Д.А. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т.2 / Дмитрий Жуков. — 2-е изд. — Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. — 368 с.
51. Зафировский М. Парсонс и Сорокин. Сравнение вклада в создание социологической теории (в двух частях) / М. Зафировский // Социологические исследования. — 2011. — №№3,4. — С.117-126, С.120-130.
52. Иван Тимофеевич Фролов / И.Т.Фролов; под ред. В.А.Лекторского. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 567 с. — (Философия России второй половины XX века).

- 53.Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука / В.В.Иванов, Г.Г.Малинецкий. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 304 с.
- 54.Канарш Г.Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества / Г.Ю.Канарш // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — №2. — С.50-60.
- 55.Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества / С.П. Капица. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2010. — 192 с.
- 56.Каплан А.Б. Французская школа «Анналов» об истории культуры // Идеи в культурологии XX века. Сборник обзоров. — Москва : ИНИОН, 2000. — 211 с. — С.51-73.
- 57.Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»).
- 58.Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Мануэль Кастельс; пер.с англ.под науч.ред. О.И. Шкатарана. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
- 59.Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). — Москва, 1999. — С.492-506.
- 60.Катречко С.Л. О понимании термина «трансцендентальный» в кантовской философии // Философия. Язык. Культура. Вып. 5. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. — 566 с.
- 61.Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма / Д.О. Квятковский // Вестник Омского университета. — 2016. —№1(79). — С.63-67.
- 62.Кезин А.В. Менеджмент: теории управления организациями / А.В.Кезин. — Москва : Гардарики, 2002. — 270 с.

- 63.Кезин А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. Аналитический обзор / А.В.Кезин. — Москва : ИНИОН РАН, 2006. — 100 с. — (Серия «Проблемы философии»).
- 64.Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М.Кейнс. — Москва : Гелиос АРВ, 2015. — 352 с.
- 65.Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев. — Москва : ИФРАН, 2009. — 205 с.
- 66.Князева Е.Н. Социальная сложность: Самоорганизация, тренды, инновации / Е.Н. Князева // Общество: Философия, история, культура. — 2013. — №1. — С.20-28.
- 67.Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Р.Коллинз, пер. с англ. Н.С.Розова. — Москва : URSS, 2015. — 504 с.
- 68.Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с.
- 69.Корчажкина О.М. Фрактальная модель процесса познания / О.М.Корчажкина // Вопросы философии. — 2016. — №5. — С.93-105.
- 70.Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. — Москва : Изд-во Политиздат, 1988. — 383 с. — Над чем работают, о чём спорят философы.
- 71.Костикова А.А. Современная философия: новый подход к исследованию, преподаванию, развитию (обзор опыта исследований аналитической философии сознания) / А.А.Костикова // Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. — 2016. — №1. — С.77-84.
- 72.Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. Изд. 2-е / В.Н. Костюк. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 176 с.

- 73.Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А.В. Кравченко. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с.
- 74.Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — №1(28). — С.180-184.
- 75.Куайн У. Слово и объект / У. Куайн. — Москва : Логос, Праксис, 2000. — 386 с.
- 76.Кузнецов А.Е., Кузнецова А.М. Манифестации когнитивных проекций: цивилизационный аспект / А.Е. Кузнецов, А.М.Кузнецова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №6. — С.8-12.
- 77.Култыгин В.П. Концепции социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. — 1997. — №5. — С.85-90.
- 78.Кунин Е. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции / Е.Кунин. — Москва : Центрполиграф, 2014. — 527 с.
- 79.Кущенко С.В. О проблеме адекватности общественного сознания // Сибирский философский журнал. — 2011. — №1. — Т.9. — С.35-39.
- 80.Кьеркегор С. Наслаждение и долг / С.Кьеркегор, пер. с датского. — Киев : AirLand, 1994. — 504 с.
- 81.Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Л.Кэрролл; пер. с англ. Н. Демуровой. — Москва : Пресса, 1992. — 320 с.
- 82.Лаборатория исследования нестандартных явлений природы. — Режим доступа : http://elibrary.ru/org_items.asp?orgsid=5226 — (Дата обращения : 12.03.2017).
- 83.Лаврик Н.В. Теоретические концепции информационного общества как предпосылки к зарождению электронной демократии / Н.В. Лаврик // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014. — №11. — С.56-65.
- 84.Ланца Р., Берман Б. Биоцентризм. Как жизнь создаёт Вселенную / Р.Ланца, Б.Берман, пер. с англ. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 224 с.

- 85.Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию /Б. Латур, пер. с англ. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
- 86.Левенчук А.И. Системноинженерное мышление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://techinvestlab.ru/systems_engineering_thinking/ — (Дата обращения: 24.02.2017).
- 87.Леви-Стросс К. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс, пер. с фр. — Москва : Эксмо-Пресс, 2001. — 512 с. (Серия «Психология без границ»).
- 88.Леопольд А. Календарь песчаного графства / А.Леопольд. — Москва : Мир, 1983. — 248 с.
- 89.Лепехов С.Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации / С.Ю.Лепехов // Интеллигенция, её гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча». — Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. — С.195-205.
- 90.Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике) / В.Е.Лепский. — Москва : Когито-Центр, 2016. — 160 с.
- 91.Лифинцева Т.П. «Экзистенциализм» или «экзистенциальная философия»? Нюансы важны / Т.П. Лифинцева // Эдип. — 2008. — №4. — С.38-43.
- 92.Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К.Лоренц // Человек. — 1997. — № 5.
- 93.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М.Лотман. — Москва : Азбука-Аттикус, 2015. — 704 с.
- 94.Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. — 2009. — № 2(4). — С. 149–159.
- 95.Луман Н. Мировое время и история систем / Никлас Луман; пер. с нем. В. Бакусева // Логос. — 2004. — №5. — С.131-168.
- 96.Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Вопросы философии. — 1997. — № 3. — С. 48-61.

- 97.Макарьева А. Чтоб не обрушить мирозданье // Наука и жизнь. — 2009. — №8. — С.2-9
- 98.Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г.Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).
- 99.Мамардашвили М.К. Стрела познания / М.К.Мамардашвили. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997.
100. Мантатов В.В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной / В.В.Мантатов // Вестник ВСГУТУ. — 2013. — №4(13). — С.132-136.
101. Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Экологическая этика как философский проект жизни / В.В.Мантатов, Л.В.Мантатова // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. — 2016. — №1. — С.36-40.
102. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. — 698 с.
103. Матрица, художественный фильм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/> (Дата обращения — 06.02.2017).
104. Матурана У.Р, Варела Ф.Х. Древо познания / У.Р.Матурана, Ф.Х.Варела. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.
105. Мацкевич И.В. Толкотт Парсонс и развитие теории организации / И.В. Мацкевич // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — №6. — С.42-46.
106. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Денис Медоуз, пер. с англ. — Москва : «Академкнига», 2007. — 342 с.
107. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети / И.Ф. Михайлов. — Москва : ИФРАН, 2015. — 196 с.

108. Михайловский В.С. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра / В.С. Михайловский // Социология. — 2015. — №4. — С.37-43.
109. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Издательство «Аграф», 1998. — 480 с.
110. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Н.Н.Моисеев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 351 с.
111. Молчанов А.В. Проблема одиночества в традициях экзистенциализма и персонализма / А.В.Молчанов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — №2. — С.101-105.
112. Момджян К.Х и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х.Момджян, Д.Г.Подвойский, В.С.Кржевов, А.Ю.Антоновский, Р.Э.Бараш // Вопросы философии. — 2016. — №1. — С.17-42.
113. Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: ещё раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. — 2016. — №7. — С.115-129.
114. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология / А.П. Назаретян. — Москва : Изд-во «Пер'сэ», 2001. — 365 с.
115. Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А.П. Назаретян. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. — 437 с.
116. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. — Москва : Прогресс, 1981. — 232 с.
117. Науанова К.М. Ф.М.Достоевский: проблема человека и его свободы в свете экзистенциализма / К.М. Науанова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2014. — №6. — Т.3. — С.20-27.

118. Нестик Т.А. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу / Образовательная политика. — 2010. — № 7–8 (45–46). — С. 19-30.
119. Никаноров С.П. Концептуальные методы / С.П.Никаноров. — Москва : «Концепт», 2002. — 32 с.
120. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.1. — Москва : Мысль, 2010. — 744 с.
121. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. — Москва : Мысль, 2010. — 692 с.
122. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова / С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : АЗЪ, 1994. — 928 с.
123. Олескин А.В. Парадигмы сетевой организации и их применение при практическом создании сетевых структур. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/networks/paradigmy-setevoj-organizacii-i-ix-primenenie-pri-prakticheskom-sozdanii-setevykh-struktur/> — (Дата обращения: 01.03.2017).
124. Олескин А.В. Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия / А.В. Олескин. — Москва : URSS, 2016. — 200 с.
125. Орлов В.В., Гриценко В.С. Проблема сложности в современной зарубежной философии // Философия и общество. — 2010. — №1. — С.141-155.
126. Ортега-и- Гассет Х. Что такое философия? (Сборник) / Х.Ортега-и-Гассет. — Москва : Институт философии РАН, 1991. — 408 с. — С.174.
127. Осинский И.И., Добрынина М.И. Идентификация интеллигенции / И.И.Осинский, М.И.Добрынина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №14. — С.179-184.
128. Основопологающие принципы Agile-манифеста. Режим доступа : <http://agilemanifesto.org/iso/ru/principles.html> (Дата обращения : 28.12.2017).

129. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А.С.Панарин. — Москва : ИФ РАН, 2005. — 188 с.
130. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С.Панарин. — Москва : Эксмо, Алгоритм, 2004. — 640 с.
131. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — Москва : Аспект-Пресс, 1997. — 270 с.
132. Пассмор Дж. Сто лет философии / Джон Пассмор, пер. с англ. — Москва : «Прогресс-Традиция», 1998. — 496 с.
133. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с.
134. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. — Санкт-Петербург : Издательство «Питер», 2005. — 480 с.
135. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. — Москва : Педагогика-Пресс, 1994. — 526, [1] с. - (Психология: классические труды). — С.234.
136. Повышенное энергопотребление позволило человеку «вырастить» большой мозг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2016/05/05/Human-paradox> — (Дата обращения: 12.02.2017).
137. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н.Л. Полякова. — Москва : «Логос», 2004. — 378 с.
138. Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / Карл Р. Поппер, пер. с англ. — Москва : АСТ МОСКВА, 2008. — 638 с.
139. Постников А.Н. «Контрреволюция» в СССР: духовно-идеологический аспект. Монография / А.Н.Постников. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. — 232 с.
140. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / И.Р. Пригожин. — Москва : Наука, 1985. — 328 с.

141. Приходько С.В. Феномен свободы в философии экзистенциализма / С.В. Приходько // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — №25. — С.276-279.
142. Прохоренко Ю.И. Социальная реальность: социально-философские аспекты практических, методологических и теоретических проблем / Ю.И. Прохоренко // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2009. — №1. — Т.1. — С.20-27.
143. Прытков В.П. Фрактальный характер философского знания / В.П.Прытков // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — №3(385). — С.26-35.
144. Птицына С.С. Теория сетевого общества М.Кастельса: теоретико-социологический анализ / С.С.Птицына // Всероссийский журнал научных публикаций. — 2011. — №3(4). — С.55-56.
145. Расследование Das Magazin: как Big Data и пара учёных обеспечили победу Трампу и Brexit (перевод с англ.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://theins.ru/politika/38490> свободный (дата обращения: 06.02.2016).
146. Рахматуллин Р.Ю. Фрактальная концепция творчества / Р.Ю. Рахматуллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — №7-1(57). — С.145-147.
147. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С.Вдовиной. — Москва : Академический проект, 2008. — 695 с.
148. Родос В.Б. Дарвинизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2008. — №1. — С.89-119.
149. Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) / М.А. Розов // Наука

глазами гуманитария: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.А. Лекторский. — Москва : Прогресс-Традиция, 2005. — С.23-58.

150. Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

151. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования / Н.С.Розов. — Новосибирск : Манускрипт, 2016. — 344 с.

152. Розов Н.С. Колея и перевал. макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С.Розов. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 734 с.

153. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Дэвид Роткопф; пер. с англ. — Москва : Астрель Полиграфиздат, 2010. — 475 с.

154. Руткевич А.М. Философия времён Веймарской республики / А.М.Руткевич // Философские науки. — 2013. — №7. — С.49-64.

155. Савельев С.В. Происхождение мозга / С.В. Савельев. — Москва : Веди, 2005. — 368 с.

156. Сандакова Л.Г. Информационно-технологическая парадигма образования: гуманистическая сущность и концептуальные основы : автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра филос. наук. Бурятский гос. университет, Улан-Удэ, 2003.

157. Сандакова Л.Г. Становление и развитие личности в образовательном пространстве современного общества / Л.Г.Сандакова // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения проф. В.А.Балханова. — Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.145-155.

158. Сандакова Л.Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности / Л.Г. Сандакова // Целостное мировоззрение: Опыт исследования и интерпретации. Материалы

региональной научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения проф. В.А. Балханова. — Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.46-49.

159. Серебрякова Ю.А. Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры / Ю.А.Серебрякова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — №6. — С.217-222.

160. Словарь практического психолога. — Москва : АСТ; Харвест, 1998. — 800 с.

161. Сморгунов Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. — 2016. — №2. — С.181-197.

162. Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. — Москва : Аспект Пресс, 2014. — 320 с.

163. Солодова Е.А. Новые модели в системе образования: Синергетический подход: Учебное пособие. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. — 344 с.

164. Сорокин П. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор / П. Сорокин. — Москва : ИСПИ РАН, 2009. — 384 с.

165. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. — Москва : Астрель, 2006. — 1176 с.

166. Талев Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талев; пер. с англ. — Москва : Издательство «Колибри», 2009. — 528 с.

167. Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии / Джонатан Тернер, пер. с англ. // Личность. Культура. Общество. — 2001. — №2(8). — С.11-39.

168. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Книга первая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm> (Дата обращения: 09.02.2017)

169. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2008. — 560 с.

170. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т.Тощенко. — Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.
171. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Л.Уайт. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 640 с. — С.525.
172. Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — Москва : Издательство АСТ и др., 2004. — 412 с.
173. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Москва, Кремль. 1 декабря 2016 г., №642. — Режим доступа : <http://sntr-rf.ru/> — (Дата обращения 12.03.2017).
174. Уфимцев Р. Прологи [Электронный ресурс]. — Режим доступа http://cognitivist.ru/er/kernel/prologi_17_cognitive_fractals.xml свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 06.02.2016).
175. Ученые Оксфордского университета назвали основные угрозы человечеству [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://regnum.ru/news/innovatio/2234981.html> -- свободный (дата обращения 07.02.2017).
176. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / Дэвид Уэст; пер. с англ. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 448 с.
177. «Финиковый компот» (журнал). — Режим доступа : <http://datepalmcompote.blogspot.ru/> — (Дата обращения : 24.01.2017).
178. Финляндия начала эксперимент по выплате гражданам денег просто так [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://news.mail.ru/economics/28327540/> — (Дата обращения: 07.02.2017).
179. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки/ Г. Фоллмер; перевод с немецкого и общая редакция: профессор А. В. Кезин. — Москва : Центр гуманитарных инноваций, 1998. — 345 с.

180. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М.Фуко, пер. с фр.. — Санкт-Петербург : А-сад, 1994 г. — 408 с.
181. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — №3. — С.84-118.
182. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер. — Москва : Академический проект, 2007. — 303 с.
183. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма / С.Цоколов. — Мюнхен, 2000. — 334 с.
184. Цырендоржиева Д.Ш. Развитие общества с позиций синергетики / Д.Ш. Цырендоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №6. — С.26-29.
185. Чукреев П.А., Тогошиева А.В. Синергетический метод в исследовании процесса социализации учащейся молодежи (Республика Бурятия) / П.А.Чукреев, А.В.Тогошиева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — №14. — С.185-189.
186. Шалыганов Ю. Проект Россия. Книга 4. Большая идея / Ю.Шалыганов. — Москва : Эксмо, 2010. — 320 с. С.66.
187. Швейцер А. Культура и этика (Под ред. В. А. Карпушина) / А. Швейцер, пер. с нем. — Москва : Прогресс, 1973. — 343 с.
188. Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm — (Дата обращения: 13.02.2017)
189. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Москва : Наука, 1993. — 592 с.
190. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики (1945) / Э.Шредингер; пер. с англ. — Москва : РИМИС, 2009. — 176 с. С.91-92.
191. Шрейдер Ю.А. Смысл / Ю.А.Шрейдер // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. — Москва : «Мысль», 2010. — 692 с. — С.576

192. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Эрнст Шумахер, пер. с англ. — Москва : ИД ВШЭ, 2012. — 352 с. — (Социальная теория).
193. Энергетический подход к эволюции мозга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430378/Energeticheskiy_podkhod_k_evolutsii_mozga — (Дата обращения 12.02.2017).
194. Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — (Серия «Humanitas»).
195. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби, пер. с англ. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 432 с. — С.293.
196. Юдин Г.Б. Объективация и объективность в эпистемологии П.Бурдьё / Г.Б.Юдин // Социологический журнал. — 2011. — №2. — С.5-20.
197. Яблокова Н.И. Социальный субъект в условиях глобализации / Н.И. Яблокова // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — №3. — С.52-57.
198. Agile-манифест разработки программного обеспечения. Режим доступа : <http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html> (Дата обращения : 28.02.2017).
199. Basically flawed [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.economist.com/news/leaders/21699907-proponents-basic-income-underestimate-how-disruptive-it-would-be-basically-flawed> -- (Дата обращения: 07.02.2017).
200. Bonds, M.H., D.C. Keenan, P. Rohani, and J. D. Sachs. 2010. "Poverty trap formed by the ecology of infectious diseases," *Proceedings of the Royal Society of London, Series B*, 277:1185-1192.
201. Clinton vs. Trump? No, It's the Media vs. America. — Режим доступа: <https://www.thenewamerican.com/usnews/politics/item/23800-clinton-vs-trump-no-it-s-the-media-vs-america> (Дата обращения: 08.02.2016).

202. Dennett D. C. *Consciousness explained* / D.C. Dennett. — New-York : Back bay books, 1991. — 511 p.
203. *Existential Risk. Diplomacy and Governance* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.fhi.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Existential-Risks-2017-01-23.pdf> -- свободный (дата обращения 07.02.2017).
204. Hardoon, D. *An economy for the 99%* / Deborah Hardoon. — URL: <http://oxf.am/ZLRC> (дата обращения: 17.01.2017)
205. Miller G.A. *The Magical Number Seven, Plus or Minus Two*. // *The Psychological Review*. — 1956. — Vol. 63. — P.81-97
206. *Notes from the Field: Pan-Resistant New Delhi Metallo-Beta-Lactamase-Producing Klebsiella pneumoniae — Washoe County, Nevada, 2016* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.cdc.gov/mmwr/volumes/66/wr/mm6601a7.htm?s_cid=mm6601a7_w — (Дата обращения: 07.02.2016).
207. Pontzer H. et al. *Metabolic acceleration and the evolution of human brain size and life history* / Herman Pontzer et al.// *Nature*. — №533 (19.05). — 2016. — С.390–392. — (doi:10.1038/nature17654)
208. Quine W.O. *From a logical point of view* / W.O.Quine. — Cambridge, 1953. — 184 p.
209. Sorokin P. *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. — Westport, Connecticut : Greenwood Press Publishers, 1956. — P. 102-130.
210. *The Insider. Расследование Das Magazin: как Big Data и пара учёных обеспечили победу Трампу и Brexit (перевод с англ.)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://theins.ru/politika/38490> свободный (дата обращения: 06.02.2016).
211. Zakaria F. *In Defence of a Liberal Education*. — New-York, London : W.W.Norton & Co, 2015.